31
Б 27

БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ И В СССР

БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ И В СССР

СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией
канд. экон. наук *А. Г. Вишневского*

Москва «Статистика»
1977

31
Б87

Б87 **Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. Сб. статей. Под. ред. А. Г. Вишневского. М., «Статистика», 1977.**

247 с. с ил.

В сборник включены статьи историко-демографического плана и статьи, отражающие актуальные вопросы отечественной демографии. В работе рассматриваются брачность, смертность и становление нового типа рождаемости в СССР, а также демографические процессы в дореволюционной России.

Книга рассчитана на демографов, историков, социологов, экономистов и на тех, кто интересуется проблемами народонаселения.

Б $\frac{10805\text{-}159}{008(01)\text{-}77}$ 41-78 312

© Издательство «Статистика» 1977

ПРЕДИСЛОВИЕ

Демография — наука, чей возраст (он исчисляется со времени работ Джона Граунта) перевалил за три столетия, в последние десятилетия переживает свое второе рождение. Само слово «демография», прежде известное лишь узкому кругу специалистов, ныне все чаще встречается в важнейших политических документах, стало обычным на страницах массовых изданий, прочно вошло в словарь журналиста, политика или ученого. Этот внешний признак возросшего общественного интереса к демографической проблематике — закономерное отражение глубоких исторических изменений в воспроизводстве населения, места, которое заняли в жизни современного общества проблемы народонаселения, порой достигающие большой остроты, практической важности демографических исследований.

Старая «классическая» демография, которая ограничивала свои задачи в основном измерением отдельных демографических явлений и была практически тождественна демографической статистике, оказалась не в состоянии ответить на поставленные жизнью вопросы, дать качественный анализ происходящих демографических изменений, связать их со всеми изменениями в экономической, социальной, политической, культурной сферах. Для того чтобы демографическая наука смогла выполнять роль, отвечающую новым условиям, понадобилось резко расширить вовлекаемый в исследования материал и в то же время существенно пополнить арсенал методов его анализа.

Внутри единой отрасли знаний — демографии — стали развиваться все новые и новые подотрасли, изучающие связь демографических процессов и явлений с экономическими, социальными, этнокультурными и другими процессами, пользующиеся методами соответствующих наук (экономики, социологии, этнографии и т. д.). В результате сегодня можно с большим или меньшим осно-

ванием говорить, скажем, об экономической, социальной, этнической демографии; внутренняя дифференциация системы демографических знаний продолжается. Объединенные общим предметом исследования — воспроизводством населения — подотрасли демографии изучают его специфические связи с отдельными сторонами социальной действительности, что позволяет в конечном счете осмыслить демографический процесс как неотъемлемый элемент воспроизводства всего общественного организма, охватить все богатство существующих здесь взаимозависимостей и благодаря этому вскрыть закономерности собственно демографического развития.

С этим основным направлением эволюции демографической науки на современном этапе тесно связано и развитие исторической демографии. Еще недавно сравнительно-исторический анализ был крайне слабо распространен в демографии. Почти до наших дней дожили попытки найти универсальные внеисторические закономерности демографического развития, опираясь лишь на непосредственно наблюдаемые факты, вывести абстрактные математические зависимости, годные для любых эпох. И только когда стало ясно, что демография должна во всех отношениях стать вровень с другими общественными науками, была осознана необходимость превращения ее в науку историческую, началось ускоренное накопление историко-демографического материала.

Во многих странах историко-демографические исследования развернулись в весьма широком диапазоне — от палеодемографических изысканий и анализа древнейших письменных источников до изучения сравнительно недавних записей в церковных книгах и материалов первых переписей населения. При этом используются самые современные методы математического, физико-химического, медико-биологического анализа, широко применяется электронно-вычислительная техника. Растет число научных публикаций по исторической демографии.

Все более широко разворачиваются историко-демографические исследования и в нашей стране. Одно из свидетельств тому — предлагаемая читателю книга. Хотя это один из первых сборников целиком историко-демографического содержания, тематика статей и круг авторов (в сборнике представлены авторы из 7 городов 4 союзных республик) сами по себе говорят о том, что исследованиям в области исторической демографии у нас уделяет-

ся немалое внимание. В то же время статьи сборника свидетельствуют о наличии огромного слабоизученного исторического материала, обращение к которому позволяет существенно расширить наши представления о закономерностях демографического развития и лучше понять условия формирования современной демографической ситуации в СССР.

Публикуемые в сборнике статьи базируются на изучении архивных источников, на изданных ранее, но недостаточно анализировавшихся до сих пор статистических материалах (таких, как итоги первой всеобщей переписи населения 1897 г., ежегодники Центрального статистического комитета «Движение населения в Европейской России», отчеты Управления Главного врачебного инспектора и т. п.), а также на собственных исследованиях авторов (отметим в качестве примера пионерные для нашей исторической демографии работы Х. Палли по восстановлению истории семей на основе приходских метрических записей в Эстонии XVII—XVIII вв.). В сборнике впервые вводятся в научный оборот весьма ценные статистико-демографические материалы, например таблицы смертности населения СССР 1938—1939 гг., таблицы брачности населения Европейской России 1896—1897 гг., индексы рождаемости (по Э. Коулу) за 1896—1897 гг., исчисленные для 50 губерний Европейской России, и ряд других. Большое место занимает также анализ нестатистического материала, дающего качественную характеристику демографических процессов в прошлом, — фольклора, этнографических наблюдений, свидетельств современников и т. п.

Хотя все авторы пытались осветить затронутые ими вопросы как можно шире и полнее, в ряде случаев бедность информационной базы и общая слабая изученность вопроса позволили сформулировать лишь самые первые гипотезы, которым предстоит еще пройти критическую проверку в ходе будущих исследований. Так обстоит дело, в частности, с характеристикой демографических процессов в дореволюционной Средней Азии. Даже между помещенными в сборнике статьями, затрагивающими вопрос о динамике численности населения Средней Азии, имеются расхождения: разрыв в темпах роста в 0,5% в год в конце XIX в. (М. Караханов) и в 1,4% накануне Октябрьской революции (Р. Сифман) слишком велик. Сейчас мы можем лишь обратить внимание на это рас-

хождение; выяснение и устранение его причин — дело будущего.

Сколь ни важны количественные оценки демографических явлений более или менее отдаленного прошлого, еще более важно осмысление их качественных особенностей в разные эпохи, сути изменений при переходе от одной эпохи к другой. Брачность, рождаемость и смертность — основные демографические явления, без которых немыслимо воспроизводство населения ни на какой ступени человеческой истории. Но, как писал известный советский историк Б. Ф. Поршнев, «историзм требует не узнавания в иной исторической оболочке той же самой сути, а, наоборот, обнаружения по существу противоположного содержания даже в том, что кажется сходным с явлениями нынешней или недавней истории»[1].

В основе современного интереса к демографическому прошлому лежит именно стремление понять различия в содержании, казалось бы, одинаковых демографических процессов вчера и сегодня, в их социальной сущности, в механизмах социального управления демографическим поведением людей, в мотивах, побуждающих каждого действовать в демографической сфере так, а не иначе. Эти вопросы также рассматриваются в ряде статей сборника.

Историю изучают не ради прошлого. Знание прошлого помогает лучше понять настоящее, заглянуть в будущее. Эта книга адресована в первую очередь не любителям старины, а тем, кто решает самые актуальные научные задачи, кто занят изучением новейших демографических тенденций и поисками средств управления демографическими процессами. На XXV съезде КПСС отмечалось, что «разработка эффективной демографической политики — важная задача целого комплекса естественных и общественных наук»[2]. Нет сомнения, что в этом комплексе наук истории принадлежит видное место.

В то же время хочется выразить надежду, что предлагаемая книга будет интересна не одним лишь специалистам-демографам, что она расширит представления читателя не только о демографической истории СССР, но добавит новые штрихи и в общую картину исторических перемен, совершившихся в нашей стране. Огромное сни-

---

[1] *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории. М., 1973, с. 54.
[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 73.

жение смертности, глубокие изменения в демографическом сознании и демографическом поведении людей, которые столь хорошо осознаются в ходе исторических сравнений, теснейшим образом связаны с осуществленными в СССР коренными экономическими и социальными преобразованиями, со всеми основными процессами развития советского общества и формирования нового человека.

А. Г. Вишневский

Б. Ц. Урланис

ДИНАМИКА УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ В СССР ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Уровень рождаемости в СССР после Великой Октябрьской социалистической революции испытывал значительное влияние различных исторических условий, которые наблюдались в нашей стране. Гражданская война и интервенция, новая экономическая политика, индустриализация и коллективизация, Великая Отечественная война, период восстановления, послевоенные пятилетки — шесть минувших десятилетий были насыщены большими событиями, и вполне понятно, что они оказали влияние и на такой важный процесс, как рождаемость.

В числе родившихся, как в зеркале, отражаются условия жизни семей, их возникновения и развития. Намерения брачных пар к обзаведению потомством формируются с учетом всех возможностей, предположений и ожиданий, всех традиций, привычек и особенностей, свойственных народам Советского Союза. Поэтому установить, как изменялись число родившихся и уровень рождаемости в стране, представляет большой интерес с различных точек зрения. Изучение динамики рождаемости за весь этот период имеет значение не только с чисто исторических позиций, но в то же время важно для решения актуальных социологических, экономических и демографических проблем, так как позволяет сделать выводы, могущие дать базу для тех или иных расчетов и предположений в отношении будущего.

К сожалению, изучение динамики рождаемости в нашей стране за все эти годы встречает определенные трудности из-за отсутствия надлежащих статистических материалов. За многие годы вообще нет никаких данных, за другие они охватывают различные территории и поэтому оказываются несравнимыми. Но указанные обстоятель-

ства все же не могут служить основанием для отказа от попыток восстановления динамического ряда, хотя бы он и не отражал действительности с полной точностью.

Из 59 лет периода 1918—1976 гг. только за 37 лет, а именно за 1926, 1928, 1937, 1938, 1939, 1940 гг. и начиная с 1946 г., опубликованы коэффициенты рождаемости, охватывающие Советский Союз в его современных границах. За ряд лет опубликованные данные относятся только к европейской части Союза. За период 1918—1922 гг. исчисления были в свое время сделаны нами на основе итогов переписи 1926 г. для СССР в границах до 17 сентября 1939 г.[1]. Данные за 2 года (1932 и 1935 гг.) приведены в статье С. Г. Струмилина[2]. По остальным годам вообще нет прямых публикаций о рождаемости.

За довоенный период у нас отсутствует коэффициент рождаемости за 1931, 1933, 1934 и 1936 гг. Однако за 1936 г. этот коэффициент можно получить, зная, что он превысил уровень 1935 г. на 18% (в границах до 17 сентября 1939 г.)[3]. Для 1931, 1933 и 1934 гг. можно принять коэффициент 1932 г., так как, судя по данным переписи населения 1959 и 1970 гг., в которых родившиеся в 1929—1933 гг. и 1930—1934 гг. находились соответственно в группах 25—29 и 35—39-летних, больших различий в числе родившихся в 1931, 1933 и 1934 гг. по сравнению с 1932 г. не наблюдается.

Далее, надо учесть различия в границах. Коэффициенты рождаемости за 1918—1925 гг. относятся к населению Советского Союза в границах до 17 сентября 1939 г. В Польше, в состав которой временно входили Западная Украина и Западная Белоруссия, а также в Прибалтике они были иными.

Принимая во внимание, что большая часть населения территорий, позднее вошедших в состав СССР, проживала на территории Польши, где рождаемость была более высокой, общий коэффициент рождаемости для всего этого населения в 1918—1921 гг. можно принять близким к 30‰. Численность населения на территории в современных границах СССР в 1917 г. составляла 163 млн. человек, а в границах до 17 сентября 1939 г. — 143,5 млн.

---

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963, с. 25.

[2] См.: *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957, с. 194.

[3] См.: *Боярский А. Я.* Статистика населения. М., 1938, с. 174.

Таблица 1

ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТА РОЖДАЕМОСТИ В ПОЛЬШЕ И В ПРИБАЛТИКЕ, ‰

Годы	Польша	Латвия	Литва	Эстония
1918	—	—	15,6	—
1919	30,5	—	19,4	17,3
1920	32,2	17,0	22,7	18,4
1921	32,8	19,7	24,6	—
1922	35,5	21,8	27,2	20,2
1923	36,0	21,9	28,2	20,1
1924	35,0	22,3	29,2	19,2

Источники: *Куркин П. И.* Рождаемость и смертность в капиталистических государствах Европы. М., 1938, с. 19; *Звидриньш П. П.* Уровень и динамика рождаемости и смертности в Латвии в период до Советской власти (1840—1940 гг.). — «Учен. зап. Латв. гос. ун-та им. П. Стучки», т. 177. Вопросы статистики, III, с. 65; «Population Studies», 1972—III.

человек[1]. Производя соответствующее взвешивание, получаем для 1918—1921 гг. коэффициент рождаемости для Советского Союза в современных границах на 0,2‰ ниже, чем было исчислено для территории в границах до 1939 г.

Для периода 1922—1924 гг. коэффициент рождаемости для указанных выше районов (с учетом взвешивания приведенных в табл. 1 коэффициентов) принят следующим:

Годы	Коэффициент рождаемости в Польше и в Прибалтике, ‰
1922	31,8
1923	32,3
1924	31,7

Принимая то же, что и в 1917 г., соотношение численности населения, можно исчислить коэффициент рождаемости за указанные годы в современных границах СССР. Эти коэффициенты рождаемости несколько ниже тех, которые относятся к прежним границам Советского Союза.

За дальнейшие годы коэффициент рождаемости относится к европейской части страны в старых границах,

[1] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том). М., 1962, с. 13.

но для 1926 и 1928 гг. опубликованы коэффициенты рождаемости для СССР в современных границах. Сопоставление дает следующие результаты.

Таблица 2

КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ В СССР В 1926 И 1928 ГГ., ‰

Годы	Европейская часть СССР в границах до 17.IX.39 г.	СССР в современных границах	Гр. 3 к гр. 2
1	2	3	4
1926	43,7	44,0	1,007
1928	42,2	44,3	1,049

Разницу в 0,3 пункта в 1926 г. при переходе к современным границам примем для 1925 и 1927 гг. Сравнительно небольшое превышение коэффициента рождаемости в современных границах по сравнению с границами до 17 сентября 1939 г. объясняется тем, что влияние азиатской части СССР с высокой рождаемостью, видимо, в значительной степени нейтрализуется включением воссоединившейся территории с более низкой рождаемостью, чем в европейской части СССР в прежних границах. Соотношение между коэффициентами, установленное для 1928 г., примем для 1929—1935 гг. при переходе к современным границам СССР.

В соответствии с указанными расчетами динамика коэффициента рождаемости в СССР в современных границах в предвоенный период выразится в следующих цифрах.

Таблица 3

ДИНАМИКА КОЭФФИЦИЕНТОВ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР ЗА 1918—1940 ГГ., ‰

Годы	Европейская часть СССР в границах до 17.IX.39 г. *	СССР в современных границах	Коэффициент «эффективной рождаемости» **
1918	32,0	31,8	19,1
1919	31,0	30,8	18,5
1920	31,2	31,0	18,6
1921	35,5	35,3	21,2
1922	37,3	36,8	22,1
1923	43,9	42,8	30,0
1924	42,0	41,0	28,8
1925	44,7	45,0	30,9
1926	43,7	44,0	32,1

Продолжение

Годы	Европейская часть СССР в границах до 17.IX.39 г. *	СССР в современных границах	Коэффициент «эффективной рождаемости» **
1927	43,4	43,7	30,7
1928	42,2	44,3	31,7
1929	39,8	41,8	29,9
1930	39,2	41,2	29,3
1931	(31,0)	(32,6)	(23,0)
1932	31,0	32,6	23,0
1933	(31,0)	(32,6)	(23,0)
1934	(31,0)	(32,6)	(23,0)
1935	30,1	31,6	22,3
1936	—	34,3	24,9
1937	—	38,7	28,1
1938	—	37,5	27,8
1939	—	36,5	26,7
1940	—	31,2	22,1

Примечание. Цифры в скобках — наша оценка.

* За 1918—1924 гг. — по всему СССР в границах до 17 сентября 1939 г.
** Объяснение этого показателя см. ниже (с. 15).
Источники: Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929, с. 74; *Урланис Б. Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР, с. 25; *Смулевич Б. Я.* Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики. М., 1936, с. 146; *Струмилин С. Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957, с. 194; *Боярский А. Я.* Статистика населения. М., 1938, с. 174; Женщины в СССР. М., 1975, с. 101; Население СССР. 1973. М., 1975, с. 69; Народное хозяйство СССР в 1969 г. М., 1970, с. 31; Народное хозяйство СССР в 1975 г. М., 1976, с. 40, 41.

Приведенный ряд динамики коэффициента рождаемости, разумеется, не может претендовать на точность из-за неполноты исходных данных, сложности наблюдения за естественным движением населения за многие годы этого периода и различий в границах. Однако общую картину динамики рождаемости в СССР в современных границах за первые 23 года Советской власти он, безусловно, дает. На основе этих данных мы можем сделать вывод, что коэффициент рождаемости ни разу не падал ниже 30‰ и не превышал 45‰. Максимальный уровень пришелся на 1925 г., когда подорванное войной и интервенцией народное хозяйство страны постепенно восстанавливалось.

Значительное снижение уровня рождаемости можно констатировать в 1931—1936 гг. Оно было связано с трудностями периода коллективизации и с большими миграционными процессами в связи с начавшейся индустриализацией страны. Рост рождаемости в 1936—1939 гг.

объясняется отчасти запрещением абортов в 1936 г., отчасти же ростом контингентов женщин в возрасте самой высокой рождаемости (25—29 лет) — поколения, родившиеся в годы, предшествовавшие первой мировой войне, выделялись своей многочисленностью.

К концу 30-х годов влияние обоих этих факторов стало ослабевать (в частности, в возраст самой высокой рождаемости стали вступать малочисленные поколения женщин, родившиеся в военные годы), а коэффициент рождаемости обнаружил тенденцию к снижению. Резкое снижение рождаемости в 1940 г. объясняется, кроме того, началом советско-финской войны и мобилизацией определенных армейских контингентов.

Для определения уровня рождаемости в 1941—1945 гг. можно исходить из динамики числа учащихся первых четырех классов за 1949—1954 гг.[1]

Учебные годы	Число учащихся, млн. чел.
1949/50	22,6
1950/51	19,7
1951/52	16,4
1952/53	13,4
1953/54	12,1

Учитывая, что в число учащихся первых четырех классов в 1949/50 учебном году частично вошли родившиеся до войны, а в число учащихся в 1953/54 г. частично входили родившиеся после войны, можно считать, что рождаемость в годы войны упала больше чем в 2 раза по сравнению с довоенным уровнем. Это подтверждается, в частности, динамикой уровня рождаемости по Армянской ССР, где коэффициент рождаемости в 1941—1945 гг. равнялся 23,0‰ против 43,5‰ в 1936 г.[2]. В первый год войны, т. е. в 1941 г., уровень рождаемости, вероятно, мало отличался от уровня предшествующего года. Влияние войны заметно могло сказаться только со II квартала 1942 г., т. е. спустя 9 месяцев после ее начала.

Ценные сведения о динамике рождаемости в первой половине 40-х годов можно получить, анализируя данные переписей населения. Так, по переписи 1959 г. име-

---

[1] См.: Культурное строительство СССР. М., 1956, с. 122.

[2] *Urlanis B.* Wars and population. M., 1971, p. 262.

лись следующие сведения о числе рожденных в определенные годы и доживших до определенных возрастов [1].

Годы рождения	Число родившихся в указанные годы и доживших до 1959 г., млн. чел.
1934—1938	20,3
1939—1943	16,5
1944—1948	15,3

Перепись 1970 г. дает следующие сведения [2]:

Годы рождения	Число родившихся в указанные годы и доживших до 1970 г., млн. чел.
1935—1939	21,1
1940—1944	13,8
1945—1949	17,1

Дополнительные сведения о динамике рождаемости можно получить и на основе расчетов, произведенных ЦСУ СССР уже после переписи 1970 г. [3].

Годы рождения	Число родившихся в указанные годы и доживших до 1.I 1973 г., млн. чел.
1933—1937	17,8
1938—1942	19,0
1943—1947	12,6

Хотя каждая из приведенных групп когорт включает в себя не только военные, но и невоенные годы, материалы двух переписей и одного расчета дают представление о характере динамики рождаемости в годы войны и подтверждают сделанный ранее вывод о ее резком падении в этот период.

Начиная с 1946 г. мы располагаем опубликованными коэффициентами рождаемости [4], а начиная с 1950 г. — и числами родившихся [5]. С конца 40-х годов общий коэффициент рождаемости в СССР стабилизировался на уровне 25—27‰, но с 1960 г. началось систематическое падение коэффициента. Самый низкий уровень был достигнут в 1969 г., после чего коэффициент рождаемости обнару-

---

[1] См.: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972, с. 12.

[2] *Там же,* с. 13.

[3] См.: Народное хозяйство СССР в 1972 г. М., 1973, с. 34.

[4] См.: Женщины в СССР, с. 101.

[5] См.: Население СССР. 1973, с. 69.

живает некоторый рост. Этот рост, однако, пока не дает оснований говорить о появлении новых тенденций в динамике рождаемости, а отражает, скорее всего, преходящее влияние изменений в брачно-возрастной структуре населения и в «календаре» рождений [1].

Сравнение современного уровня рождаемости с уровнем рождаемости 20-х годов говорит о его снижении примерно в 2,5 раза. Однако, давая оценку этому снижению, было бы неверно отталкиваться только от данной величины. Необходимо также принять во внимание резкое снижение смертности, особенно младенческой.

С экономической и социологической точек зрения высокий уровень рождаемости при высокой младенческой смертности приобретает характер *бесполезной рождаемости* и наносит только урон как семье, так и обществу в целом: расходы и заботы по содержанию ребенка оказываются напрасными. Поэтому динамику рождаемости в условиях резких изменений в детской смертности следует изучать *с учетом этой смертности.* При этом не следует ограничиваться только младенческой смертностью (до 1 года), так как большое количество детей умирало в возрасте от 1 года до 5 лет. После этого возраста смертность детей становится незначительной, и при данных расчетах ее можно уже вовсе не принимать во внимание.

Каков же был уровень смертности детей до 5 лет? Прямых данных об этом за все годы нет, так что и в этом случае возникает необходимость в расчетах, дающих возможность восстановить динамику детской смертности, хотя бы с известным приближением.

Как известно, в дореволюционной России уровень детской смертности был очень велик. В 1913 г. 26,9% всех родившихся умерли в возрасте до 1 года. Много детей умирало также в возрасте от 1 года до 4 лет. Всего до революции 43% родившихся умирало в возрасте до 5 лет [2]. Поэтому если общий коэффициент рождаемости в 1913 г. был равен 45,5‰, то коэффициент «полезной», или, лучше сказать, «эффективной», рождаемости был равен всего 25,9‰.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции были приняты энергичные меры по снижению смертности вообще и детской смертности в част-

---

[1] Подробнее об этом см.: *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М., 1976, с. 77—96.

[2] См.: Народное хозяйство СССР в 1975 г., с. 600.

ности. Возникли специальные организации, ведающие охраной материнства и младенчества. Однако в тяжелых условиях гражданской войны и экономической разрухи все эти меры не могли дать значительного эффекта. Общий коэффициент смертности по 20 губерниям Европейской России в 1920—1922 гг. был равен 33,2‰, т. е. на 1/4 выше, чем до революции[1]. 1918 и 1919 гг. также были очень тяжелыми для молодой Советской республики.

Естественно, что и младенческая смертность оставалась очень высокой.

Об этом можно судить по уровню младенческой смертности в Москве и Ленинграде[2].

Годы	Младенческая смертность (% к числу родившихся)	
	Ленинград	Москва
1906—1910	28,0	25,8
1911—1915	26,8	23.8
1918	26,7	26,4
1919	33,2	28,4
1920	23,3	20,4
1921	20,6	17,3
1922	24,7	22,8

В среднем младенческая смертность в 1918—1922 гг. в столицах была на 10% ниже, чем до революции.

Для 1924—1927 гг. имеются следующие данные об уровне младенческой смертности в европейской части СССР[3].

Годы	На 1000 родившихся умерло до 1 года
1924	191
1925	201
1926	174
1927	191

В 1923 г. уровень младенческой смертности был не выше, чем в 1924 г., поскольку по переписи 1926 г. родившихся в 1923 г. и доживших до конца 1926 г. было больше, чем родившихся в 1924 г., на 31%, т. е. на столько же, на сколько коэффициент рождаемости в 1923 г.

---

[1] См.: Народное хозяйство СССР в цифрах. М., 1924, с. 33.

[2] *Уиппль Дж. Ч., Новосельский С. А.* Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929, с. 608.

[3] См.: Статистический справочник СССР за 1928 год, с. 75.

был выше, чем в 1924 г. В последующие годы младенческая смертность продолжала оставаться на высоком уровне: в 1928 г. — 18,2%, в 1937 г. — 17,0, в 1938 г. — 16,1, в 1939 г. — 16,7, в 1940 г. — 18,2% [1]. Так как в этот период не было тенденции снижения младенческой смертности, то для лет, по которым данные отсутствуют, можно принять среднюю величину, исчисленную для тех лет, по которым данные имеются.

Младенцы, умирающие в возрасте до 1 года, составляют большую часть всех детей, не доживающих до 5-летнего возраста. Между числами умирающих в возрасте до 1 года и в возрасте 1—4 года существует довольно устойчивое соотношение, которое можно исчислить на основе таблиц смертности.

Таблица 4

СООТНОШЕНИЕ ЧИСЕЛ УМИРАЮЩИХ В ВОЗРАСТЕ ДО 1 ГОДА И В 1—4 ГОДА

Годы	Число умирающих по таблицам смертности (в % к числу родившихся)		Отношение числа умирающих в возрасте 1—4 года к числу умирающих в возрасте до 1 года, %
	в возрасте до 1 года	в возрасте 1—4 года *	
1926—1927	18,7	10,4	56
1958—1959	4,1	1,5	37
1962—1963	3,2	1,1	34
1963—1964	3,0	1,0	33
1964—1965	2,8	1,0	36
1966—1967	2,6	1,0	38
1968—1971	2,5	0,9	36

* Эти числа получены на основе кратких таблиц смертности с использованием коэффициента младенческой смертности.

Источники: Народное хозяйство СССР в 1963 г., с. 32; в 1964 г., с. 37; в 1965 г., с. 45; в 1967 г., с. 39; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том), с. 262; «Вестник статистики», 1974, № 2, с. 94; Население СССР. 1973, с. 141.

Полученные соотношения можно использовать для исчисления примерных чисел умерших в возрасте до 5 лет за те годы, по которым мы не располагаем опубликованными данными. Для самых последних лет положим в основу данные ЦСУ СССР о том, что в настоящее время в возрасте до 5 лет умирает 3,2% всех родившихся [2].

[1] См.: Народное хозяйство СССР. 1922—1972 гг. М., 1972, с. 40.

[2] См.: Народное хозяйство СССР в 1975 г., с. 600.

Скорректированные с учетом смертности до 5 лет коэффициенты рождаемости характеризуют динамику «эффективной» рождаемости. Соответствующие показатели за 1918—1940 гг. приведены в табл. 3[1]. Мы видим, что в довоенный период коэффициент «эффективной» рождаемости был намного ниже общего коэффициента рождаемости.

Рис. 1. Динамика общего коэффициента рождаемости и коэффициента «эффективной рождаемости»

За последние 25 лет положение существенно изменилось. Смертность детей до 5 лет резко упала, и разница между общей и «эффективной» рождаемостью заметно сократилась. При общем коэффициенте рождаемости в 1976 г. 18,5‰ коэффициент «эффективной» рождаемости равнялся 18,0‰.

Динамика двух коэффициентов рождаемости за все годы представлена на графике (см. рис. 1). График на-

[1] При их исчислении мы предполагали, что уровень смертности детей ближайших когорт мало отличается друг от друга.

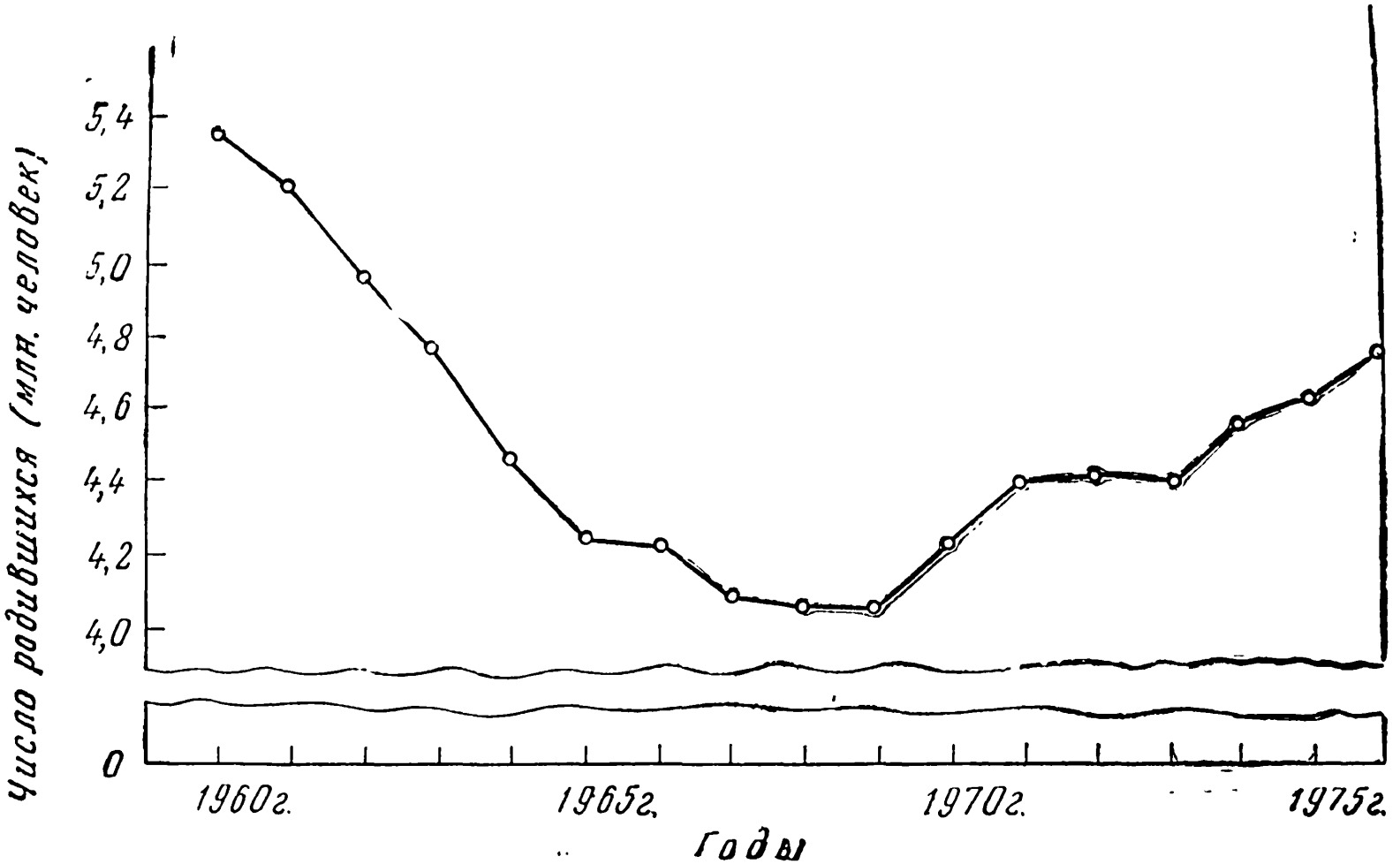

Рис. 2. Динамика числа родившихся в СССР

глядно показывает сближение обоих коэффициентов. Их сопоставление позволяет углубить и в известном смысле уточнить общую оценку снижения рождаемости за годы Советской власти. Уровень «эффективной» рождаемости (а он и важен в первую очередь) оказывается ниже дореволюционного уровня не в 2,5 раза — таково падение коэффициента общей рождаемости, — а всего на $^1/_3$ (17,5‰ в 1975 г. против 25,9‰ в 1913 г.).

На динамику рождаемости наложили свой отпечаток все события, происходившие в стране: гражданская война, голод в Поволжье в 1921—1922 гг., годы реконструкции сельского хозяйства, и, разумеется, Великая Отечественная война. Первая «волна» влияния этой войны ощущалась в 40-е годы, вторая «волна» имела место уже 20 с лишним лет спустя, и о ней мы можем получить представление на основе абсолютного числа родившихся за 1960—1976 гг.

Прогиб кривой на рис. 2 отражает, однако, не только вторую «волну» влияния войны, но и устойчивую тенденцию к уменьшению числа рождений у каждой брачной пары, которая стала особенно заметна с начала 60-х годов, хотя она наблюдалась, как мы видели, и до этого. И государственная статистика, и исследования многих советских демографов свидетельствуют о том, что в каждом последующем поколении женщин общее число детей, в среднем рождаемых женщиной за всю ее жизнь, неуклонно уменьшается. Это уменьшение среднего числа рождений происходит одновременно с изменением их «календаря».

Каждая когорта женщин тех или иных лет рождения, оказавшись в определенных исторических условиях, по-своему удовлетворяет потребность в детях, причем это касается не только количества детей, но и сроков их появления, возраста, в котором она намечает их иметь. Это относится, разумеется, к той части женщин, которая регулирует число своих детей.

На основе возрастных коэффициентов рождаемости за 1954—1955 гг., 1959—1960 гг., 1964—1965 гг., 1969—1970 гг. и 1974—1975 гг. по пятилетним группам имеется возможность проследить по ряду поколений женщин их демографическую «историю» в отношении рождаемости. Она отчетливо видна из графика (см. рис. 3).

На графике видно смещение кривых возрастной рождаемости справа налево, что свидетельствует о процессе

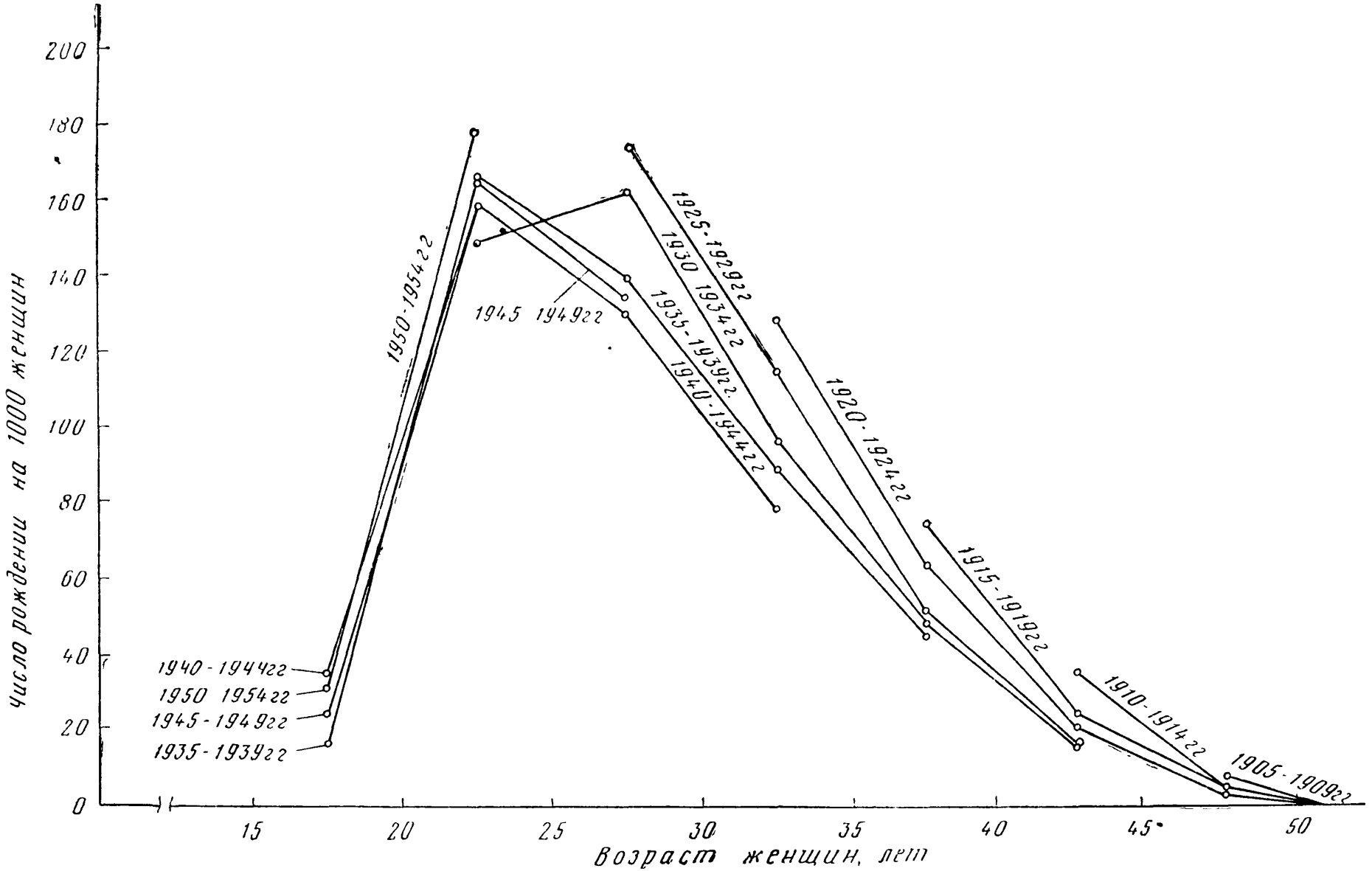

Рис. 3. Уровень рождаемости у женщин определенных поколений

омоложения материнства. Тот уровень рождаемости, который имели женщины 1915—1919 гг. рождения в возрасте 37—38 лет, женщины 1945—1949 гг. рождения имели уже в возрасте 32—33 лет. Уровень рождаемости у женщин поколения 1920—1924 гг. в возрасте 32—33 лет приходился уже для женщин поколений 1940—1944 гг. на возраст 27—28 лет.

Наряду с этим наблюдается некоторое повышение рождаемости в возрасте 20—24 лет. Ни одно поколение женщин, начиная с 1935 г. рождения, не имело такого высокого уровня рождаемости в этом возрасте, какой имеют женщины, родившиеся в 50-е годы.

Увеличение рождаемости в молодом возрасте является результатом более раннего вступления в брак, которое в свою очередь в значительной степени объясняется увольнением из армии призывников в 20 лет вместо 23-летнего возраста до 1967 г. Известное влияние следует приписать также и факту акселерации. Поэтому рост рождаемости в этой возрастной группе еще нельзя рассматривать как перелом в общей тенденции. С бóльшим основанием этот рост можно рассматривать как передвижку рождения детей на более ранние возраста.

О переломе в тенденции уровня рождаемости можно будет говорить только тогда, когда коэффициент возрастной рождаемости повысится у 25—29-летних женщин. Это может произойти в том случае, когда начнут действовать факторы, стимулирующие рождение второго и третьего ребенка. Репродуктивное поведение когорт 1945—1949 гг. рождения дает известные основания полагать, что подобные факторы, возможно, уже начали оказывать свое влияние. Именно повышение доли двухдетных и трехдетных семей наряду с многодетностью в отдельных семьях города и села может обеспечить такое воспроизводство населения, которое снимет угрозу депопуляции.

Как ни важны показатели рождаемости для всей страны в целом, картина была бы не полной, если бы мы не коснулись географических различий в уровнях и динамике рождаемости. Различия эти в нашей стране весьма значительны.

Например, в 1975 г. коэффициент рождаемости в Таджикской ССР в 2,7 раза превысил коэффициент рождаемости в Латвийской ССР. Если же взять не все население союзных республик, а только их коренные нацио-

нальности, то различия будут еще более значительными. Так, за период 1959—1969 гг. нами исчислены следующие коэффициенты рождаемости для различных национальностей [1]:

Национальности	Средний коэффициент рождаемости	Национальности	Средний коэффициент рождаемости
Эстонцы	12,3	Молдаване	24,8
Латыши	12,3	Армяне	28,4
Украинцы	15,8	Казахи	41,2
Русские	19,0	Азербайджанцы	43,7
Белорусы	19,2	Киргизы	44,0
Литовцы	20,6	Таджики	45,2
Грузины	24,0	Узбеки	45,2
		Туркмены	45,6

Таким образом, если рассматривать уровень рождаемости в этническом аспекте, различия оказываются еще более значительными. Рождаемость у среднеазиатских народов почти в 4 раза превышает рождаемость у народов Прибалтики. Это является результатом влияния традиций и обычаев, которые очень медленно поддаются изменениям. У коренного населения республик Средней Азии регулирование числа детей в семье практически начинает распространяться только в городах; среди сельского же населения рождаемость находится на уровне, который соответствует физиологическим возможностям женского организма.

В молодые годы среднеазиатские женщины, состоящие в браке и проживающие в сельской местности, находятся либо в состоянии беременности, либо в состоянии лактации, когда вероятность зачатия незначительна. Лишь в самое последнее время стали наблюдаться первые признаки начинающегося регулирования числа детей в семьях Средней Азии среди женщин старше 40 лет. В дальнейшем это регулирование, вероятно, распространится и на более молодые возраста, но из-за устойчивости национальных традиций, передающихся от поколения к поколению, это произойдет, видимо, не скоро.

Следует отметить, что в Закавказских республиках регулирование числа детей в семье на протяжении последних 10—15 лет получило весьма значительное распро-

---

[1] См.: *Урланис Б. Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М., 1974, с. 132. По армянской национальности исправлена опечатка, допущенная в цитируемой книге.

странение. В Грузии такое регулирование практикуется уже давно, но в Азербайджане и Армении переход к планированию числа детей происходит, что называется, «на наших глазах». Об этом свидетельствуют следующие данные[1].

Возрастные коэффициенты рождаемости в Армянской ССР, ‰

Возрастные группы	1967—1968 гг.	1974—1975 гг.	% снижения
15—19	44,2	40,2	9,1
20—24	222,6	214,2	3,8
25—29	194,6	164,0	15,7
30—34	137,9	80,4	41,7
35—39	73,7	45,5	36,6
40—44	29,4	15,3	48,0
45—49	6,8	2,1	69,1

После 25-летнего возраста у армянских женщин рождаемость заметно снижается. Если взять более значительный период, то мы видим, что коэффициент рождаемости в Армянской ССР за последние 15 лет сократился почти вдвое: с 40,3‰ в 1960 г. до 22,4‰ в 1975 г.

Сходная динамика наблюдается и в Азербайджанской ССР, где резкое снижение рождаемости наблюдается среди женщин после 30-летнего возраста, т. е. несколько позже, чем в Армении.

Возрастные коэффициенты рождаемости в Азербайджанской ССР, ‰

Возрастные группы	1967—1968 гг.	1974—1975 гг.	% снижения
15—19	47,1	21,4	54,6
20—24	226,2	219,2	3,1
25—29	255,1	233,4	8,5
30—34	236,7	156,7	33,7
35—39	143,0	111,2	22,2
40—44	57,9	41,6	28,2
45—49	19,8	6,0	69,7

Распространение внутрисемейного регулирования числа детей в семье идет различными путями. В одних случаях увеличивается удельный вес брачных пар, переходящих к этому регулированию, в других — среди брачных пар, уже применяющих его, оно начинает осуществляться после рождения ребенка с более низким порядковым номером. Вероятно, снижение рождаемости в Арме-

[1] «Вестник статистики», 1971, № 12, с. 75; 1976, № 11, с. 86.

нии и Азербайджане является результатом совместного действия этих двух процессов, приводящих к снижению числа детей в семье. В общем можно считать, что если в Армении брачные пары стали предпочитать ограничиваться двумя-тремя детьми, то в Азербайджане это регулирование размеров семей происходит пока на уровне детей третьей и четвертой очередности.

В то же время в большинстве районов страны регулирование числа детей в семье происходит в условиях преобладания установки на однодетность и двухдетность.

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСЛА ДЕТЕЙ ПО ПОРЯДКУ ИХ РОЖДЕНИЯ В СССР В 1975 Г.[1]

Порядок рождения	Число родившихся	
	тыс.	% к итогу
1	2 084	45,2
2	1 316	28,5
3	453	9,8
4	228	4,9
5	160	3,5
6	116	2,5
7	94	2,1
8	70	1,5
9	44	1,0
10 и более	43*	1,0
Итого	4 612	100,0

* Включая 3 тыс. родившихся без указания порядка рождения.

Первенцы и вторые дети, стало быть, составляют $^3/_4$ всех родившихся, а после исключения тех районов страны, где регулирование рождаемости распространено слабо, удельный вес первых и вторых детей приближается к 90%. Об этом свидетельствует, например, следующее распределение коэффициентов рождаемости по областям, краям и автономным республикам в РСФСР, УССР и трем Прибалтийским республикам в 1974 г.[2]:

[1] «Вестник статистики», 1976, № 11, с. 85.

[2] Составлено по: «Вестник статистики», 1975, № 12, с. 81—84.

Коэффициент рождаемости, ‰	Число административных единиц с указанным коэффициентом рождаемости
До 13,9	26
14,0—15,9	29
16,0—17,9	26
18,0—19,9	13
20,0 и более	8
	102

Можно считать, что в тех областях РСФСР и УССР, где коэффициент рождаемости равен 12—14‰, преобладает ориентация на однодетную семью, а такие административные единицы занимают заметное место в общем их числе. В тех областях и краях, где коэффициент рождаемости равен 15—17‰, преобладает ориентация на однодетные и двухдетные семьи. Однако такой уровень детности не обеспечивает даже простого возобновления населения. Общий уровень этого возобновления характеризуется брутто-коэффициентом воспроизводства населения, который в 1974—1975 гг. выражался в следующих цифрах[1]:

Республики	Брутто-коэффициент воспроизводства населения в 1974—1975 гг.	Республики	Брутто-коэффициент воспроизводства населения в 1974—1975 гг.
РСФСР	0,98	Литовская ССР	1,08
УССР	1,00	Молдавская ССР	1,26
БССР	1,08	Латвийская ССР	0,97
Узбекская ССР	2,79	Киргизская ССР	2,33
Казахская ССР	1,62	Таджикская ССР	3,07
Грузинская ССР	1,24	Армянская ССР	1,38
Азербайджанская ССР	1,93	Туркменская ССР	2,83
		Эстонская ССР	1,03

По всему СССР в 1973—1974 гг. брутто-коэффициент воспроизводства населения равнялся 1,178, а нетто-коэффициент — 1,118. Таким образом, если в целом по стране имеет место расширенное воспроизводство населения, то по ряду республик, в том числе по таким крупным, как РСФСР и УССР, под угрозой находится даже простое воспроизводство.

Подобное положение не может не порождать у демографов определенного беспокойства и побуждает их

[1] Исчислено по: «Вестник статистики», 1976, № 11, с. 86.

к более глубокому изучению процесса рождаемости, факторов, влияющих на этот процесс, и причин, под влиянием которых эти факторы реализуются. Выявляя конкретные причины, обусловливающие то или иное число рождений живых детей, мы можем ближе подойти к уяснению всего процесса рождаемости. Это особенно важно для обоснования эффективной демографической политики, задачу разработки которой поставил перед наукой XXV съезд КПСС.

Р. М. Дмитриева, Е. М. Андреев

СНИЖЕНИЕ СМЕРТНОСТИ В СССР ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Снижение смертности в СССР, начавшееся еще в дореволюционный период, резко ускорилось после Великой Октябрьской социалистической революции в результате социальных и экономических мероприятий Советской власти, направленных на повышение благосостояния и охрану здоровья населения страны.

Борьба с преждевременной смертностью в нашей стране происходила в очень трудных условиях: тяжелые войны и их последствия, колоссальное напряжение послевоенных лет, гигантские усилия по созданию социалистической экономики. Несмотря на все эти трудности, всего за несколько десятилетий было ликвидировано огромное отставание от развитых капиталистических стран, и по величине продолжительности жизни Советский Союз вплотную приблизился к таким странам, как Швеция, Англия, Франция, где интенсивный процесс снижения смертности начался еще в середине XIX в.

В статье мы попытаемся проанализировать динамику смертности населения СССР на основе таблиц смертности, приуроченных к годам всеобщих переписей населения .

Первая научно достоверная оценка показателя смертности населения дореволюционной России была дана в таблицах смертности 1896—1897 гг., построенных С. А. Новосельским на базе данных переписи населения 1897 г. и сведений об умерших в 1896 и 1897 гг.[1] Таблицы были рассчитаны для населения 50 губерний Европейской России и являются первыми таблицами, использующимися в настоящее время в официальных публикациях.

---

[1] См.: *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.

С. А. Новосельский мастерски применил накопленный теоретический опыт в области построения подобного рода таблиц, а его анализ полученных таблиц отличается четкостью, большой убедительностью, научной интуицией и определенными элементами предвидения.

Основные особенности смертности в России того времени состояли в исключительно высокой смертности детей в возрасте до 10 лет, высокой смертности в юношеском и рабочем возрастах, умеренной смертности в раннем старческом возрасте. С. А. Новосельский отмечал также характерную для земледельческой России особенность, состоящую в более высокой смертности женщин по сравнению с другими странами.

Для кривой смертности 1896—1897 гг. была характерна так называемая *V*-образная модель, типичная и для современных развивающихся стран. Особенность этой модели — крайне высокая детская смертность, находящаяся на уровне смертности предельных старших возрастов. Своеобразием России в этом отношении С. А. Новосельский считал превышение смертности детей над смертностью глубоких стариков — 100 лет и старше. В других странах смертность детей, как правило, соответствовала смертности в возрасте 80—85 лет. Такая специфика смертности в России, по мнению С. А. Новосельского, отражала, с одной стороны, исключительно высокую детскую смертность, с другой — весьма низкую старческую смертность в стране.

Важной чертой смертности дореволюционной России было значительное превышение смертности городского населения над смертностью сельского[1]. Особенно высока была смертность в крупных пролетарских центрах — Петербурге и Москве. Таблицы смертности для 36 городов Европейской России за 1896—1897 гг. были рассчитаны в 1926—1929 гг.[2] Продолжительность жизни по этим таблицам на 2,5 года ниже, чем в целом по 50 губерниям Европейской России. Тяжелые условия жизни в городах больше всего сказывались на мужском населении: продолжительность жизни у мужчин в 36 городах была на 3,7 года ниже, чем у мужчин всех 50 губерний. По табли-

---

[1] См.: *Новосельский С. А.* О различиях в смертности городского и сельского населения Европейской России. — «Общественный врач», 1911, № 4.

[2] См.: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927. Таблицы смертности. М.—Л., 1930.

цам, построенным М. В. Птухой[1], продолжительность жизни мужчин в Москве составляла 23 года, а в Петербурге — 25 лет, т. е. была соответственно на 8 и 6 лет ниже, чем у всего мужского населения Европейской России.

Весьма своеобразным было и соотношение мужской и женской смертности в городах и селах. В городах смертность у мужчин была значительно выше, чем у женщин во всех возрастах старше 25 лет; в сельском же населении различия мужской и женской смертности выражены гораздо менее резко, причем во многих возрастах, особенно детородных, женская смертность преобладала.

Подводя итоги анализу таблиц смертности населения России конца XIX в., можно сказать словами С. А. Новосельского, что «русская смертность была в общем типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношении стран, причем по исключительной высоте смертности в детском возрасте и исключительно низкой смертности в старческом возрасте Россия занимает особое место и среди аналогичных государств»[2].

В советское время первые таблицы смертности были рассчитаны на базе данных переписи населения 1926 г. и (так же как и предшествующие таблицы) сведений об умерших за два примыкающих к переписи года. Авторами этих таблиц были С. А. Новосельский и В. В. Паевский.

Как и при расчете предыдущих таблиц смертности, в таблице смертности 1926—1927 гг. заведомо было ясно, что в данных об умерших в европейской части СССР, для которой рассчитывались таблицы, имелись пробелы. Полностью отдавая себе в этом отчет, авторы таблиц смертности сочли отказ от каких бы то ни было поправок на недоучет смертей меньшим злом, чем распространение данных некоторых районов страны на всю территорию. Они ограничились тем, что, как и при расчете таблиц смертности 1896—1897 гг., исключили из расчета территории, данные о смертности населения которых отсутствовали или были заведомо недоброкачественными.

---

[1] См.: *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960, с. 371—381.

[2] *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России, с. 179.

Поскольку качество учета смертности в 1926—1927 гг. было несомненно выше, чем в конце прошлого века, полученные на основе сопоставления таблиц оценки снижения смертности можно считать скорее приуменьшенными, чем преувеличенными. С. А. Новосельский и В. В Паевский, анализируя результаты таблиц смертности 1926—1927 гг., пришли к выводу, что значительное понижение смертности за 30 лет не подлежит сомнению. К 1926—1927 гг. разрыв в уровне средней продолжительности жизни между СССР и западноевропейскими странами заметно сократился.

По сравнению с зарубежными странами (Англией, Германией, Францией) в те годы в СССР особенно высокой была смертность детей. В трудоспособных возрастах различия в смертности несколько сглаживаются, в старших — совсем исчезают или приобретают противоположный знак. В 1926—1927 гг. по-прежнему сохраняется V-образная форма кривой q_x, правда, детская смертность уже соответствует смертности в более ранних, чем в 1896—1897 гг., старческих возрастах — примерно уровню смертности 80-летних.

Таблица 1

СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ В 1896—1897 ГГ. И 1926—1927 ГГ., ЛЕТ

	Все население	Мужчины	Женщины
Европейская часть СССР			
1896—1897 гг.	32,37	31,43	33,36
1926—1927 гг.	44,35	41,93	46,79
36 крупных городов европейской части РСФСР и Белоруссии			
1896—1897 гг.	29,77	27,62	32,24
1926—1927 гг.	—	41,43	49,13

Источник. Смертность и продолжительность жизни населения СССР, с. 2, 108, 112, 120.

Приступая к сопоставлению таблиц смертности за 1896—1897 гг. и 1926—1927 гг. и анализируя снижение смертности за этот период, необходимо учитывать тот факт, что, как показали С. А. Новосельский и В. В. Паевский на основе анализа смертности предреволюционного

периода (1907—1910 гг.) [1], за два десятилетия, непосредственно предшествовавших революции, никаких кардинальных изменений в смертности не произошло — было лишь весьма незначительное и неустойчивое ее снижение в отдельных возрастных группах. Обратимся к данным табл. 1 (с. 31).

Динамика смертности за рассматриваемый период характеризуется двумя основными особенностями: более быстрым снижением смертности у женщин, чем у мужчин, и смертности городского населения, т. е. тех групп населения, которые прежде отличались самой высокой смертностью.

Многие авторы объясняют более быстрое снижение смертности женщин тем, что неблагоприятные последствия первой мировой и гражданской войн сильнее отразились на мужском населении, а также эпидемией сыпного тифа 1918—1921 гг., имея в виду, что эта болезнь больше поражала мужчин, чем женщин. Не отрицая значения данных факторов, нельзя в то же время не указать и на громадную работу в области борьбы с материнской смертностью, которая началась с первых лет Советской власти. Не случайно снижение смертности у женщин в детородных возрастах превосходит ее снижение у мужчин тех же возрастов в 2—3 раза (см. рис. 1).

Наибольший рост продолжительности жизни — почти на 17 лет — был у женщин в городах. Значительное оздоровление условий жизни коснулось мужского населения в крупных городах страны. Если e_0 для всех мужчин европейской части СССР увеличилась на 10,6 года, то для проживающих в 36 крупных городах — почти на 15 лет. В целом снижение смертности затронуло все возрастные группы моложе 80—85 лет. Почти во всех возрастах вероятность смерти для женщин ниже соответствующего показателя для мужчин, и ее снижение за рассматриваемый период значительнее. Наибольшее снижение смертности произошло в детских возрастах.

Сопоставляя данные о смертности в СССР с данными о смертности по ряду зарубежных стран, анализируя форму кривой повозрастной смертности, можно предположить, что снижение смертности произошло за счет экзогенных причин смерти, прежде всего инфекционных заболеваний, а также материнской и младенческой смерт-

[1] См.: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927, с. 130—136.

ности. Основой для такого вывода служит в целом равномерное снижение смертности в большинстве возрастов.

Первые послереволюционные таблицы смертности 1926—1927 гг., как бы подытожившие работу молодого Советского государства в области укрепления здоровья

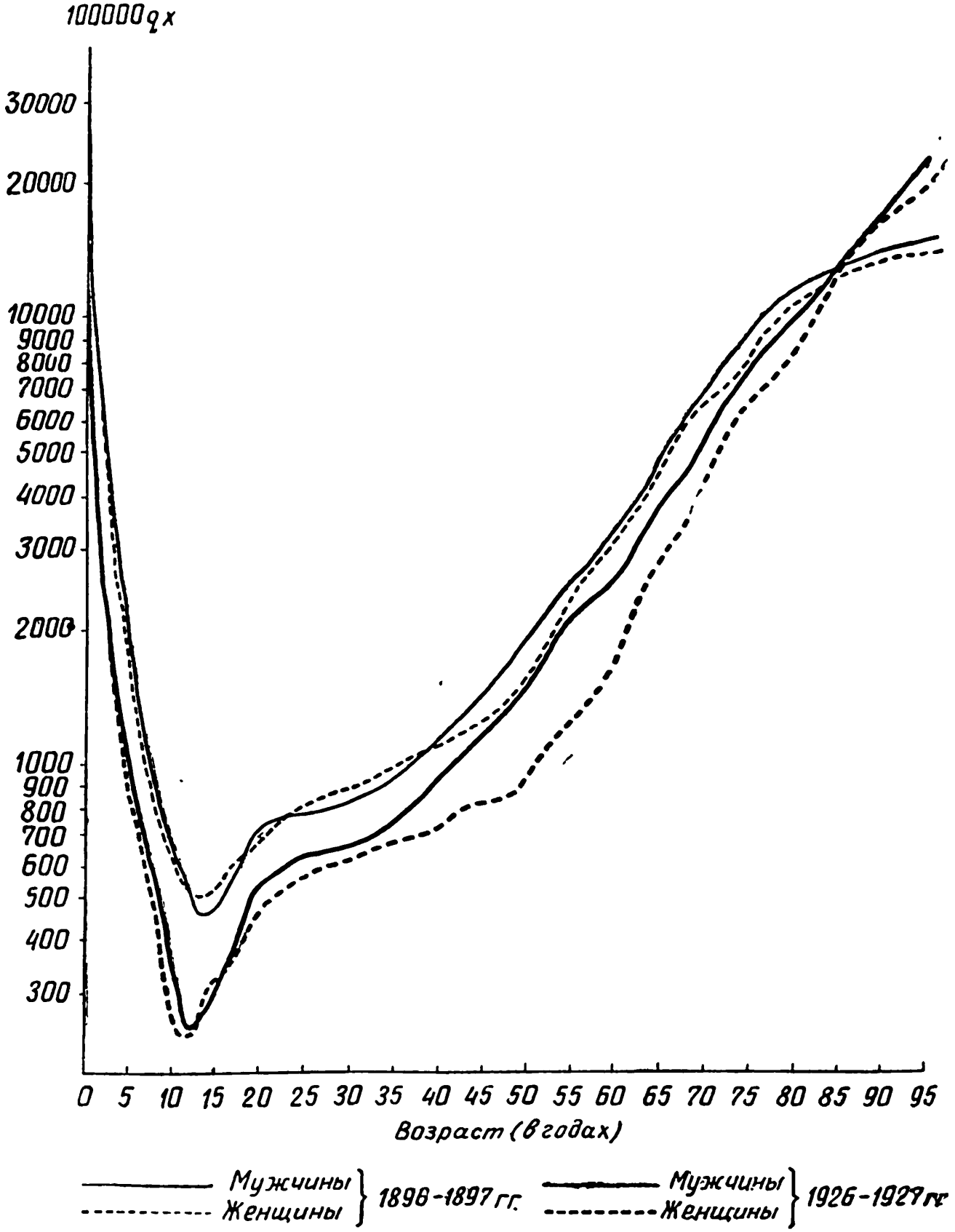

Рис. 1. Повозрастные вероятности умереть (q_x) мужского и женского населения СССР по таблицам смертности 1896—1897 и 1926—1927 гг.

населения за 10 лет, показали, что в стране наметились быстрые темпы снижения смертности. Основой таких резких изменений было коренное изменение социальных условий жизни трудящихся страны, огромное внимание государства к вопросам детской и материнской смертности, работе эпидемиологической службы и т. д. СССР — первая страна в мире, где государство полностью взяло на себя заботу о здоровье народа.

На основе данных переписи населения 1939 г. ЦСУ СССР были построены таблицы смертности 1938—1939 гг. Это была первая попытка создать таблицы для всей территории страны (в границах до 17 сентября 1939 г.).

Прямое сопоставление таблиц смертности 1938—1939 гг. с таблицами смертности 1926—1927 гг. затруднено рядом обстоятельств. Массив всего населения СССР в 1938—1939 гг. отличается от населения европейской части СССР, для которого были исчислены таблицы смертности 1926—1927 гг., учет рождений и смертей в разных частях страны был поставлен не одинаково, а закономерности смертности во многих районах страны, вероятно, отличались от соответствующих закономерностей, характерных для ее европейской части, для которой были составлены таблицы 1926—1927 гг. Это особенно касается сельского населения. И все же таблицы смертности 1938—1939 гг. позволяют сделать определенные выводы об изменении кривой повозрастной смертности, соотношения смертности мужчин и женщин и т. п.

Рост средней продолжительности предстоящей жизни за рассматриваемый период не был очень значительным, у мужчин она выросла примерно на 2, а у женщин — на 3 года[1]. На 1—2 года выросла продолжительность предстоящей жизни во всех возрастных группах, что еще раз свидетельствует о снижении смертности в основном за счет устранения экзогенных причин смерти.

Кривая q_x сохранила свою V-образную форму: несмотря на некоторое снижение детской смертности, q_0 несколько превышает q_{80}, хотя и в меньшей степени, чем раньше. Вероятности умереть, как и в 1926—1927 гг., отражают ярко выраженное замедление темпа роста смертности в возрасте 20—30 лет по сравнению с предшествующими возрастами.

Некоторые выводы можно сделать относительно соотношений показателей смертности мужского и женского

[1] См.: Население СССР. 1973, с. 140.

населения. Если в 1926—1927 гг. в отдельных возрастах (например, в 13—15 лет) еще наблюдалось превышение женской смертности над мужской, то это явление полностью отсутствует в таблицах 1938—1939 гг. (см. рис. 2). Разрыв в показателях для 18—70 лет увеличился в пользу женского населения. Этот тезис можно подтвердить сопоставлением показателей вероятности умереть для мужчин и женщин.

Таблица 2

ВЕРОЯТНОСТИ УМЕРЕТЬ (100 000 q_x) ПО ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1926—1927 ГГ. и 1938—1939 ГГ.

Возраст	1926—1927 гг. *			1938—1939 гг.		
	Мужчины	Женщины	Гр. 2 к гр. 3, %	Мужчины	Женщины	Гр. 5 к гр. 6, %
1	2	3	4	5	6	7
0	20 102	17 214	117	17 469	15 162	115
5	1 091	1 049	104	857	816	105
10	322	292	110	310	268	116
15	316	320	99	277	273	101
20	540	474	114	448	384	117
25	638	570	112	484	427	126
30	639	600	107	549	464	118
35	753	669	113	700	540	130
40	934	726	129	914	614	149
45	1 254	832	151	1 201	686	175
50	1 657	942	176	1 647	861	191
55	2 263	1 331	170	2 222	1 085	205
60	2 787	1 834	152	2 936	1 528	192
65	4 039	2 937	138	3 871	2 402	161
70	5 968	4 576	130	5 471	3 858	142
75	8 239	6 869	120	7 873	6 200	127
80	11 311	9 046	125	10 535	8 778	120

* Европейская часть СССР.

Источник. Смертность и продолжительность жизни населения СССР; материалы ЦСУ СССР.

Сопоставление показателей q_x для городского и сельского населения говорит о некотором увеличении разницы показателей. Однако, как уже отмечалось, это явление может объясняться не только и не столько реальными процессами, сколько различным составом территорий, для которых рассчитывались таблицы смертности 1938—1939 гг. и 1926—1927 гг., и разным качеством учета естественного движения на них.

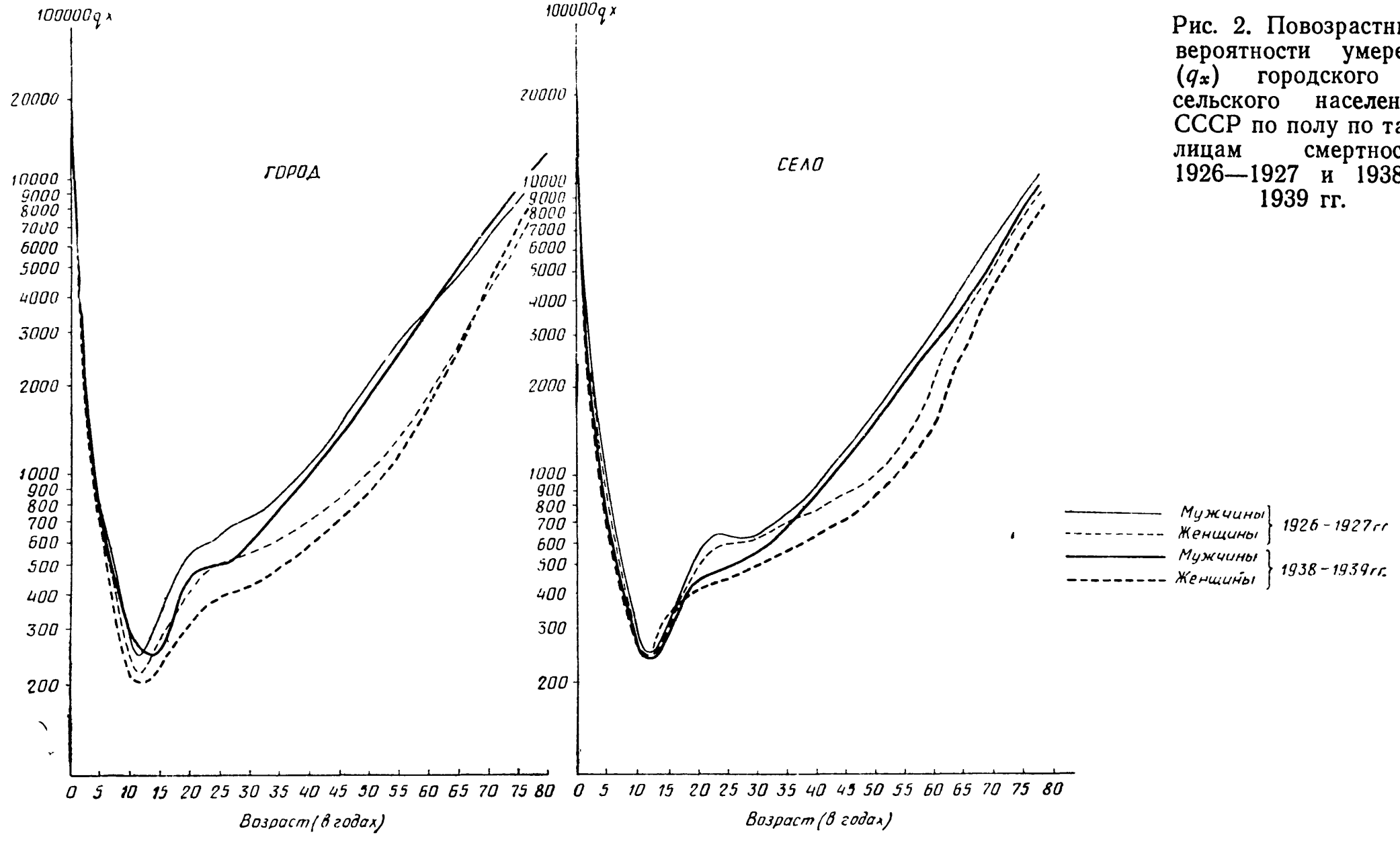

Рис. 2. Повозрастные вероятности умереть (q_x) городского и сельского населения СССР по полу по таблицам смертности 1926—1927 и 1938—1939 гг.

Тем не менее обращает на себя внимание то, что в 1938—1939 гг. в основном сохраняется характер соотношений показателей смертности города и села, свойственный показателям европейской части СССР в 1926—1927 гг.; в детских, подростковых и молодых трудоспособных возрастах (примерно до 30 лет) более высока смертность сельского населения, с 30 лет — городского. Приведем соответствующие данные.

Таблица 3

ВЕРОЯТНОСТИ УМЕРЕТЬ (100 000 q_x) ДЛЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР ПО ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ 1926—1927 ГГ. И 1938—1939 ГГ. (оба пола)

Возраст	1926—1927 гг. *			1938—1939 гг.		
	Город	Село	Гр. 3 к гр. 2, %	Город	Село	Гр. 6 к гр. 5, %
1	2	3	4	5	6	7
0	16 407	19 072	116	17 412	15 867	91
5	801	1 115	139	679	881	130
10	265	314	118	265	306	115
15	302	320	106	237	301	109
20	481	507	105	392	427	109
25	576	610	106	454	463	102
30	636	617	97	507	505	100
35	747	694	93	637	605	95
40	929	800	86	800	726	91
45	1 192	994	83	1 026	868	85
50	1 522	1 206	79	1 399	1 129	81
55	2 042	1 666	82	1 851	1 420	77
60	2 633	2 197	83	2 539	1 899	75
65	3 584	3 397	95	3 545	2 786	79
70	5 050	5 124	101	5 137	4 234	82
75	7 226	7 494	104	7 854	6 464	82
80	9 948	10 124	102	11 189	8 884	79

* Европейская часть СССР. См. источники к табл. 2.

Анализ данных табл. 2 и 3 позволяет сделать следующие выводы:

1. Судя по показателям для центральных возрастов (15—60 лет), смертность городского населения претерпела положительные изменения, которые, вероятно, завуалированы некоторым улучшением учета.

2. Минимум смертности имеет тенденцию к смещению на более старшие возраста, что соответствует модели с более высокой продолжительностью жизни.

3. Значительное улучшение показателей смертности наблюдается в центральных возрастах, в результате чего переход от показателей смертности населения в возрастах от 5 до 20 лет к показателям более старших возрастов становится более резким.

4. Разрыв между показателями смертности мужчин и женщин увеличивается в городе в пользу женщин главным образом за счет основных детородных возрастов — 20—45 лет.

5. И в 1926—1927, и в 1938—1939 гг. показатели смертности мужского и женского населения в селе различаются значительно меньше, чем в городе. За 13 лет резких изменений в этом отношении не происходит: по существу, сохраняется неизменным соотношение у 20—30-летних, у которых показатели почти смыкаются. Некоторое увеличение разрыва в пользу женщин происходит лишь в более старших возрастах. Из этого можно сделать заключение, что наличие «ножниц» в смертности городского и сельского населения больше всего связано со снижением смертности городских женщин в плодовитых возрастах.

Сходство повозрастной смертности в 1926—1927 гг. и в 1938—1939 гг. говорит либо об отсутствии серьезных изменений в самом явлении, либо — и это более вероятно — о некотором затушевывании изменения смертности из-за улучшения учета за прошедший период и добавления к основному населению населения тех территорий, где хуже поставлен учет естественного движения.

Первыми полными таблицами смертности, построенными после Великой Отечественной войны, были таблицы 1958—1959 гг.

Как уже отмечалось раньше в работе одного из авторов статьи[1], данные о числе смертных случаев за 1958—1959 гг. по отдельным регионам страны не были свободны от недоучета: неполнота регистрации числа смертных случаев имела место прежде всего и в основном в сельских местностях республик Средней Азии. Не вызывает сомнения, что полнота и качество учета естественного движения в 1958—1959 гг. были значительно выше, чем в 1938—1939 гг., — это следует и из совершенствования системы статистического наблюдения и из роста культур-

[1] См.: *Дмитриева Р. М.* Таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения Средней Азии. — В кн.: Проблемы народонаселения Средней Азии. М., 1970, с. 333—335.

ного уровня населения, так что характеристики снижения смертности, полученные из сопоставления этух двух таблиц, могут быть занижены только вследствие повышения качества учета.

За период с 1938—1939 гг. по 1958—1959 гг. средняя продолжительность жизни населения СССР выросла на 22 года, причем продолжительность жизни мужчин увеличилась примерно на 20 лет, а женщин — на 22 года [1]. Нельзя не отметить, что двадцатилетний период, принесший столь разительные изменения в смертности, включает в себя четыре года Великой Отечественной войны, которая не могла не оказать отрицательного влияния на здоровье целых поколений советских людей. Несомненно также, что основное снижение смертности, о котором мы говорим, пришлось на послевоенный период — конец сороковых и пятидесятые годы.

Рассматриваемый период характеризуется прежде всего большим снижением детской смертности: в 1959 г. коэффициент детской смертности — число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся — составил 40,6 против 181,5 в 1940 г., т. е. снизился более чем в 4 раза. Уже к 1950 г. коэффициент детской смертности составил 80,7‰ [2]. Специалисты связывают такое резкое снижение детской смертности с внедрением в практику органов здравоохранения сульфамидных препаратов и антибиотиков, главным образом пенициллина. Это не могло не сказаться и на смертности всех других возрастных групп.

Анализ изменений в смертности отдельных возрастных групп мы будем, как и раньше, проводить главным образом путем параллельных сопоставлений их у мужчин и у женщин.

Прежде всего можно отметить, что разрыв в показателях смертности резко увеличился в пользу женщин; изменились возрастные характеристики этого разрыва. В 1938—1939 гг. (как, впрочем, и в 1926—1927 гг.) смертность мужчин больше всего превышала смертность женщин примерно в возрастах 45—65 лет (особенно в десятилетней группе от 50 до 60 лет). В 1958—1959 гг. произошел сдвиг в сторону молодых возрастов — превышение более чем в 2 раза падало на группу возрастов от 25 до 60 лет.

---

[1] См.: Население СССР. 1973, с. 140.

[2] *Там же,* с. 141

В старших возрастах картина практически не изменилась: и сами показатели снизились за 20 лет весьма умеренно, и разрыв между мужской и женской смертностью, по существу, сохранялся неизменным. Существенные изменения претерпели соотношения коэффициентов смертности в возрасте от 5 до 20 лет: в 1938—1939 гг. разрыва почти не было, в 1958—1959 гг. превышение смертности мужчин над смертностью женщин значительно увеличилось.

Таблица 4

ВЕРОЯТНОСТИ УМЕРЕТЬ (100 000 q_x) ПО ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1938—1939 ГГ. И 1958—1959 ГГ.

Возраст	1938—1939 гг.			1958—1959 гг.		
	Мужчины	Женщины	Гр. 2 к гр. 3, %	Мужчины	Женщины	Гр. 5 к гр. 6, %
1	2	3	4	5	6	7
0	17 469	15 162	115	4 424	3 677	120
5	857	816	105	143	117	122
10	310	268	116	103	70	147
15	277	273	101	113	77	147
20	448	384	117	205	117	175
25	484	427	113	173	135	202
30	549	464	118	328	160	205
35	700	540	130	402	195	206
40	914	614	149	519	259	200
45	201	686	175	668	328	203
50	647	861	191	1 004	474	212
55	2 222	1 085	205	1 502	683	220
60	2 936	1 528	192	2 222	1 028	216
65	3 871	2 402	161	3 074	1 651	186
70	5 471	3 858	142	4 404	2 793	158
75	7 873	6 200	127	6 363	4 594	139
80	10 535	8 778	120	9 253	7 500	123

Источники: Материалы ЦСУ СССР; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том), с. 262—279.

Значительное превышение мужской смертности над женской распространилось со старших на наиболее активные, трудоспособные возраста. При этом процессы, происходящие в городском и сельском населении, играли в этих изменениях неодинаковую роль.

Таблица 5

ВЕРОЯТНОСТИ УМЕРЕТЬ (100 000 q_x) ДЛЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СССР ПО ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ 1938—1939 ГГ. И 1958—1959 ГГ. (оба пола)

Возраст	1938—1939 гг.			1958—1959 гг.		
	Город	Село	Гр. 3 к гр. 2, %	Город	Село	Гр. 6 к гр. 5, %
1	2	3	4	5	6	7
0	17 412	15 867	91	4 019	4 086	102
5	679	881	130	108	151	140
10	265	306	115	073	095	130
15	237	301	127	081	104	128
20	392	427	109	151	175	116
25	454	463	102	187	219	117
30	507	505	100	229	254	111
35	637	605	95	268	292	109
40	800	726	91	356	365	103
45	1 026	868	85	465	451	97
50	1 399	1 123	80	713	643	90
55	1 851	1 420	77	1 068	897	84
60	2 539	1 899	75	1 626	1 286	78
65	3 545	2 786	79	2 471	1 941	79
70	5 137	4 234	82	3 789	3 056	81
75	7 854	6 464	82	5 754	4 831	84
80	11 189	8 884	79	9 017	7 529	83

См. источники к табл. 4.

Основные выводы из анализа этой таблицы следующие: размах «ножниц» сузился, особенно в старших возрастах; кривые q_x городского и сельского населения пересекаются теперь в возрасте 41 год вместо 30 лет в 1938—1939 гг., т. е. уровни смертности городского и сельского населения в возрасте старше 30 лет сближаются, в младших — разрыв увеличивается в пользу города.

Анализ этих же изменений раздельно для обоих полов (см. рис. 3) показывает, что смещение разрыва между показателями смертности мужчин и женщин в сторону молодых возрастов произошло за счет двух процессов. С одной стороны, за 20 лет имело место более сильное сокращение смертности женщин, чем мужчин, в молодых трудоспособных возрастах — если в городе у мужчин в возрасте 20—35 лет она сократилась примерно в 2 раза, то у женщин — более чем в 3 раза. Особенно же высокими были темпы сокращения смертности у женщин

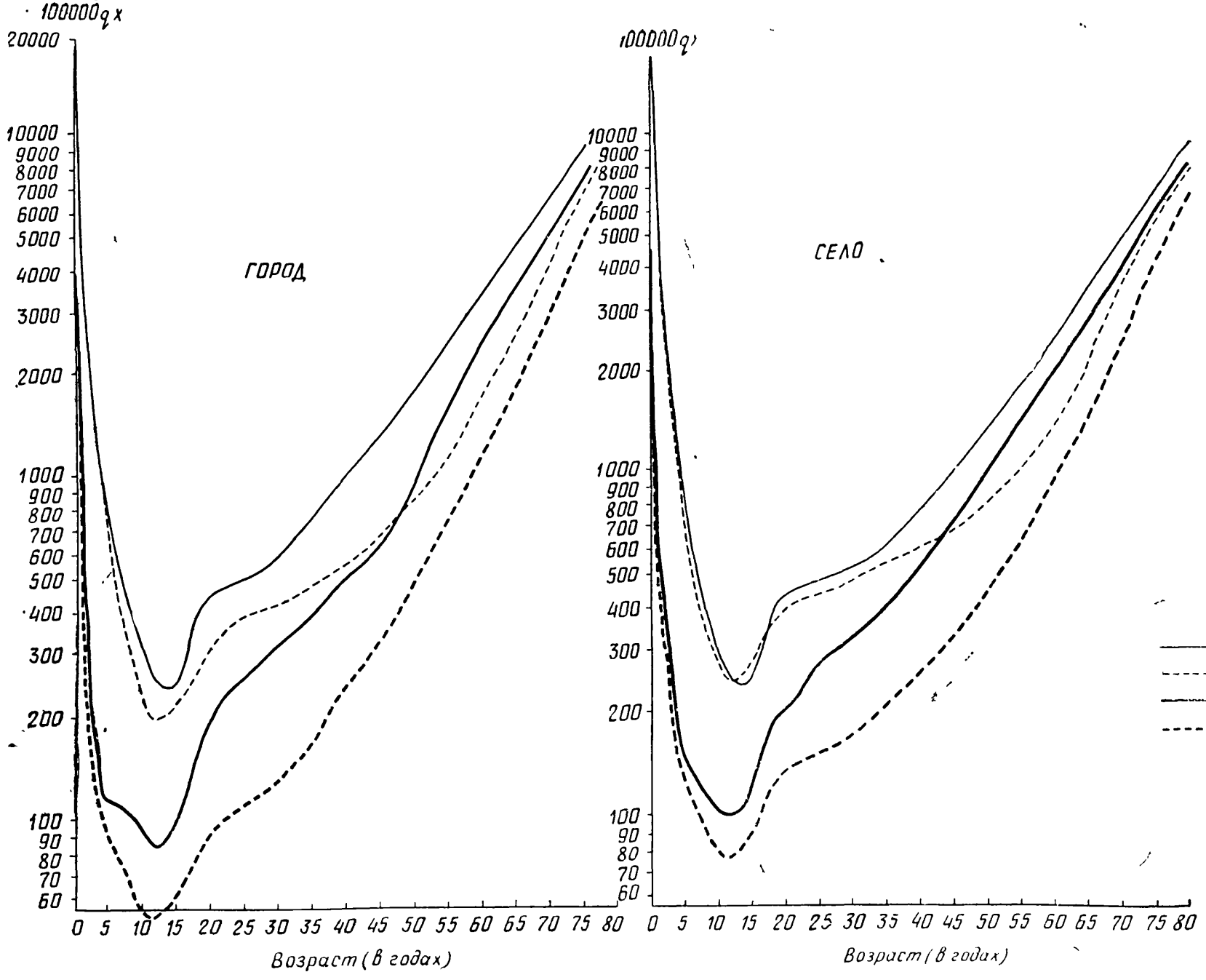

Рис. 3. Повозрастные вероятности умереть (q_x) городского и сельского населения СССР по полу по таблицам смертности 1938—1939 и 1958—1959 гг.

по сравнению с мужчинами в селе; значительное различие в темпах снижения смертности охватывает здесь более широкую, чем в городе, группу возрастов — от 15 до 70 лет. Можно считать, что улучшение учета за 20 лет в равной степени относилось как к регистрации умерших женщин, так и мужчин, поэтому сравнение темпов снижения смертности мужчин и женщин с 1938 по 1959 г. является вполне обоснованным.

С другой стороны, смещение разрыва показателей мужской и женской смертности в сторону молодых возрастов обусловлено сравнительно медленным снижением смертности мужчин села по сравнению с мужчинами города, в особенности в возрастах от 30 до 50 лет: у мужчин в городе за это время смертность снизилась примерно в 2 раза, а в селе — меньше чем в 1,5 раза.

Таким образом, наиболее трудно поддающейся снижению оказалась смертность у мужчин в сельской местности. Разумеется, этот тезис весьма относителен, так как за 20 лет сокращение смертности у мужчин и здесь осуществлялось очень быстрыми темпами, но по сравнению с другими группами населения все же именно живущих в селе мужчин можно рассматривать как контингент, обладающий наибольшей силой инерции в отношении изменения показателей смертности.

Данные о причинах смерти городского населения за 1938—1939 гг. и 1958—1959 гг. показывают, что снижение смертности происходит в основном за счет устранения инфекционных (главным образом туберкулеза) и паразитарных заболеваний, болезней органов пищеварения, материнской смертности. К 1958—1959 гг. смертность обусловливается для взрослого населения прежде всего болезнями системы кровообращения и новообразованиями. В 1960 г. обе эти причины дали больше половины всех смертных случаев [1].

Для периода после 1959 г. мы располагаем богатыми данными о повозрастной смертности и средней продолжительности предстоящей жизни. В этот период был проведен целый ряд социально-гигиенических исследований региональных особенностей смертности и заболеваемости населения. Однако, следуя принятым в этой работе принципам анализа, мы ограничимся сопоставлением таблиц смертности, приуроченных к датам переписей 1959 и 1970 гг.

[1] «Вестник статистики», 1969, № 2, с. 81, 89—91.

По материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г. были рассчитаны таблицы смертности и средней продолжительности жизни населения СССР за 1968—1971 гг.[1]. Четырехлетний период таблиц обусловлен прежде всего стремлением получить максимально устойчивые характеристики смертности. Таблицы 1958—1959 гг. и 1968—1971 гг. полностью сопоставимы[2].

Таблица 6

ВЕРОЯТНОСТИ УМЕРЕТЬ (100 000 q_x) ПО ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1958—1959 И 1968—1971 ГГ.

Возраст	1958—1959 гг.			1968—1971 гг.		
	Мужчины	Женщины	Гр. 2 к гр. 3, %	Мужчины	Женщины	Гр. 5 к гр. 6, %
1	2	3	4	5	6	7
0	4 424	3 677	120	2 786	2 180	130
5	143	117	122	94	69	139
10	103	70	147	67	45	149
15	113	77	147	97	47	206
20	205	117	175	208	75	277
25	273	135	202	291	91	319
30	328	160	205	389	119	327
35	402	195	206	491	167	294
40	519	259	200	636	218	290
45	668	328	203	842	326	258
50	1 004	474	212	1 132	476	238
55	1 502	683	220	1 624	679	239
60	2 222	1 028	216	2 322	981	236
65	3 074	1 651	186	3 493	2 668	131
70	4 404	2 793	158	4 864	5 041	97
75	6 363	4 594	139	7 357	8 267	89
80	9 253	7 500	123	10 707	12 427	86

Источники: Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том), с. 264—267; «Вестник статистики», 1974, № 2, с. 95.

Первый вывод, который можно сделать, сопоставляя изменения в различиях смертности мужчин и женщин за период с 1958—1959 гг. по 1968—1971 гг. (см. табл. 6), заключается в том, что различия в смертности мужчин и женщин еще более выросли, а возраст, в котором эти различия были максимальными, сместился в сторону млад-

[1] «Вестник статистики», 1974, № 2, с. 94—95.

[2] См.: *Андреев Е., Кардаш А., Павлов Г., Шабуров К.* Алгоритм расчета показателей таблиц смертности и средней продолжительности предстоящей жизни. — «Вестник статистики», 1975, № 3, с. 28—35.

ших возрастов. Увеличение разрыва в мужской и женской смертности наблюдается во всех возрастах моложе 65 лет, но наиболее существенно в возрастах 20—40 лет.

Рост разрыва мужской и женской смертности в младших возрастах (особенно в возрасте 0 лет) объясняется, вероятно, тем, что по мере снижения смертности все большее место занимают смерти от эндогенных причин, которым мальчики подвержены в значительно большей степени, чем девочки.

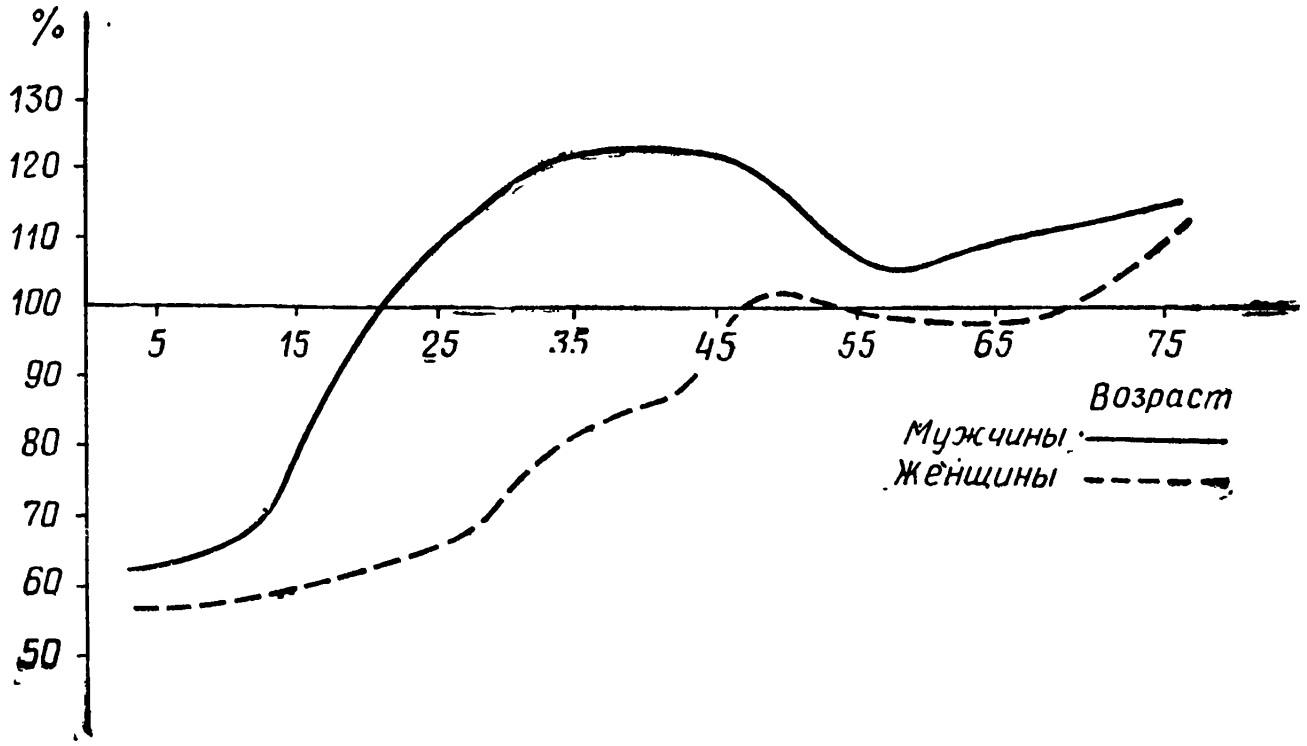

Рис. 4. Повозрастные вероятности смерти в 1968—1971 гг. в процентах к повозрастным вероятностям смерти в 1958—1959 гг.

Трудно объяснить причины изменения соотношения смертности мужчин и женщин в поздних старческих возрастах: это явление, происходящее на фоне роста интенсивности смертности в старших возрастных группах, требует пристального внимания специалистов-геронтологов.

Изменения в смертности мужчин не сводятся к росту половой диспропорции смертности. Как видно из данных табл. 6, смертность мужчин во всех возрастах старше 20 лет в 1968—1971 гг. выше, чем в 1958—1959 гг., в разной степени в зависимости от возраста (см. рис. 4). У женщин также наблюдается некоторый, весьма несущественный рост смертности в возрастах между 45 и 55 годами и старше 65 лет.

За период между двумя переписями населения средняя продолжительность предстоящей жизни мужчин увеличилась на 0,2 года, а женщин — на 1,8 года, при этом разрыв в средней продолжительности жизни мужчин и женщин достиг 9,0 лет против 7,8 в 1958—1959 гг. Рост средней продолжительности жизни, как показывает расчет по методике Ю. А. Корчака-Чепурковского[1], происходил прежде всего за счет снижения смертности в возрасте до 1 года и в возрасте от 1 года до 15 лет, причем

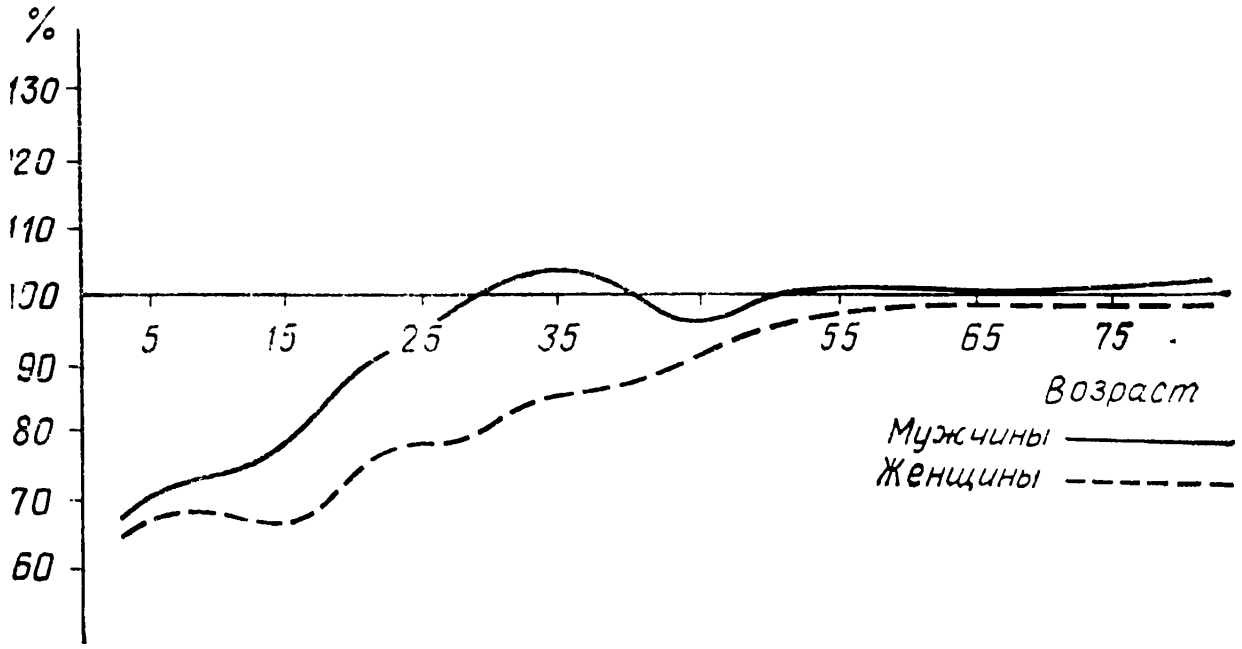

Рис. 5. Повозрастные вероятности смерти в 1964—1965 гг. в процентах к повозрастным вероятностям смерти в 1958—1959 гг.

вклад последнего вдвое ниже, чем вклад снижения младенческой смертности. Динамика смертности в возрастах старше 15 лет у мужчин и старше 45 лет у женщин оказала в целом отрицательное влияние на величину средней продолжительности предстоящей жизни. Изменение смертности между двумя переписями не было однонаправленным: первая его стадия характеризуется либо снижением повозрастной смертности (см. рис. 5), либо в некоторых возрастных группах ее стабильностью. Во второй половине 60-х годов в ряде возрастных групп обнаружились тенденции к увеличению смертности.

[1] См.: *Корчак-Чепурковский Ю. А.* Влияние смертности в разных возрастах на увеличение средней продолжительности предстоящей жизни. — В кн.: Изучение воспроизводства населения. М., 1968, с. 134—156.

Динамика повозрастной смертности в СССР после 1964 г. представлена на рис. 6. Хотя эта динамика в разных возрастных группах различна, можно сказать, что в тех возрастных группах, где наблюдался рост смертности, в начале 70-х годов он либо прекратился, либо даже началось снижение показателей смертности. Вместе с тем в ряде случаев такая оценка нуждается в подтверждении данными о смертности за последующие годы.

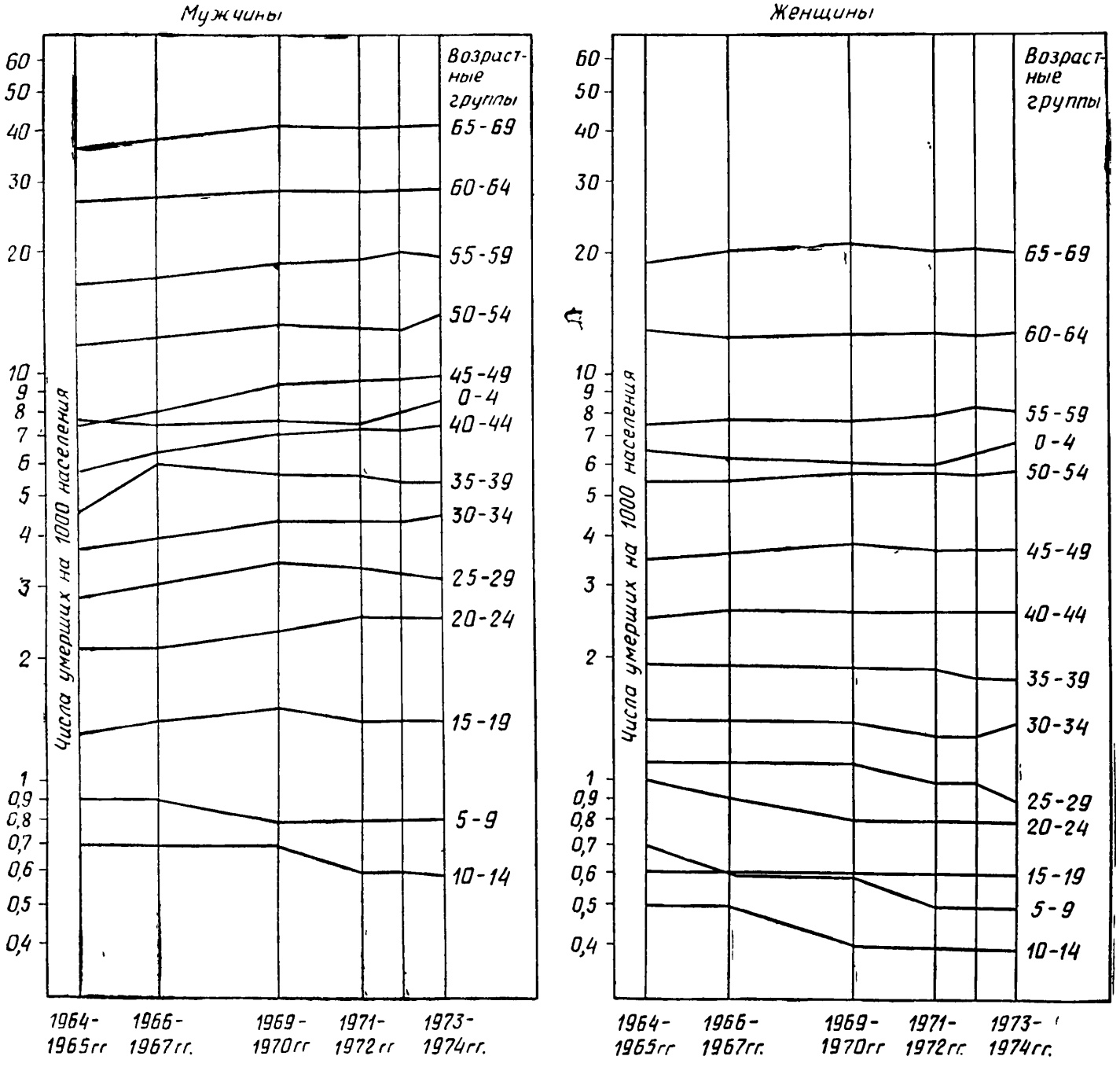

Рис. 6. Смертность населения по полу и возрасту в 1964—1974 гг. (числа умерших на 1000 человек населения соответствующего пола и возраста)

Подводя итоги проделанного анализа динамики средней продолжительности жизни населения СССР, вновь обратимся к данным рассчитанных на материалах переписей населения таблиц смертности.

Анализ данных, приведенных в табл. 7, свидетельствует о неравномерном характере роста средней продолжительности жизни, о чередовании периодов быстрого снижения смертности с периодами относительной стабильности ее уровня. Борьба за дальнейшее снижение смертности невозможна без глубокого изучения всех аспектов истории смертности.

Таблица 7

СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СССР И ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Годы	Все население	Мужчины	Женщины
1896—1897 (по 50 губерниям Европейской России)	32	31	33
1926—1927 (по европейской части СССР)	44	42	47
1938—1939	47	44	50
1958—1959	69	64	72
1968—1971	70	65	74

Источники: Население СССР. 1973, с. 139; «Вестник статистики», 1974, № 2, с. 94—95.

Безусловно, снижение смертности связано с успехами медицины, однако, как свидетельствует анализ снижения смертности в ретроспективе, основными факторами этого снижения были рост благосостояния населения, улучшение материальных и социальных условий его жизни, включая рост обеспеченности продуктами питания, повышение комфорта жилищ, развитие коммунального хозяйства и т. п. Экономический прогресс стал базой для развития системы здравоохранения, роста гигиенической культуры населения. В свою очередь развитие медицинской науки и системы здравоохранения дало эффективные средства для борьбы с целым рядом заболеваний. Особенно надо отметить прямую связь снижения смертности от болезней органов дыхания (прежде всего пневмонии) с разработкой и внедрением в практику органов здравоохранения сульфамидных препаратов и антибиотиков. Нет никаких оснований предполагать, что в последнее десятилетие возникли новые факторы, определяющие динамику смертности. Не появление новых факторов, но новый результат действия старых факторов в но-

вом сочетании интенсивности их действия — вот в чем надо искать объяснение особенностей динамики смертности последних лет. Это — серьезная научная проблема, решение которой требует детального изучения территориальной, социальной и половозрастной дифференциации уровней смертности и их динамики. Приближающаяся Всесоюзная перепись населения 1979 г. открывает новые возможности для детального исследования закономерностей смертности.

И. П. Ильина

ВЛИЯНИЕ ВОЙН НА БРАЧНОСТЬ СОВЕТСКИХ ЖЕНЩИН

Кровопролитные войны, пережитые нашей страной, нанесли ей значительный экономический ущерб, вызвали огромные людские потери и во многом нарушили нормальный ход демографических процессов, в том числе и нормальное течение процесса заключения браков.

Влияние войны на брачность проявляется прежде всего в уменьшении числа заключаемых браков, вызванном мобилизацией мужчин, а отчасти и ухудшением экономических условий. Например, понижающее влияние на число браков первой мировой войны в некоторых странах, пострадавших в наибольшей степени, характеризовалось следующими показателями.

Таблица 1

ЧИСЛО БРАКОВ В РОССИИ, ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ В ПРОЦЕНТАХ К ЧИСЛУ БРАКОВ В 1913 Г.

Годы	Европейская Россия	Франция	Германия
1914	83	68	90
1915	42	30	54
1916	43	44	54
1917	65	64	61
1918	—	72	60
1919	—	181	165

Источник. *Георгиевский А. С., Гаврилов О. К.* Социально-гигиенические проблемы и последствия войн. М., 1975, с. 42.

Обычно война в большей степени влияет на брачность сельского населения, чем городского. Для городов характерны концентрация военнослужащих, система «брони» для мужчин, работающих на военных предприятиях и в

некоторых гражданских учреждениях. В селах же обычно все мужчины призывного возраста, за исключением единиц, подлежат мобилизации. Например, изменение коэффициента брачности (в ‰) по Москве и Московской губернии в годы первой мировой войны было следующим [1]:

Годы	Москва	Московская губерния
1913	5,9	7,4
1914	5,5	5,5
1915	4,1	2,2
1916	3,9	2,3

Количество нереализованных браков по 50 губерниям России за годы первой мировой войны оценивается в 1,7 млн. [2].

По окончании войны в течение 2—3 лет происходит процесс компенсации — в брак вступают лица, не успевшие сделать это до войны; лица, чьи возраста в мирных условиях проходили бы в годы, пришедшиеся на войну, через волну наивысшей брачности (20—24 года); кроме того, к ним присоединяются те лица, возраста максимальной брачности которых приходятся на первые послевоенные годы. Однако крупные войны служат причиной таких глубоких и необратимых изменений в населении, которые не только затрудняют процесс послевоенной компенсации брачности, но еще долго негативно влияют на брачность многих поколений людей. Главное в этих изменениях — нарушение нормальной половозрастной структуры населения.

Причины такого нарушения — повышенная смертность людей в период войны и прежде всего массовая гибель молодых мужчин на полях сражений. Немалое значение имеет также пониженная рождаемость в военные годы, которая приводит к существенной деформации возрастной пирамиды и сказывается на брачности много позднее, когда в брачный возраст вступают поколения, родившиеся в военные и примыкающие к ним годы.

Серьезные нарушения половозрастной структуры населения, вызванные указанными причинами, видны при

---

[1] См.: *Куркин П. И., Чертов А. А.* Естественное движение населения г. Москвы и Московской губернии. М., 1927, с. 24.

[2] См.: *Георгиевский А. С., Гаврилов О. К.* Указ. соч., с. 42.

сопоставлении данных Всесоюзных переписей населения 1939 и 1959 гг.

Таблица 2

ЧИСЛО МУЖЧИН НА 100 ЖЕНЩИН В НЕКОТОРЫХ ПОКОЛЕНИЯХ В 1939 И 1959 ГГ.

Поколения женщин, родившихся в годы	1939 г. [1]			1959 г. [2]		
	Возраст женщин в годах	На 100 женщин приходилось мужчин		Возраст женщин в годах	На 100 женщин приходилось мужчин	
		ровесников	на 5 лет старше		ровесников	на 5 лет старше
1914—1918	20—24	94	111	40—44	62	73
1919—1923	15—19	102	92	35—39	64	57
1924—1928	10—14	100	70	30—34	83	43
1929—1933	5—9	100	121	25—29	96	93
1934—1938	0—4	102	82	20—24	98	87
1939—1943	—	—	—	15—19	100	122
1944—1948	—	—	—	10—14	104	110

Источники: 1. Рассчитано по: Численность, размещение, возрастная структура, уровень образования, национальный состав, языки и источники средств существования населения СССР. М., 1971, с. 17—18.

2. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. II. М., 1972, с. 12.

Сначала рассмотрим, как складывалось соотношение полов у ровесников — мужчин и женщин, принадлежащих к одним и тем же пятилетним возрастным группам. Перепись 1939 г. показала, что соотношение полов у сверстников во всех поколениях было близко к единице, что естественно при почти равной вероятности рождения мальчиков и девочек. Некоторый недостаток мужчин-ровесников у женщин 1914—1918 гг. рождения может быть связан с тем, что в тяжелые военные годы смертность в младенческом возрасте менее жизнеспособных мальчиков была выше, чем девочек.

Спустя 20 лет перепись 1959 г. отразила неблагоприятные изменения в соотношении полов у ровесников этих же поколений, связанные прежде всего с массовой гибелью мужчин на фронтах Великой Отечественной войны. Мужчинам, родившимся в 1914—1923 гг. (две первые группы поколений в табл. 2), в год начала войны исполнилось от 18 до 27 лет, они составили основу воинских контингентов и понесли наибольшие потери, что и объясняет главным образом сокращение их числа до

62—64 на каждые 100 женщин, родившихся в одно с ними время. Несколько меньшими, но тоже значительными были потери в следующей группе поколений мужчин, родившихся в 1924—1928 гг. и достигших призывного возраста уже после начала войны, а частично и после ее окончания. Что же касается более молодых поколений, не участвовавших в войне, то для них соотношение полов в группах сверстников приближается к нормальному.

Однако соотношение полов среди сверстников, будучи важной характеристикой, не дает все же оснований для того, чтобы с достаточной полнотой судить о возможном влиянии половозрастной структуры населения на процесс вступления в брак. В обычных условиях, как правило, существует некоторый разрыв в возрасте женихов и невест, чаще всего женщины выходят замуж за мужчин, которые на несколько лет старше их. Поэтому необходимо знать, как соотносятся численности мужчин и женщин в соседних возрастных группах. Опубликованные материалы переписей позволяют выявить это соотношение только для пятилетних возрастных групп. Для рассматриваемых нами поколений (см. табл. 2) оно складывалось по-разному — с превышением то числа мужчин, то числа женщин, — но нарушение равновесия полов наблюдалось постоянно и также было обусловлено в первую очередь влиянием войн.

Перепись 1939 г. зафиксировала заметный избыток потенциальных женихов в соседней (старшей) возрастной группе у женщин 1914—1918 гг. рождения, что явилось результатом падения рождаемости в годы первой мировой войны. Относительно немногочисленным поколениям женщин, родившихся в военные годы, соответствовал значительный контингент мужчин предвоенных (1909—1913 гг.) лет рождения. Этим же фактором объясняется недостаток потенциальных женихов (1914—1918 гг. рождения) у женщин следующего поколения 1919—1923 гг. рождения. В самой неблагоприятной ситуации, как показала перепись 1939 г., оказались женщины 1924—1928 гг. рождения. Многочисленному контингенту женщин, родившихся в середине 20-х годов (период высокой рождаемости), соответствовал небольшой контингент мужчин 1919—1923 гг. рождения — периода гражданской войны, интервенции и разрухи.

Далее, значительный избыток потенциальных женихов (1924—1928 гг. рождения) характерен для следую-

щего поколения женщин — 1929—1933 гг. рождения. Падение рождаемости в стране в конце 20-х — начале 30-х годов, связанное с коренными социально-экономическими преобразованиями — индустриализацией, интенсивной миграцией в города, коллективизацией сельского хозяйства, — проявилось в относительной малочисленности поколений женщин, родившихся в этот период. Эта же причина вызвала недостаток потенциальных женихов (1929—1933 гг. рождения) у женщин 1934—1938 гг. рождения, т. е. в последней группе поколений, охваченной переписью 1939 г. Во второй половине 1930-х годов рождаемость в стране несколько повысилась, и это сказалось на увеличении численности женщин в этой группе поколений. В целом перепись 1939 г. показала значительное нарушение половой пропорции в поколениях, взятых с пятилетним сдвигом, что было главным образом результатом падения рождаемости в годы первой мировой и гражданской войн.

Великая Отечественная война еще больше усугубила это нарушение пропорции полов. Особенно резкая диспропорция сложилась после войны (что было зафиксировано переписью 1959 г.) между численностью поколений женщин, родившихся в 1924—1928 гг., и мужчин, родившихся на 5 лет раньше. Известная диспропорция существовала уже в 1939 г., а малочисленные поколения мужчин, родившихся в годы гражданской войны и послевоенной разрухи, как уже отмечалось, принадлежали к числу наиболее пострадавших во время Великой Отечественной войны.

Резко изменилось соотношение полов и в предыдущих группах поколений (женщины 1914—1923 гг., мужчины 1909—1918 гг. рождения), в частности, для самой старшей из рассматриваемых групп женских поколений избыток мужчин старшей на 5 лет группы сменился их значительным недостатком. Наконец, заметно уменьшилась численность потенциальных женихов у женщин 1929—1933 гг. рождения, что было вызвано гибелью представителей поколений мужчин, родившихся в 1924—1928 гг.

В благоприятной с точки зрения соотношения полов ситуации оказались женщины, родившиеся в десятилетие с 1939 по 1948 г., что связано с падением рождаемости в годы Великой Отечественной войны: малочисленным контингентам женщин, родившихся в военные и первые послевоенные годы, соответствовали многочисленные

контингенты мужчин, родившихся в середине 30-х годов и в предвоенный период.

Таким образом, Великая Отечественная война, с одной стороны, нарушила половую пропорцию у ровесников, у которых перед войной эта пропорция приблизительно соответствовала норме, с другой же стороны, она усугубила диспропорцию полов в соседних возрастных группах мужчин и женщин, которая существовала еще в 1939 г. как следствие первой мировой и гражданской войн, а отчасти и некоторых других исторических событий: в одних случаях уже существовавший недостаток мужчин резко усилился, в других — избыток мужчин сменился их недостатком.

По окончании войны сложилась резкая диспропорция полов. Большому контингенту незамужних женщин (не успевшие вступить в брак до войны, вдовы военных лет, разведенные) противостоит ограниченное количество бракоспособных мужчин, что уменьшает шансы вступить в брак для женщин.

Войны отрицательно сказываются на брачном состоянии населения, разрушая многие существующие браки и обрекая уже бывших замужем женщин на долгие годы одиночества. Вдовство многих женщин, потерявших мужей на войне, в силу половой диспропорции длится всю последующую жизнь. Кроме того, в условиях значительного численного преобладания женщин существенно ослабевает прочность браков, и повышение числа разводов по инициативе мужчин сокращает длительность брака. При наличии диспропорции полов происходит процесс стихийного перераспределения брачных партнеров, причем не только по возрасту, но и по брачному состоянию.

Это перераспределение совершается за счет повышенной брачности женщин со сверстниками, с мужчинами более молодыми, поколения которых война не затронула, а также с разведенными и вдовцами. Мы не располагаем достаточными данными для анализа такого перераспределения по брачному состоянию[1], что же касается пере-

[1] Этот вопрос исследован по материалам, относящимся к брачности Франции после первой мировой войны. Как показал Л. Анри, у поколений женщин, родившихся в 1881—1900 гг. и наиболее пострадавших в результате гибели фактических или потенциальных мужей во время войны, резко повысилось число браков с вдовцами и разведенными. (См.: *Анри Л.* Нарушения брачности под влиянием войны 1914—1918 гг. (Пер. с франц.) — В кн.: Брак и семья. М., 1975, с. 108).

распределения по возрасту, то косвенно на него указывают данные текущей статистики о различном распределении брачных пар по возрасту женихов и невест в некоторых поколениях (см. табл. 3).

Таблица 3

ДОЛЯ БРАКОВ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ ЖЕНЩИНАМИ В ВОЗРАСТЕ 20—24 ГОДА С РОВЕСНИКАМИ, %

Поколения женщин	Доля браков с ровесниками
1942—1946 гг.	41,9
1944—1948 гг.	52,2
1945—1949 гг.	62,6
1946—1950 гг.	68,2
1947—1951 гг.	71,1
1948—1952 гг.	70,9
1949—1953 гг.	71,0
1950—1954 гг.	70,2

Источники: Рассчитано по: «Вестник статистики», 1967, № 11, с. 94; 1970, № 6, с. 96; 1971, № 2, с. 95; 1971, № 12, с. 89; 1973, № 12, с. 88; 1974, № 12, с. 89; Женщины в СССР. М., 1975, с. 98.

Когда малочисленному контингенту женщин 1942—1946 гг. рождения соответствовал относительно большой контингент мужчин довоенных лет рождения (1937—1941 гг.), доля браков со сверстниками была наименьшей. Для последующих поколений женщин уменьшение численности потенциальных женихов в соседней (старшей) возрастной группе привело к тому, что основную часть браков составили браки со сверстниками. По-видимому, такое положение сохранится до тех пор, пока на «брачном рынке» не восстановится нормальное соотношение численности потенциальных невест и женихов.

Некоторое представление о влиянии распадения браков на брачное состояние женщин может дать сопоставление долей замужних женщин одних и тех же поколений по переписям 1939 и 1959 гг. (см. табл. 4).

Разумеется, снижение доли замужних среди женщин при переходе к старшим возрастам происходит и в обычное время. Это — закономерный результат более ранней смертности мужчин. Однако в данном случае доля замужних упала значительно больше обычного. Это видно, в частности, из сравнения долей замужних в одних и тех же возрастных группах в 1926, 1939 и 1959 гг. (см. табл. 5).

Таблица 4

ДОЛИ ЗАМУЖНИХ В НЕКОТОРЫХ ПОКОЛЕНИЯХ ЖЕНЩИН В 1939 И 1959 ГГ., %

Годы рождения поколений	1939 г.		1959 г.	
	Возраст женщин при переписи	Доля женщин, состоящих в браке	Возраст женщин при переписи	Доля женщин, состоящих в браке
1914—1918	20—24	61,4	40—44	62,3
1909—1913	25—29	78,7	45—49	54,9
1904—1908	30—34	81,8	50—54	48,5
1899—1903	35—39	80,0	55—59	43,3
1894—1898	40—44	75,9	60—69	36,1
1889—1893	45—49	68,8		

Источник. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (Сводный том), с. 73.

Таблица 5

ДОЛИ ЗАМУЖНИХ ПО ПЕРЕПИСИ 1926, 1939 И 1959 ГГ.

Возрастные группы	Число замужних на 100 женщин соответствующей возрастной группы			1959 г. в % к 1926 г.	1959 г. в % к 1939 г.
	1926 г.	1939 г.	1959 г.		
40—44	76,3	75,9	62,3	81,6	82,1
45—49	70,2	68,8	54,9	78,2	79,8
50—54	61,4	59,3	48,5	78,9	81,8
55—59	55,0	49,7	43,3	78,7	87,2
60—69	40,8	36,3	36,1	88,4	99,4

Источник. См. табл. 4; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 51. М. — Л., 1931, с. 2—3.

Анализируя данные табл. 5, надо учитывать, что доли замужних женщин в старших возрастах и в 1939 г. были далеки от нормальных, так как на них отразились военные потери мужчин во время первой мировой и гражданской войн. Но в 1959 г. доля замужних среди тех поколений женщин, которые в основном уже состояли в браке перед войной, была особенно низка. Это не может иметь иного объяснения кроме гибели огромного количества мужчин либо на полях войны, либо — уже в послевоенное время — вследствие полученных на войне ран и тяжелых лишений военных лет.

Наряду с разрушением уже существующих браков войны (и их последствия) отрицательно влияют на процесс заключения браков.

Известно, что это влияние выражается в повышении среднего возраста вступления в брак и в увеличении доли окончательно оставшихся вне брака у тех женщин, чьи потенциальные брачные партнеры погибли на войне. Этот вопрос также исследовался на материалах Франции, понесшей огромные людские потери во время первой мировой войны [1].

Отсутствие необходимой статистической информации затрудняет анализ нарушений процесса заключения браков в результате войн для женщин нашей страны. Влияние на этот процесс Великой Отечественной войны изучалось нами по данным единовременного выборочного обследования доходов и жилищных условий семей рабочих и служащих, проведенного ЦСУ СССР в 1967 г. В программу обследования были включены вопросы, позволившие изучать брачность. По материалам этого обследования нами были построены таблицы брачности для реальных поколений женщин 1913—1947 гг. рождения [2].

Общее нарушение процесса брачности женщин этих поколений выразилось прежде всего в сокращении числа ранних браков (до 18 лет).

Таблица 6

РАННЯЯ БРАЧНОСТЬ ЖЕНЩИН ИЗ СЕМЕЙ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В СССР ПО ПОКОЛЕНИЯМ

Годы рождения поколений	Годы достижения возраста 18 лет	Доля женщин данного поколения, вступивших в первый брак к 18 годам, %
1913—1917	1931—1935	10,8
1918—1922	1936—1940	10,4
1923—1927	1941—1945	5,1
1928—1932	1946—1950	5,6
1933—1937	1951—1955	6,4
1938—1942	1956—1960	7,5
1943—1947	1961—1965	8,6

[1] См.: *Шатлан Ж., Пресса Р.* Брачность поколений французов на протяжении столетия. (Пер. с франц.). — В кн.: Демография поколений. М., 1972, с. 94, 100; *Анри Л.* Цит. соч.

[2] Подробное описание методики получения таблиц брачности и их анализ содержится в нашей статье «Изучение брачности поколений женщин из семей рабочих и служащих в СССР» в кн. «Рождаемость (Проблемы изучения)». М., 1976.

Конечно, снижение доли женщин, вступающих в брак к 18 годам, не обязательно связано с войной, многие изменения в жизни советского общества могли вызвать тенденцию к такому снижению. Однако данные табл. 6 указывают на резкое (у поколений 1923—1927 гг. рождения более чем в 2 раза) падение доли ранних браков у тех поколений женщин, которые достигли 18-летия в военные и первые послевоенные годы, что, несомненно, связано с влиянием войны. У более молодых поколений доля женщин, вступивших в брак к 18 годам, постепенно увеличивалась. Она, правда, не достигла того уровня, который наблюдался перед войной, но это может отражать существование долговременной тенденции к сокращению доли ранних браков, не связанной с последствиями войны.

Сходная ситуация характерна и для возрастов, где брачность наиболее интенсивна. Так, изменение доли женщин, вступивших в брак к 23 годам, по группам поколений было следующим.

Таблица 7

УРОВЕНЬ БРАЧНОСТИ ЖЕНЩИН ИЗ СЕМЕЙ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В СССР К ВОЗРАСТУ 23 ГОДА

Годы рождения поколений	Годы достижения возраста 23 года	Доля женщин, вступивших в первый брак к возрасту 23 года, %
1913—1917	1936—1940	60,0
1918—1922	1941—1945	49,1
1923—1927	1946—1950	49,1
1928—1932	1951—1955	53,6
1933—1937	1956—1960	60,0
1938—1942	1961—1965	64,1
1943—1947	1966—1970	—

В поколениях 1918—1922 гг. рождения, возраста наиболее интенсивной брачности которых приходились на военные годы, доля женщин, вступивших в брак к 23 годам, снизилась на 10,9 пункта по сравнению с предыдущим поколением. Только начиная с поколения женщин 1928—1932 гг. рождения этот показатель опять повышается и у поколений 1938—1942 гг. превысил довоенный уровень.

Нарушение общего процесса брачности в военные годы наиболее ярко отражают возрастные интенсивности

вступления в брак. На рис. 1 изображены кривые возрастных вероятностей вступления в первый брак для поколений 1913—1917 гг. до 1923—1927 гг. рождения. График отчетливо зафиксировал снижение брачности в военные годы, выразившееся в «провале» возрастных вероятностей вступления в брак для женщин 1913—1917 гг. и 1918—1922 гг. рождения. Для женщин 1923—1927 гг. рождения период войны отмечен низкими вероятностями вступления в брак, растянутостью кривой до окончания войны, что свидетельствует об откладывании браков.

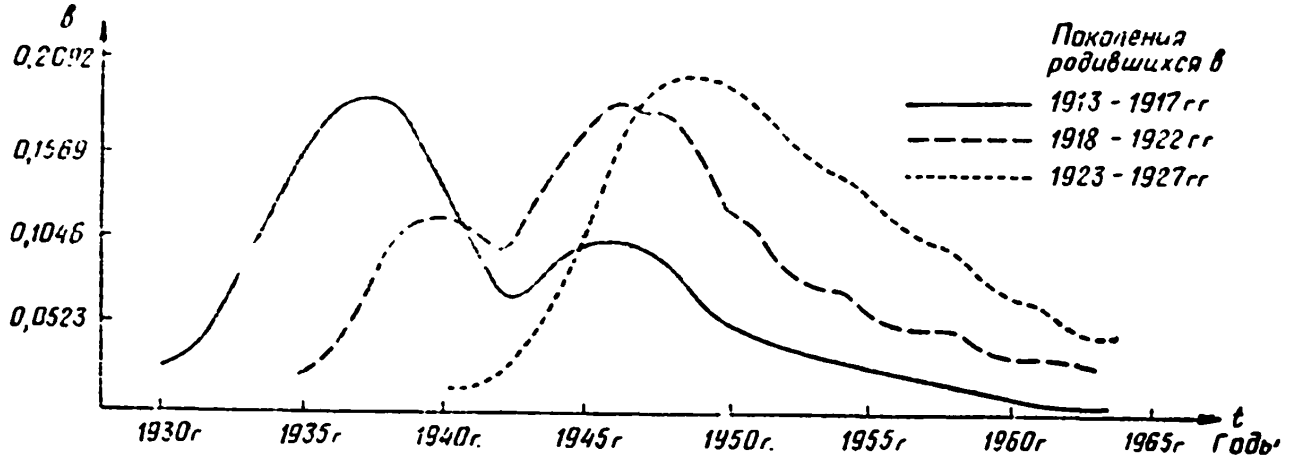

Рис. 1. Вероятности вступить в первый брак (*b*) для женщин СССР трех групп поколений

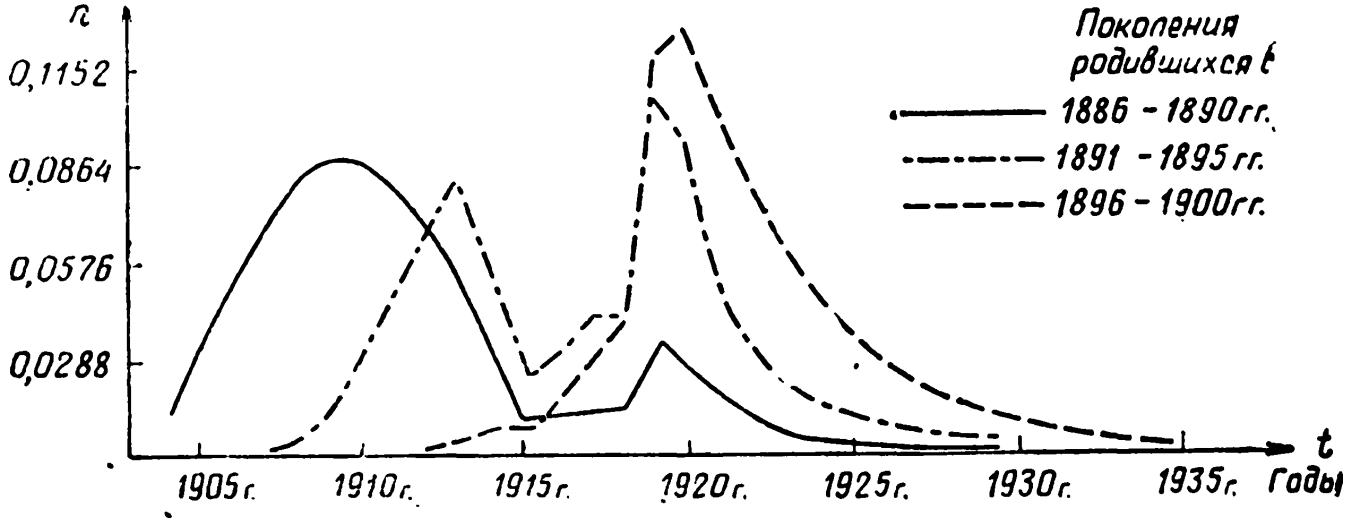

Рис. 2. Коэффициенты первых браков женщин трех групп поколений (*n*) Франции

Для сравнения рядом (см. рис. 2) приведены кривые возрастных коэффициентов брачности[1] для первых браков поколений француженок, родившихся в период с

[1] Отношение числа первых браков к общему числу женщин в соответствующей возрастной группе.

1886 по 1900 г. Несмотря на то что эти кривые относятся к другой стране, другой эпохе и другим социальным условиям, нетрудно заметить, что в их начертании есть очень много общего с формой кривых на рис. 1.

Подводя итоги сказанному, нельзя не отметить еще раз того пагубного влияния, которое оказали войны на процесс возникновения и распадения браков в нашей стране. Сами войны длились по нескольку лет, их неизгладимый след оставался на несколько десятилетий, на протяжении которых нормальные условия брачности были нарушены. Еще и сейчас, вероятно, брачность в СССР испытывает отдаленное влияние последней войны, хотя оно становится все слабее и слабее. Полное исчезновение этих последствий — необходимая предпосылка нормализации процесса брачности.

Р. И. Сифман

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ за 1897—1914 гг.[1]

I. СУЩЕСТВУЮЩИЕ ИСЧИСЛЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ за 1897—1914 гг.

Необходимость в исчислениях численности населения России после первой всеобщей переписи населения 1897 г. вызывается явной недостоверностью соответствующих данных официальной дореволюционной статистики. К этому вопросу неоднократно обращались как отдельные авторы до революции, так и советские исследователи.

Данные Центрального Статистического Комитета (ЦСК). После переписи 1897 г. ЦСК регулярно публиковал в своих ежегодниках данные о численности населения как по России в целом, так и по административным подразделениям (губерниям, уездам). Однако даже при самой поверхностной критической проверке этих данных они оказываются настолько неубедительными, что возможность их использования была поставлена под сомнение всеми авторами, касавшимися этого вопроса. Если произвести простейший контроль опубликованных ЦСК данных, т. е. сопоставить разницу между численностью населения на начало и конец года с превышением числа родившихся над числом умерших, то оказывается, что общий прирост населения как по территории государства в целом, так и по Европейской России за ряд лет на сотни тысяч, а иногда и на миллионы превышает естественный прирост, хотя очевидно, что этого не могло быть, поскольку сальдо внешней миграции России вообще очень

---

[1] Настоящее исследование было выполнено в основной своей части в начале 30-х годов, но ранее не публиковалось. Автор с признательностью вспоминает О. А. Квиткина и С. Г. Струмилина, чьими консультациями она пользовалась при выполнении этой работы.

незначительное по сравнению с естественным приростом было отрицательным, а из Европейской России происходил отлив населения в азиатские губернии.

Известно, что сводные данные о численности населения Российской империи в целом и Европейской России получались ЦСК путем суммирования данных местных расчетов губернских статистических комитетов. Чем руководствовались в этих расчетах на местах, остается неизвестным [1].

Судя по тому, что данные ЦСК по отдельным губерниям расходятся с цифрами, опубликованными соответствующими губернскими статистическими комитетами, можно предположить, что сведения, представленные последними, подвергались в ЦСК переработке. Но остается неясным, почему в ЦСК не производили общепринятый контроль местных расчетов, т. е. не сопоставляли их в сумме с балансом естественного прироста и миграции.

Ошибочность исчислений ЦСК явилась, как это указывалось рядом авторов, в основном результатом недостоверности данных о механическом движении населения. В примечаниях к сведениям о населении в ежегодниках ЦСК с 1909 г. появилось указание о включении в расчет механического движения там «где имелись какие-либо данные по этому вопросу». До этого отмечалось, что «механическое движение не было принято во внимание за неимением данных». Фактически механический прирост начал, по-видимому, включаться в расчеты раньше, так как уже с 1903 г. общий прирост населения превышал естественный прирост.

Источником завышенной оценки механического прироста населения был недоучет выбывших, который имел несколько причин:

1. Выбывшие из сельских местностей учитывались в числе городского населения на основании данных прописки, но не вычитались из сельского населения. На этот источник ошибок указывал С. Г. Струмилин [2]. Но если этот источник ошибок был бы единственным, то превы-

---

[1] В архиве ЦСК, хранившемся в Ленинградском отделении Исторического архива, не удалось обнаружить никаких инструктивных указаний местным органам по вопросу о методах исчисления населения. Нами были просмотрены все дела ЦСК за 1897—1914 гг. по разделу статистики населения и не было обнаружено даже никакого упоминания о существовании инструкции.

[2] См.: Предисловие к книге Е. З. Волкова «Динамика народонаселения СССР за 80 лет». М., 1930.

шение общего прироста населения над естественным было бы не больше механического прироста по городам. Между тем если определить на основании данных о численности городского населения и данных о его естественном приросте (см. табл. 1) величину механического прироста городского населения, то окажется, что она составляет, например, за 1908 г. — 1143 тыс., за 1909 г. — 696 тыс., в то время как превышение общего прироста над естественным по России в целом равно по данным ЦСК за те же годы — соответственно 2146 и 1351 тыс.

2. Переселенческое движение из Европейской России в Сибирь и из северных губерний в южные отражалось в расчетах численности населения односторонне. Переселившиеся прибавлялись в местах вселения, но не всегда вычитались в местах выселения. Так, за 1908 г. превышение общего прироста сельского населения над естественным по Сибири по данным ЦСК составляет около 0,5 млн. человек, причем почти все это количество приходится на Томскую губернию — основной район вселения переселенцев. Одновременно с этим по европейской части России общий прирост сельского населения даже превышал естественный (на 200,6 тыс. человек).

Таблица 1

ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (БЕЗ ФИНЛЯНДИИ) ЗА 1905—1913 ГГ., ТЫС.

Годы	Городское население			Сельское население			Все население		
	общий прирост по исчислению ЦСК	естественный прирост	разница между общим и естественным приростом (гр. 1—гр. 2)	общий прирост по исчислению ЦСК	естественный прирост	разница между общим и естественным приростом (гр. 4—гр. 5)	общий прирост по исчислению ЦСК	естественный прирост	разница между общим и естественным приростом (гр. 7—гр. 8)
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1905	305,8	155,4	+150,4	2133,2	1698,6	+434,6	2439	1854	+585
1906	405,5	189,7	+215,8	2259,5	2218,3	+ 41,2	2665	2408	+257
1907	754,7	206,6	+548,1	2626,3	2438,4	+187,9	3381	2645	+736
1908	1341,2	198,5	+1142,7	3273,8	2270,5	+1003,3	4615	2469	+2146
1909	889,2	193,7	+695,5	2779,8	2124,3	+655,5	3669	2318	+1351
1910	655,5	198,2	+457,3	2515,5	2002,8	+512,7	3171	2201	+ 970
1911	644,6	239,0	+405,6	3356,5	2548,0	+808,5	4000	2787	+1214
1912	794,2	247,3	+546,9	2188,8	2574,7	—385,9	2983	2822	+ 161
1913	2140,2	194,0	+1946,2	2094,8	2313,0	—218,2	4235	2507	+1728

Источники: «Статистические ежегодники России» за соответствующие годы и «Отчеты Управления Главного врачебного инспектора».

3. Как указывается в ряде источников, неполно учитывались и выбывшие из городов при значительно более полном учете прибывших.

4. Наконец, правильность погодной динамики численности населения по расчетам ЦСК искажалась тем, что в некоторые годы в расчеты городского населения вводилась накопленная величина механического прироста за ряд предшествующих лет, что приводило к особенно резкому преувеличению прироста за эти годы. (На этот источник ошибок в исчислениях населения ЦСК указал А. А. Чупров [1].)

Весьма показательны в этом отношении данные о динамике численности населения по Москве. В результате игнорирования механического прироста за первые годы после переписи 1897 г. и преуменьшения его в последующие годы (до 1908 г.) рост населения Москвы по расчетам ЦСК значительно отстал от действительности. Это было, по-видимому, обнаружено при получении данных краткого учета населения Москвы в 1907 г. Вероятно, как результат использования последних в данных ЦСК, появляется огромный скачок в численности населения Москвы за 1908 г., выразившийся величиной в 318 тыс. человек.

С 1909 по 1912 г. мы наблюдаем опять незначительный прирост в 21—30 тыс. человек в год, а затем новый скачок за 1913 г. в 200 тыс., что является, вероятно, результатом использования переписи 1912 г. [2]. Подобные скачки отразились, разумеется, и на движении численности населения по стране в целом.

Что касается самой исходной цифры расчетов — численности населения за 1897 г. по Российской империи в целом (126 368 тыс. без Финляндии), — то трудно догадаться, откуда она взята. Она меньше численности постоянного населения по переписи 1897 г. (126 587 тыс.), но больше численности наличного населения (125 640 тыс.).

---

[1] См.: *Чупров А. А.* По поводу «плана» преобразования статистической части империи, предполагаемого Центральным Статистическим Комитетом. Статистический вестник. Кн. 1 и 2. 1916—17 гг. Изд. Общества им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук. М., 1917, с. 91.

[2] Источники данных о численности населения Москвы: Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губ. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914—25 гг. М., 1927; Перепись Москвы 1902 года. Ч. I. «Население». М., 1906; Исчисление населения г. Москвы в феврале 1907 г. Вып. I. М., 1907.

А. А. Чупрову удалось вскрыть происхождение этой цифры. Она представляет собой численность постоянного населения по первому выпуску издания предварительных итогов переписи, полученных на основании местных подсчетных ведомостей[1]. А. А. Чупров замечает, что, по-видимому, в самом ЦСК в дальнейшем забыли, откуда эта цифра взята.

Другие исчисления. Исчисления ЦСК после переписи 1897 г. подвергались критике уже в период их публикации. Так, Управление Главного врачебного инспектора МВД (в дальнейшем УГВИ) систематически приводило в своих отчетах параллельно с данными ЦСК собственные данные о численности населения, рассчитанные на основе естественного прироста[2]. По отчетам УГВИ на середину 1913 г. численность населения по империи в целом (без Финляндии) была на 6,3 млн. меньше, чем по данным ЦСК (см. табл. 2).

Таблица 2

ЧИСЛЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (БЕЗ ФИНЛЯНДИИ) НА СЕРЕДИНУ ГОДА ПО ДАННЫМ ЦСК И «ОТЧЕТАМ» УГВИ, МЛН. ЧЕЛ.

Годы	Данные ЦСК	Данные УГВИ
1905	145,2	147,2
1906	147,8	147,0
1907	150,8	149,7
1908	154,8	152,6
1909	158,9	156,0
1910	162,3	158,3
1911	165,9	160,8
1912	169,4	164,0
1913	173,0	166,7

В наших послереволюционных публикациях имеется ряд вариантов ревизии официальных расчетов населения

[1] См.: *Чупров А. А.* Указ. соч., с. 90.

[2] Управление Главного врачебного инспектора получало непосредственно от местных статистических комитетов всей империи, т. е. включая Польшу, Кавказ, Сибирь и Среднюю Азию, предварительные данные о естественном движении населения, которые и приводило в своих публикациях. — «Управление Главного врачебного инспектора Министерства Внутренних Дел. Отчет о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России».

России до первой мировой войны (работы В. А. Зайцева [1], Е. З. Волкова [2], данные ЦСУ СССР). Они все сходятся на том, что цифры ЦСК преувеличены, но дают различную оценку степени этого преувеличения. Критика сведений о населении, опубликованных ЦСК, дана и в капитальном исследовании А. Г. Рашина о движении населения России за 100 лет [3].

II. ИСЧИСЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА 1897—1914 гг. ПО ДАННЫМ О ЕСТЕСТВЕННОМ И МЕХАНИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ

Методика расчета. Возможности получения достоверных погодных данных о численности населения России за 1897—1914 гг. из-за неполноты текущего учета движения населения довольно ограничены. Тем не менее детальный анализ источников учета естественного движения населения по отдельным частям страны и миграции из России и обратно (результаты этого анализа изложены ниже) привел нас к выводу, что, несмотря на значительную дефектность данных текущего учета населения, они все же позволяют, при условии некоторых поправок и доисчислений, произвести примерный расчет динамики численности населения России после переписи 1897 г. путем сведения баланса между естественным и механическим приростом.

Наша задача осложнялась тем, что мы не располагали возможностью сверки результатов наших расчетов с данными последующей переписи. Некоторые авторы (например, Е. З. Волков) использовали для этой цели сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг. [4].

Мы отказались, однако, от использования этих переписей как конечных контрольных точек наших исчислений. Перепись 1897 г. и переписи 1916 и 1917 гг. учитывали различные категории населения и охватывали неодинаковые территории. Для приведения результатов этих переписей к сопоставимому виду понадобилось бы такое

---

[1] См.: *Зайцев В.* К вопросу о численности населения Европейской России. — В кн.: Влияние неурожаев на народное хозяйство России. Ч. II. М., 1927.

[2] См.: *Волков Е. З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет.

[3] См.: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956, с. 20—24.

[4] См.: *Волков Е. З.* Указ. соч., с. 131—182.

количество поправок и пересчетов, что неточности, связанные с этими пересчетами, могли бы оказаться больше возможной ошибки наших исчислений.

Возникает вопрос: какую цифру населения принять за исходную для расчетов?

Численность наличного населения по переписи 1897 г., как известно, почти на 1 млн. меньше численности постоянного населения. Такого большого превышения в действительности, очевидно, не могло быть, так как разница между обеими категориями населения в общем итоге могла возникнуть только за счет незначительного числа лиц, находящихся за границей.

Редакторы публикаций переписи объясняют эту разницу, во-первых, смешением при производстве переписи понятий постоянного и приписного населения, из-за чего лица, проживающие постоянно в какой-либо местности, но приписанные к другой, регистрировались дважды, во-вторых, несвоевременным исключением умерших или окончательно выселившихся в месте приписки [1].

Такого же мнения относительно причин расхождения цифр наличного и постоянного населения по переписи 1897 г. придерживался и С. А. Новосельский [2]. Считая эти объяснения вполне правдоподобными, положим в основу наших расчетов численность *наличного* населения по переписи 1897 г.

Расчет естественного прироста населения России

Общая характеристика полноты регистрации. Естественное движение населения в царской России устанавливалось по записям духовенства, представляющим собой для основной массы населения регистрацию обрядов, совершаемых при рождениях и смертях.

Для лиц православного вероисповедания (69,4% всего населения империи в 1897 г.) достоверность данных о родившихся и умерших, полученных на основании церковной регистрации, не вызывает особых сомнений. Обряды при рождении и смерти настолько глубоко вкорени-

---

[1] Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Спб., 1905, ч. I, с. V.

[2] См.: *Новосельский С. А.* К вопросу о понижении смертности и рождаемости в России. — «Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины», 1914, № 3.

лись в сознание и весь уклад жизни, что обойти их было почти невозможно. Оказаться вне регистрации могли только некоторые случаи смерти вскоре после рождения до совершения обряда крещения. Правда, в губерниях с редким населением, где приходы были очень растянуты и требы совершались священниками наездами (северные губернии, Сибирь), детей крестили поздно, и поэтому иногда оставались некрещеными не только умершие через несколько дней или недель после рождения, но и умершие в более позднем возрасте[1].

Первичные сводки составлялись духовенством путем извлечения из метрических записей. Работа эта поручалась обычно низшему духовному персоналу (псаломщикам и т. п.). А при невысоком культурном уровне последнего первичные приходские сводки, составление которых представляло собой сравнительно сложную статистическую операцию, грешили, естественно, многочисленными ошибками. Надо полагать, что если по отдельным губерниям в результате этих погрешностей разработки и могли получиться довольно большие отклонения от истины, то в материалах о родившихся и умерших по стране в целом эти ошибки не могли привести к сколько-нибудь существенным искажениям.

Регистрация естественного движения населения у католиков и протестантов находилась примерно в таком же состоянии, как и у православных. В тех губерниях, где лица этих вероисповеданий были представлены в незначительном количестве и не смогли поэтому образовать самостоятельных приходов, случаи запоздалой регистрации и пропусков представляли собой, как и в губерниях с редким православным населением, явление довольно распространенное. Однако и здесь эти пробелы не могли отразиться существенно на естественном приросте, так как в основном касались как родившихся, так и умерших. Общее количество лиц с относительно достоверной регистрацией естественного прироста (православные, протестанты, католики) составляло 81,4% общей численности населения Российской империи (по переписи 1897 г.).

---

[1] См.: Статистический временник Российской империи. Спб., 1872, с. V; *Бушен А.* Об устройстве источников статистики населения России. Спб., 1864, с. 81.

Из более поздних исследований, содержащих оценку достоверности регистрации рождений и смертей в России, следует указать: *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России. — Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г. Ч. II. Пг., 1916.

Хуже обстояло дело с учетом среди раскольников и нехристианских вероисповеданий.

Духовенство, не принадлежащее к господствующей религии, естественно, не находилось в таком контакте с правительственными учреждениями, как православное духовенство. Оно не считало себя в такой степени, как последнее, обязанным выполнять требования, предъявленные к нему органами власти, а с другой стороны, оно и не пользовалось доверием этих органов. В результате этого регистрация рождений и смертей часто возлагалась не на духовных лиц, а на специальных доверенных правительства. Так, например, у евреев регистрация производилась не так называемым духовным раввином, совершающим обряды, а «казенным» раввином, специально уполномоченным правительством на ведение метрических записей.

Сектантские священники вовсе не признавались правительством, и регистрация естественного движения населения среди сектантов была возложена на полицию или передана ей для непосредственного контроля.

Регистрация рождений и смертей у этих групп населения, поскольку она производилась не лицами, совершавшими обряды, не была, очевидно, как среди православных, гарантирована обязательностью этих обрядов. Население, принадлежавшее к таким национальностям и группам, не ожидая ничего хорошего от какого бы то ни было соприкосновения с правительственными органами, всячески избегало регистрации.

Замечание Варшавского Статистического Комитета о том, что евреи избегают какой бы то ни было регистрации и стараются по мере возможности вне ее родиться, жить и умирать, может быть распространено на прочие нехристианские группы и на раскольников.

При расчетах величины естественного прироста населения по империи мы внесли поправки на неточность регистрации по тем территориям, где группы, в отношении которых есть основания предполагать возможность недоучета естественного прироста, расселены значительным массивом. При этом мы отказались от поправок для раскольников ввиду отсутствия материалов для таких поправок, а также учитывая, что последние составляли лишь очень незначительную величину в общем итоге населения (1,75% в 1897 г.).

Известно, что в сборниках ЦСК сведения о естествен-

ном движении населения публиковались только по 50 губерниям Европейской России, где в 1897 г. проживало лишь 74,3% населения империи. Отсюда не следует, однако, что данные по остальным 25,7% населения были настолько недоброкачественны, что ими нельзя пользоваться.

Материалы по азиатской части России не вводились в публикации ЦСК из-за того, что в них давались сводки по возрастам, месяцам года и другим признакам, по азиатским же губерниям, за исключением некоторых частей Сибири, разработка таких подробных сведений не была налажена.

Что же касается достоверности учета общего числа родившихся и умерших, то по большинству сибирских губерний оно вызывает не большие сомнения, чем по ряду губерний Европейской России. Хуже обстояло дело с достоверностью регистрации в Средней Азии и на Кавказе.

Анализ существующих материалов показал, что в качестве дополнения к данным, опубликованным в сборниках ЦСК, можно использовать статистические приложения к «всеподданнейшим отчетам» губернаторов и отчеты о состоянии народного здравия УГВИ, охватывающие население всего государства.

Естественный прирост населения Европейской России. Православные, католики и лютеране — массив населения, имеющий сравнительно достоверную регистрацию естественного движения, — составлял около 90% всего населения европейской части России, что уже служит гарантией относительной доброкачественности данных о естественном приросте по этой основной части Российской империи.

В литературе имеются указания на неполноту регистрации естественного движения еврейского населения Европейской России, в особенности на недоучет родившихся девочек[1]. В целом по Европейской России на 100 родившихся среди еврейского населения девочек за период 1897—1910 гг. приходилось 126—133 мальчика, в то время как для православного населения рождения мальчиков составляют по отношению к рождениям девочек 104—105%.

---

[1] См.: *Уиппль Дж. Ч., Новосельский С. А.* Основы демографической и санитарной статистики, с. 279—280.

Надо, однако, учесть, что среди евреев и регистрация умерших мужского пола производилась лучше, чем умерших женского пола.

Исправление за счет неполноты регистрации женских рождений и смертей привело нас к общей поправке к естественному приросту евреев в размере 15%. Поправка эта, которая должна быть признана минимальной, так как и в отношении лиц мужского пола среди евреев также существовал некоторый недоучет естественного прироста, внесена за все годы с 1897 по 1914 г.

Естественный прирост населения Сибири. Основную массу населения Сибири (85,8%) составляли православные. Среди православного населения Сибири можно было ожидать, как уже указывалось, некоторого недоучета как родившихся, так и умерших, вызванного большой территорией приходов в этих местах. Едва ли, однако, здесь можно предполагать сколько-нибудь значительное преуменьшение естественного прироста.

Плохо была поставлена, вернее, почти вовсе не была поставлена регистрация среди национальных меньшинств так называемого инородческого населения. Но недоучет этот не может иметь для наших расчетов существенного значения. Рядом специальных исследований по малым народностям Сибири установлено, что они в условиях царской России либо имели очень незначительный прирост, либо вовсе не имели его, либо даже вымирали[1]. Отсутствие сведений по этим народностям не может поэтому отразиться на данных о естественном приросте населения Сибири, в смысле его преуменьшения, чего нам следует с точки зрения правильности наших расчетов особенно опасаться.

Общие коэффициенты естественного прироста по Сибири в целом были выше, чем по Европейской России, и сохранялись примерно на одном уровне за весь период 1897—1913 гг. (см. табл. 3). Последнее в некоторой степени свидетельствует о том, что регистрация естественного движения населения Сибири достигла к началу XX в. уже довольно большой полноты.

Исходя из изложенного выше мы приняли естественный прирост населения Сибири без всяких поправок, пользуясь данными местных статистических органов в том виде, как они были опубликованы в статистических

[1] См.: *Патканов С. Т.* О приросте инородческого населения Сибири. Спб., 1911.

приложениях к губернаторским отчетам, а по отдельным годам пользовались данными, опубликованными в сборниках УГВИ (с внесением поправки за счет разницы между предварительными и окончательными данными). Выведенные таким образом показатели естественного прироста населения Сибири за весь 17-летний период только незначительно превышали показатели, приведенные в отчетах УГВИ. Учитывая это, мы при расчетах естественного прироста по другим частям государства в ряде случаев также пользовались последними.

Таблица 3

КОЭФФИЦИЕНТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ЗА 1897—1913 ГГ., ‰

Годы	Коэффициенты			Годы	Коэффициенты		
	рождаемости	смертности	естественного прироста		рождаемости	смертности	естественного прироста
1897	49,3	29,3	20,0	1906	50,2	32,6	17,6
1898	48,5	32,3	16,3	1907	49,2	32,2	17,0
1899	55,2	35,8	19,4	1908	51,9	33,4	18,5
1900	52,4	35,9	16,5	1909	53,8	35,0	18,8
1901	51,3	30,8	20,5	1910	52,7	31,4	21,3
1902	49,3	32,3	17,0	1911	50,7	31,1	19,6
1903	50,1	28,8	21,3	1912	49,6	30,9	18,7
1904	49,5	33,0	16,5	1913	49,0	31,1	17,9
1905	45,4	31,5	13,9				

Естественный прирост населения привислинских губерний. Исчисление естественного прироста по 10 польским губерниям (Привислинский край) осложняется из-за недоучета рождаемости и смертности еврейского населения, составлявшего 14% всего населения края.

Так же как и в Европейской России, записи о рождениях и смертях производились в отношении еврейского населения не теми лицами, которые совершали обряды[1], что приводило к недоучету явлений естественного движения еврейского населения, и для исправления этих показателей надо, так же как и по Европейской России, принять поправку в 15%.

[1] На это указывалось в «Трудах Варшавского Статистического комитета». Вып. VII, XII, XVI.

Естественный прирост населения Средней Азии и Кавказа. Наибольшие трудности вызывают расчеты естественного прироста населения Средней Азии. Все наши сведения о состоянии и движении населения Средней Азии до революции чрезвычайно неполноценны. Ни переписи, ни текущая регистрация движения населения не дают здесь сколько-нибудь достоверных цифр.

Имеется официальное признание недоброкачественности дореволюционных данных о движении населения в Средней Азии. Комиссия под председательством графа Палена, обследовавшая деятельность областной администрации Туркестанского генерал-губернатора, дает следующую характеристику работы статистических комитетов в области учета населения: «Сведения о движении населения, о числе браков, родившихся и умерших, о распределении его по народностям и вероисповеданиям, собираемые ежегодно через уездную администрацию, до очевидности неверны, так как у туземцев не ведется никаких метрических записей, а возложенные на волостных управителей обязанности по ведению подворных списков с показанием прибыли и убыли населения обыкновенно не исполняются. Кроме того, выработанные комитетом формы таблиц и ведомостей настолько сложны, что правильное заполнение их едва ли под силу для малограмотных и малоинтеллигентных письмоводителей при приставах и волостных управителях, не говоря уже о туземных должностных лицах, сплошь да рядом не понимающих русского языка. При таких условиях творцами почти всех собираемых статистических данных являются письмоводители при участковых приставах, которые в лучшем случае черпают требуемые сведения из имеющихся данных за прежние годы, а в худшем — заполняют присылаемые таблицы и ведомости фантастическими цифрами» [1].

Эту характеристику можно отнести и к деятельности Сырдарьинского статистического комитета. Так же оценивает «Отчет ревизии» и данные статистических комитетов некоторых других областей Средней Азии.

Особенно плохим в Средней Азии был, видимо, учет по Сырдарьинской и Самаркандской областям. Коэффициент рождаемости составлял по данным регистрации

---

[1] Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенного по Высочайшему повелению сенатором Гофмейстером графом К. К. Паленом. Спб., 1910, с. 309—310.

за 1897—1901 гг. по Самаркандской области 6 на 1000 населения за год, по Сырдарьинской — 13,1, соответствующие коэффициенты смертности — 6,4 и 7,5.

По исключении этих двух областей по оставшимся 7 получаем динамику естественного движения населения, обнаруживающую определенное повышение в последние предвоенные годы коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста, т. е. обычную картину изменения коэффициентов при улучшающейся регистрации. Поэтому исчисление естественного прироста населения по Средней Азии в целом нами произведено на основании коэффициентов по этим 7 областям за последние годы периода 1897—1913 гг.

Такой прием следует признать довольно грубым, так как остается неясным, наладилась ли регистрация в последние годы изучаемого нами периода настолько, чтобы можно было признать коэффициенты за эти годы соответствующими действительности. Уровни рождаемости и смертности, вероятно, все еще занижались в результате неполноты регистрации. Однако сопоставление их с данными по европейской части России и анализ возрастной структуры населения по переписи 1897 г. приводят нас к выводу, что если коэффициенты за последние годы изучаемого нами периода и отклоняются от истины, то для этих лет погрешность в показателях естественного прироста не может быть очень большой.

Среднегодовой коэффициент естественного прироста населения Средней Азии составлял за 1909—1913 гг. 14 на 1000 населения, коэффициент по Европейской России за тот же период — около 16 (по данным ЦСК). Во всяком случае, отсутствие дополнительных данных не позволяет внести в этот расчет какие-либо другие уточнения.

По Кавказу, за исключением двух областей с преобладанием русского населения (Кубанской и Ставропольской) с общей численностью населения 2,8 млн. человек из 9,3 млн. всего населения (по переписи 1897 г.), состояние регистрации естественного движения населения было примерно таким же, как и по Средней Азии[1]. Не останавливаясь здесь подробно на результатах произведенного нами анализа данных, заметим только, что мы и

[1] См.: *Пантюхов*. К статистике кавказской патологии. Медицинский сборник, издаваемый Кавказским медицинским обществом. 1898, № 61.

здесь пришли к выводу, что единственным возможным способом исправления этих данных является исчисление естественного прироста за весь отрезок времени на основании коэффициентов, исчисленных для последних лет. Сведения по Кубанской и Ставропольской областям приняты нами без поправок по данным отчетов УГВИ.

Естественный прирост населения по России в целом. Результаты наших исчислений величины естественного прироста населения по отдельным частям страны сведены в табл. 4.

Таблица 4

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА ПЕРИОД 1897—1913 ГГ. (с поправками), ТЫС.

Годы	Европейская Россия	Привисленские губернии	Кавказ	Сибирь	Средняя Азия	Всего
1897	1725,1	180,3	141,2	115,1	103,1	2264,8
1898	1479,5	185,0	142,4	95,7	107,6	2010,2
1899	1761,2	184,3	144,1	105,9	110,2	2305,7
1900	1808,5	188,6	164,0	101,5	112,6	2375,2
1901	1592,1	185,4	161,7	129,3	116,3	2184,8
1902	1798,9	229,3	163,6	111,3	109,3	2412,4
1903	1884,4	195,8	172,6	143,7	121,5	2518,0
1904	1981,5	176,6	186,2	113,2	125,2	2582,7
1905	1431,6	158,9	168,9	96,7	124,5	1980,6
1906	1875,2	186,1	186,5	127,5	127,2	2502,5
1907	2122,1	194,9	194,0	130,6	128,2	2769,8
1908	1864,9	196,2	177,0	151,3	131,0	2520,4
1909	1712,3	190,4	172,0	165,0	135,9	2375,6
1910	1569,9	198,7	154,0	198,4	145,0	2266,0
1911	2051,6	205,9	182,1	189,7	149,8	2779,1
1912	2060,4	208,1	215,0	185,8	154,6	2823,9
1913	1987,5	(208,1)	218,6	184,8	155,5	2754,5
Всего за 1897—1913 гг.	30706,7	3272,6	2943,9	2345,5	2157,5	41426,2

Помимо естественного прироста на динамику численности населения России оказывала некоторое влияние внешняя миграция, к рассмотрению которой мы и переходим.

III. ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ ЗА 1897—1913 гг.

Эмиграция в царской России не была урегулирована в законодательном порядке и оставалась вплоть до рево-

люции явлением полулегальным, поэтому и статистика миграции в России почти отсутствовала.

Вместо статистики миграции имелась статистика выезда и въезда через границы Российской империи по данным регистрации таможен. Последняя охватывала все случаи перехода через границу с документами в руках. Так как все пассажиры, переезжающие границу в том или ином направлении как морским, так и сухопутным путем, подлежали обязательной регистрации, то легальная миграция была этим источником учтена полностью; не учитывались, естественно, случаи нелегального перехода через границы.

Переходили границу, минуя таможни, лица, не имеющие средств на получение документов, скрывающиеся от воинской повинности и другие подобные категории населения. Возможности такого обхода узаконенного порядка при переходе границы с Германией обрисовывались в докладной записке Министерства торговли и промышленности: «...Несмотря на существование в Германии правительственного распоряжения, согласно которому не могут быть допускаемы на германскую территорию русские подданные, не имеющие паспорта и не могущие в качестве доказательства своей имущественной обеспеченности предъявить сумму в 400 марок... русские эмигранты, перешедшие границу тайно и не имеющие заграничных паспортов, в случае предъявления иных эмигрантских билетов Гамбургской или Бременской мореходной компании, беспрепятственно пропускаются жандармскими полицейскими властями в пределы Германии. Словом, для того, чтобы обойти требование русского закона, русскому эмигранту достаточно отдать себя в распоряжение агента эмиграционной конторы, кооперирующей с той или другой из вышеназванных мореходных компаний. Такой агент, отлично осведомленный о том, где и когда бдительность русских пограничных властей не служит препятствием для тайного перехода границы, охотно берется за организацию такого перехода и предлагает свои услуги по легитимации эмигранта перед властями по ту сторону границы» [1].

В какой степени случаи нелегального перехода границы были частым явлением? Определение возможного

---

[1] Материалы к вопросу об упорядочении эмиграционного движения из России. Министерство торговли и промышленности. Спб., 1906, с. 54—55.

количества этих случаев имеет, по-видимому, решающее значение для оценки возможности использования данных таможен для характеристики размеров эмиграционного движения между Россией и другими странами. Наилучшим способом разрешения этого вопроса является контроль данных о выезде русских подданных по русским материалам путем сравнения их с цифрами оседания по статистике стран иммиграции.

По расчетам, приведенным в работе В. В. Осинского[1], общее количество выходцев из России, осевших в разных странах, в 1901—1910 гг. составляет 1656 тыс. человек. Превышение же прибывших русских подданных по Европейской и Азиатской границам над выбывшими за тот же период — 1574 тыс. человек. Таким образом, разница за десятилетие выражается величиной в 82 тыс. человек, или 5%. Такая степень точности для наших расчетов, несомненно, приемлема.

К сказанному необходимо добавить, что неучтенной осталась, по-видимому, и некоторая часть иммигрантов по Азиатской границе. В обзорах о пассажирском движении через внешние границы в Ежегодниках ЦСК отмечается, что в пределы империи незаконно проникает немало китайцев и корейцев, причем их число нельзя определить даже приблизительно[2]. Часть их, по-видимому, оседала в России, и в некоторой степени эта нелегальная иммиграция могла компенсировать нелегальную эмиграцию. Таким образом, для определения размеров миграционного движения по Российской империи вполне допустимо принять данные о пассажирском движении через ее границы.

В нижеприведенные погодные данные о притоке русских и оттоке иностранных подданных включены все зарегистрированные случаи перехода границы как по паспортам, так и по краткосрочным документам (см. табл. 5). Последние выдавались пограничным жителям для облегчения переезда через границу на короткое время (так называемые «легитимационные билеты») и крестьянам, направляющимся на сельскохозяйственные работы в Германию («плацкартные паспорта»).

---

[1] См.: *Оболенский (Осинский) В. В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и в СССР. М., 1928, с. 17.

[2] См.: *Патканов С. Т.* Внешнее пассажирское движение между Россией и другими государствами за период времени 1897—1907 гг. — «Ежегодник России за 1909 г.».

Таблица 5

ПАССАЖИРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦЫ РОССИИ ЗА ПЕРИОД 1897—1913 ГГ., ТЫС.

Годы	Русские подданные		Иностранные подданные		Чистый отток русских подданных	Чистый приток иностранных подданных	Сальдо (гр. 6—гр. 7)
	прибывшие	выбывшие	прибывшие	выбывшие			
1	2	3	4	5	6	7	8
1897	1518,9	1605,8	2352,7	2273,4	86,9	79,3	—7,6
1898	1809,0	1907,7	2242,6	2159,0	98,7	83,6	—15,1
1899	2018,2	2156,1	1910,0	1814,9	137,9	95,1	—42,8
1900	2080,7	2209,9	1811,2	1748,7	129,2	62,5	—66,7
1901	2384,4	2501,6	2564,3	2466,7	117,2	97,6	—19,6
1902	2658,2	2766,9	3189,4	3094,4	108,7	95,0	—13,7
1903	3107,5	3276,8	2966,4	2884,3	169,3	82,1	—87,2
1904	3489,0	3614,4	2802,0	2747,3	125,4	54,7	—70,7
1905	4399,8	4637,5	3352,8	3343,4	237,7	9,4	—228,3
1906	6215,3	6383,1	2925,7	2905,3	167,8	20,4	—147,4
1907	6562,1	6804,5	2938,0	2834,7	242,4	103,3	—139,1
1908	6472,5	6601,3	2814,3	2732,0	128,8	82,3	—46,5
1909	7376,0	7495,8	3532,5	3423,5	119,8	109,0	—10,8
1910	7466,4	7623,0	3375,0	3324,2	156,6	50,8	—105,8
1911	7746,7	7894,7	3543,7	3451,7	148,0	92,0	—56,0
1912	8325,5	8505,1	3896,1	3781,3	179,6	114,8	—64,8
1913	8965,0	9124,2	4098,5	3914,2	159,2	184,3	+25,1
Всего за 1897—1913 гг.	82595,2	85108,4	50315,2	48899,0	2513,2	1416,2	—1097,0

Источники: «Статистические ежегодники России» и «Обзоры внешней торговли» Департамента таможенных сборов Министерства торговли и промышленности за соответствующие годы («Обзор внешней торговли России по Европейской и Азиатской границе»).

Огромное большинство — около $^9/_{10}$ всех передвижений через границу — приходится на эти временные переезды на короткий срок, не имеющие значения для характеристики миграционного движения. Нам пришлось, однако, принять в расчет и эти случаи при выведении балансов оттока и притока населения, так как ввиду дороговизны заграничных паспортов эмигранты пользовались нередко краткосрочными документами. На это указывает и систематическое превышение числа выбывших над числом прибывших по краткосрочным документам.

С 1907 г. департамент таможенных сборов ввел в свои публикации данных о внешнем пассажирском движении также и прибывших без видов на жительство, количество которых колеблется по годам между 0,72 и 1,55% всех прибывших. Эта категория состоит из лиц, выбывших без документов, потерявших свои документы или незаконно выбывших по краткосрочным документам и явившихся при возвращении добровольно в русские таможни. Но эта категория мигрантов не включена нами в подсчет, так как из нее невозможно выделить тех, кто уже однажды был учтен среди прибывших или выбывших.

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ ИСЧИСЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА 1897—1914 гг.

Общие результаты наших исчислений сведены в табл. 6.

Таблица 6

РАСЧЕТ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ (БЕЗ ФИНЛЯНДИИ) ЗА 1897—1914 ГГ.

Годы	Абсолютные данные				Естественный прирост на 100 человек среднего населения	
	Естественный прирост (исправленный)	Внешняя миграция	Численность населения, млн.			
	тыс. человек		на начало года	среднегодовая		
1897	2075,7*	—6,9*	125,6**	126,7	1,79	
1898	2010,2	—15,1	127,7	128,7	1,56	
1899	2305,7	—42,8	129,7	130,8	1,76	1,70
1900	2375,2	—66,7	131,9	133,1	1,78	
1901	2184,8	—19,6	134,2	135,3	1,61	
1902	2412,4	—13,7	136,4	137,6	1,75	
1903	2518,0	—87,2	138,8	140,0	1,80	
1904	2582,7	—70,7	141,2	142,5	1,81	1,68
1905	1980,6	—228,3	143,7	144,6	1,37	
1906	2502,5	—147,4	145,5	146,7	1,71	
1907	2769,8	—139,1	147,8	149,2	1,86	
1908	2520,4	—46,5	150,5	151,8	1,66	1,65
1909	2375,6	—10,8	153,0	154,2	1,54	
1910	2266,0	—105,8	155,3	156,4	1,44	
1911	2779,1	—56,0	157,5	158,9	1,75	
1912	2823,9	—64,8	160,2	161,6	1,75	
1913	2754,5	+25,1	163,0	164,4	1,68	
1914	...	...	165,7	...	...	

* Ввиду того, что итог переписи 1897 г. относится к 28 января, за 1897 г. взят прирост не за весь год, а только за 11 месяцев.

** Наличное население по переписи 1897 г.

Окончательная цифра численности населения Российской империи на начало 1914 г., полученная путем последовательного прибавления к величине наличного населения по переписи 1897 г. ежегодных данных о естественном приросте и передвижениях через границу, составляет 165,7 млн.

При оценке достоверности этой цифры необходимо учесть, что, несмотря на все поправки, внесенные в непосредственные данные регистрации естественного движения населения, все же возможно, что допущен некоторый недоучет естественного прироста. С другой стороны, допущено некоторое преуменьшение эмиграции за счет недоучета нелегальных переходов границы. Оба эти недоучета действуют в противоположных направлениях, но трудно сказать, компенсируют ли они друг друга полностью.

За 17-летний промежуток времени — от переписи 1897 г. до начала 1914 г. — население России выросло на 40,1 млн. человек. Превышение родившихся над умершими за этот период составляло 41,2 млн. (в среднем за год 2,4 млн. человек).

Естественный прирост явился таким образом решающим фактором в формировании населения России в предреволюционный период. Сальдо внешней миграции незначительно влияло на динамику населения и было отрицательным.

Несмотря на слабую заселенность, большое количество малоосвоенных территорий и исключительные естественные богатства, Россия была, как известно, страной эмиграции. Нищета, хозяйственная отсталость, угнетение национальных меньшинств — все это способствовало выезду людей в другие страны, в первую очередь за океан. За 17 лет Россия потеряла в результате внешней миграции свыше 1 млн. человек. Особенно значителен был отток населения в период русско-японской войны и реакции, последовавшей после первой революции. На три года (1905—1907 гг.) приходится почти половина потери населения за 17-летний промежуток времени (515 тыс. из 1129 тыс.), а на 1905 г. — 20% этих потерь.

Динамика показателей, вычисленных по отношению к населению, показывает снижение прироста населения в течение рассматриваемого периода. Среднегодовой темп естественного прироста за пятилетие (1897—1901 гг.)

составлял 1,7‰, за 1902—1906 гг. — 1,68‰, 1907—1911 гг. — 1,65‰. Естественный прирост населения России до войны снижался, таким образом, хотя и медленно, но довольно последовательно. Способ наших расчетов не представляет, к сожалению, возможности проследить, за счет каких именно изменений рождаемости и смертности складывалась эта динамика прироста.

Б. Н. Миронов

ТРАДИЦИОННОЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ КРЕСТЬЯН В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В статье предпринята попытка воссоздать социально-психологическую модель демографического поведения русского крестьянина XIX — начала XX в. и проверить правильность построенной модели с помощью данных демографической статистики.

При написании работы использовались пять групп источников: 1) материалы архива Русского географического общества (в дальнейшем РГО) о движении народонаселения в ряде губерний и уездов, волостей и городов в первой половине XIX в., собранные приходскими священниками в 40—60-е годы XIX в.; 2) исследования о быте и нравах крестьян, произведенные штатными и внештатными сотрудниками РГО до и после реформы 1861 г.; 3) фольклорные материалы[1]; 4) исследования земских служащих, в особенности земских врачей, выполненные и опубликованные в пореформенное время; 5) данные государственной демографической статистики.

Демографическое поведение русского крестьянина XIX — начала XX в. непосредственно определялось главным образом его взглядами на брак, семью, детей. Взгляды же эти отражали нормы обычного права, этические нормы, своим происхождением и существованием обязанные целому комплексу социально-экономических факторов, в ряду которых невозможность существования крестьянского хозяйства вне семейной формы, высокая смертность, необеспеченная общиной и государством ста-

[1] Весь фольклорный материал взят из следующих сборников и работ: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957; *Желобовский А. И.* Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. — В кн.: Филологические записки. Воронеж, 1892; *Ивановская Т.* Дети в пословицах и поговорках. — «Вестник воспитания», 1908, кн. 2.

рость были важнейшими. Нормы семейного права не давали крестьянам (здесь имеются в виду и мужчины и женщины) никаких альтернатив: они были категорическим императивом. Несоблюдение норм ставило земледельца вне сельского общества, он подвергался самосуду.

В отношении демографического поведения, как и социального поведения вообще, можно сказать, что отдельная крестьянская личность игнорировалась, растворялась, поглощалась, сливалась с сельской общиной — главной социальной группой русской деревни, ее законодателем и правителем. Сельская община являлась малой социальной группой, т. е. группой, которая основывалась на личных контактах, где все члены хорошо знают друг друга. Это давало ей исключительные права и возможности по регулированию поведения крестьян. При этом строжайший социальный контроль, цензура нравов, от которой практически невозможно укрыться[1], оказывались лучшими регуляторами поведения, и ни в чем крестьяне не проявляли столько жестокости, как в отношении семейных нравов. Вымазанную дегтем и обсыпанную пухом и перьями женщину, которую, привязав к телеге, вел мужик по деревне в наказание за измену, можно было видеть в деревне еще в конце XIX в.[2]

Вообще для русского крестьянина все его отношения с односельчанами, включая брачные и семейные отношения, имели не столько интимный, сколько публичный характер. Свадьба, в которой участвовала почти вся община; общественное признание или, наоборот, поругание новобрачной в случае, если она не сохранила девственность; публичное разбирательство на сходе семейных конфликтов и наказание тут же на месте провинившихся розгами — служат тому подтверждением. Русская деревня в изучаемое время была еще очень патриархальна.

Такие принципы, как индивидуализм, свобода личности и ее право на интимную, независимую от общества жизнь, — не проникли в деревню, а тем паче в семейные отношения. Публичность всех межличностных отношений на селе имела следствием подчиненность личности строгим, четким, не дающим альтернатив нормам поведения. Демографическое поведение не представляло исключения.

---

[1] См.: *Кистяковский А. Ф.* К вопросу о цензуре нравов у народа. — В кн.: Записки Импер. РГО по отделению этнографии. Т. 8. Спб., 1878.

[2] См.: *Горький М.* Вывод. — Собр. соч. Т. 2. М., 1949, с. 5—7.

Важная особенность норм крестьянского поведения, в особенности демографического, состояла еще и в том, что эти нормы уже в XIX в. имели немалый возраст, исчисляемый несколькими столетиями, и деревня жила по закону: «чем старее, тем лучше». «Как отцы и деды наши, так и мы. Отцы и деды наши не знали этого, да жили же не хуже нашего», — говорила пословица. «По мнению крестьян, — писал один наблюдатель сельских нравов, — счастливым можно быть, только соблюдая все завещанные предками обычаи» [1].

«Мрачное умственное состояние», «самое скудное младенческое образование» [2] и связанная с ними глубокая религиозность лишали сельских обывателей способности к самостоятельному критическому мышлению. Критическую оценку опыта предков заменяло у них безусловное следование старине, традиции. Поэтому дети жили, думали, смотрели на мир, как их прадеды [3]. Отсюда глубокая традиционность всего уклада деревенской жизни.

Еще одна особенность норм крестьянского поведения, в том числе демографического, заслуживает упоминания. Эти нормы для крестьянина имели мистический, религиозный характер. Они, по его мнению, были как бы получены его предками от бога, а предки завещали их ему, крестьянину, который должен их сохранить в чистоте и передать потомкам. Все, что было освящено божьим промыслом, имело в деревне исключительное значение.

Каково же содержание норм демографического поведения русского крестьянина прошлого века и в какой мере эти нормы находили воплощение в реальном поведении основной части населения России? Попытаемся дать ответы на эти вопросы.

Брак. С точки зрения русского земледельца XIX — начала XX в. брак — главное условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Вступление же в брак — моральный долг [4]. Эти взгляды находили поддержку со стороны церкви.

---

[1] *Руднев А.* Село Голунь и Новомихайловское Тульской губернии. — В кн.: Этнографический сборник. Вып. II. Изд. Импер. РГО. Спб., 1854, с. 103.

[2] См.: *Воронов П.* Вельский уезд Вологодской губернии. — Архив РГО, разряд 7, д. 29 (1859 г.), л. 102.

[3] См.: *Минх А. Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии. Спб., 1890, с. 13.

[4] См.: *Звонкова А. П.* Современный брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии. — В кн.: Сборник сведений для изучения быта сельского населения России. Вып. I. М., 1889, с. 87.

До брака крестьянский парень, хотя ему за 20 лет, никем в деревне всерьез не воспринимался. Он — «малый». Уже в самом названии статуса неженатого парня скрыта ущемленность его прав и какая-то неполноценность. И действительно, «малый» находится в полном подчинении старших. Он не имеет голоса ни в семье («не думает семейную думу»), ни на крестьянском сходе — главном органе крестьянского самоуправления. Даже деревню ему не разрешают покинуть на короткий срок. Только после брака «малый» становится «мужиком» — полноправным членом семьи и мира — сельской общины, обладает комплексом прав и обязанностей полноценного члена крестьянского общества [1]. «Холостой, что бешеный. Холостой — полчеловека», — говорили крестьяне.

Неженатые мужчины презирались в деревне, их клеймили самыми позорными для крестьян именами, прозывали «вековушами», вслух бесцеремонно выражали свои догадки об их физическом уродстве как причине холостого состояния. Крестьяне считали, что не женятся только физические и нравственные уроды: парни плохого рода, разорившихся семей или прослывшие «непутящими», «забубенными головами», кои завертелись смолоду, забыв страх божий и наставления родителей.

Невеселая судьба ожидала незамужнюю женщину. Недаром говорилось: «без мужа жена — всегда сирота». По крестьянским понятиям женщина без мужа не имела самостоятельной ценности: «птица крыльями сильна, жена мужем красна». Пословица «жизнь без мужа — поганая лужа» точно отражала мироощущение крестьянки, по роковым для нее обстоятельствам оказавшейся без семьи, поэтому крестьянка девичеству всегда предпочитала самую худую партию.

Подобные взгляды крестьян на брак в первую очередь обусловливались экономическими и правовыми условиями, в которых им приходилось добывать хлеб свой насущный. Прежде всего неженатый крестьянин, а тем более крестьянка не могли получить земельный надел — главный источник средств существования — и «сесть» в тягло, т. е. платить налоги, нести повинности. А без «тягла» они не могли иметь и никаких прав. Взрослый холостой мужчина оказывался поэтому в неопределенном отношении к обществу.

---

[1] См.: *Ильинский Ф.* Русская свадьба в Белгородском уезде. Кременец, 1893, с. 1—3.

Не менее важным было и то, что крестьянское хозяйство могло нормально функционировать лишь при наличии в нем и женских, и мужских рук, так как оно покоилось на половозрастном разделении труда. По воззрениям крестьян «мужик» не должен делать женской работы, а «баба» — мужской. Вся работа по дому, бытовое обслуживание мужчины считалось делом женских рук. Полевая же работа лежала в основном на мужских плечах, хотя и здесь не обходилось без помощи женщины, например при уборке урожая. Только вместе крестьянин и крестьянка могли вести полноценное хозяйство, способное нормально функционировать и удовлетворять материальные потребности обоих.

Пожалуй, без преувеличения можно сказать, что хозяйственная и моральная необходимость заставляла крестьян жениться при первой же возможности, делала безбрачие почти невозможным в их глазах: «В нашем быту, — говорил тамбовский крестьянин, — без бабы никак невозможно; хозяйство порядком не заведешь, дом пойдет прахом, чего доброго и сам завертишься, да и какая то жизнь; сиди весь век бобылем; никто тебе приветного слова не скажет, никто не присмотрит на старости лет, а умрешь — и похоронить некому будет»[1]. Ему вторит вятская крестьянка: «Мужику должен быть и обед приготовлен и рубашка припасена, поэтому тот только не женится, кому не на что жить»[2].

Невозможность холостой жизни земледельца объясняет громадную роль материального расчета при женитьбе. Это дало основание многим наблюдателям крестьянской жизни считать брак хозяйственной сделкой и отрицать какое-либо значение взаимной склонности, эмоций и наличие других нематериальных соображений у жениха и невесты. В основе крестьянского брака лежала не столько привязанность, сколько экономический расчет; крестьянин женится не по страсти, а по необходимости считал, например, знаток крестьянского быта XVIII — первой половины XIX в. В. И. Семевский[3].

---

[1] *Богаевский П. М.* Заметки о юридическом быте крестьян Сарапульского уезда Вятской губернии. — В кн.: Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Вып. I, М., 1889, с. 12.

[2] *Звонкова А. П.* Указ. соч., с. 87.

[3] См.: *Семевский В. И.* Домашний быт и нравы крестьян во второй половине XVIII в. — «Устои», 1882, № 2, с. 72.

Пословица «для щей люди женятся, для мяса замуж идут» грубо, но метко характеризует понимание земледельцами мотивов брака. По их понятиям не любовь, а нужда служили оправданием брака, нужда же брак и облагораживала.

Следует заметить, что и «малый», и «девка», а особенно их родители, толкающие детей на ранний брак, — одни из желания получить работницу в дом, другие из-за страха, что в девках засидится, — не питали больших иллюзий по поводу той жизни, которая ждала молодую семью: «жениться не все веселиться; женился на век заложился». Стремление к вступлению в брак было характерно поэтому для подавляющего большинства крестьян, причем не только тех, которые еще не состояли в браке, но и для овдовевших.

Отрицательное отношение крестьян к холостой жизни обусловило высокую брачность в деревне. По имеющимся данным (правда, не очень надежным, так как данные об общей численности населения и его возрастной структуре до самого конца XIX в. не могли быть особенно достоверными) в 1801—1860 гг. коэффициент брачности (в расчете на 1000 человек старше 15 лет) в среднем по Европейской России находился на уровне 16‰, варьируя в отдельные пятилетия от 13 до 19‰ [1]. В сельской местности брачность была еще выше, — вероятно, порядка 18—20‰ [2].

Однако со второй половины 60-х гг. XIX в. в деревне обнаружилась тенденция к снижению уровня брачности: коэффициент брачности (на 1000 жителей) в 1861—1865 гг. равнялся 11‰, 1871—1875 гг. — 10‰, а к концу XIX в. понизился до 9‰ [3] (см. табл. 1). Тем не менее брачность оставалась очень высокой и в начале XX в.

---

[1] См.: *Янсон Ю. Э.* Сравнительная статистика населения. Спб., 1892, с. 339.

[2] См.: *Луканин А.* Население Оханского уезда Пермской губернии по сословиям, возрастам и семейному положению по данным X ревизии. — В кн.: Записки Импер. РГО по отделению статистики. Т. 5. Спб., 1851; *Воронов П.* Указ. соч., с. 85—86; *Налимов А.* О движении народонаселения по Ново-Ладожскому уезду, за десятилетие 1846—1855 гг. — В кн.: Вестник Импер. РГО, ч. XXX. Спб., 1860, отд. II, с. 57—60 и др.

[3] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. ч. I. Спб., 1903, с. 8—13 (продолжение сноски на следующей стр.).

В условиях российской деревни коэффициент брачности в 11‰, который можно принять средним для первой половины XIX в., означал, что более 70% женщин старше 16 лет и более 80% мужчин старше 18 лет или более 75% взрослого населения в каждый данный момент состояло в браке[1]. К концу XIX — началу XX в. вследствие снижения уровня брачности до 9‰ доля состоящих в браке крестьян понизилась. По данным переписи населения 1897 г. доля женатых и замужних крестьян в Европейской России составляла 65,1%, но при этом несколько более низком, чем в середине века, показателе к возрасту 40—49 лет в сельском населении Европейской России оставалось всего около 3% мужчин и около 4% женщин, никогда не состоявших в браке[2].

Возраст вступления в первый брак. «Для того лишь только детина достигает совершеннолетия, тот час его и женят», — писал один из исследователей демографического быта русского крестьянина середины прошлого века[3]. За стремлением пораньше женить парня у родителей жениха скрывалось желание иметь дополнительные рабочие руки. Парень же стремился иметь свою «хозяйку» и побыстрее стать полноправным «мужиком».

Что же толкало на ранний брак невесту и ее родителей? С одной стороны, семья невесты была заинтересована подольше сохранить в семье рабочие руки. Недаром ведь и замуж отдавали преимущественно зимой, когда кончалась страда. Однако побеждали неэкономические

Не имея возможности подробно остановиться на снижении брачности в пореформенной деревне, укажем только на вероятные причины этого важного демографического явления: повышение брачного возраста; освобождение крестьян от опеки помещиков и местной администрации в решении матримониальных дел; развитие промысловой деятельности и особенно отходничества среди крестьянства; общее обеднение и разорение деревни, вызванное невыгодными для крестьян условиями их освобождения; социальное расслоение крестьянства.

[1] *Грязнов П.* Опыт сравнительного изучения гигиенических условий крестьянского быта и медико-топографии Череповецкого уезда. Спб., 1880; *Мальшин А.* Медико-топографическое описание Рязанского уезда. — «Земский врач», 1883, № 23, с. 368; *Трубников В. В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии. — В кн.: Сборник статистических сведений о России, изд. РГО, кн. 3. Спб., 1858, с. 415; *Луканин А.* Население Оханского уезда Пермской губернии по сословиям, возрастам и семейному положению по данным X ревизии, с. 206 и др.

[2] См. с. 140 настоящего сборника.

[3] См.: *Пашин В.* О движении народонаселения в Вяземском уезде за 1847—1856 гг. — Архив РГО, разряд 38, д. 9 (1860 г.), л. 14.

соображения. Невеста боялась, что в девках засидится, что всех парней хороших разберут. А родители пуще всего боялись греха: вдруг девка до брака согрешит и тогда позор ляжет и на нее, и на родителей, и на всю родню. В деревне «заблудящая» девица никогда не выйдет замуж и навек обесчестит доброе имя родителей. Но помимо всего прочего ранние браки почти повсеместно в России были исстари приняты, они были элементом обычного семейного права, потому совсем молодых парней и девушек старались поскорее женить и выдать замуж.

Таблица 1

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ЗА 1801—1913 ГГ. (на 1000 человек населения)

Годы	Число родившихся	Число умерших	Естественный прирост	Заключено браков	Число рождений на каждый заключенный брак
1801—1810	43,7	27,1	16,6	10,0	4,4
1811—1820	40,0	26,5	13,5	8,4	4,8
1821—1830	42,7	27,5	15,2	10,3	4,2
1831—1840	45,6	33,6	12,0	9,1	5,1
1841—1850	49,7	39,4	10,3	10,4	4,8
1851—1860	52,4	39,4	13,0	10,7	4,9
1861—1870	50,2	36,9	13,3	10,4	4,9
1871—1880	50,4	36,4	14,0	9,5	5,3
1881—1890	50,4	35,5	14,9	9,1	5,5
1891—1901	49,2	34,2	15,0	9,0	5,5
1901—1910	46,8	30,3	16,5	8,5	5,5
1910—1913	43,9	27,1	16,8	8,0	5,5

Источники: *Покровский В. И.* Влияние колебаний урожая и хлебных цен на естественное движение населения. — В кн.: Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства. Т. 2. Спб., 1897, с. 182; *Новосельский С. А.* Обзор главнейших данных по демографической и санитарной статистике России. — В кн.: Календарь для врачей всех ведомств на 1916 г., ч. 2, с. 14—94; *Рашин А. Г.* Указ. соч., с. 38, 40, 154, 172; Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия. Спб., 1871, с. 51—67.

В дореформенное время, судя по многочисленным свидетельствам корреспондентов РГО, крестьяне, в особенности помещичьи, вступали в брак в еще более молодом возрасте[1]. Кроме указанных выше причин ранних бра-

[1] См.: *Гиляровский Ф.* Женитьба и замужье. — Архив РГО, разряд 48, оп. 1, д. 90, л. 3; *Пашин В.* Указ. соч., л. 14; *Пономарев А. Г.* О движении населения по Богородскому уезду Московской губернии за 1847—1856 гг. — Архив РГО, разряд 22, д. 7, л. 11—12; *Братолюбов И.* Записка о движении народонаселения по Лужскому уезду С.-Петербургской губернии за 1841—1850 гг. — Архив РГО, разряд 35, д. 9, л. 37—38; *Луканин А.* О движении народонаселения по Соликамскому уезду за 1841—1850 гг. — В кн.: Вестник Импер. РГО, ч. 13. Спб., 1855, с. 267 и др.

ков у крестьян, общих для всего XIX в., здесь действовал такой важный фактор, как принуждение к ранним бракам со стороны помещика в крепостных деревнях и давление в этом же плане властей в удельной и государственной деревне. А причина была простая: полную ренту платили только женатые мужчины, севшие в тягло, неженатые совершеннолетние парни платили половинную ренту.

«Когда парень достигает узаконенных лет (18.— *Б. М.*), то его как можно скорее стараются женить», — указывал, например, один рязанский помещик [1]. Поскольку помещик имел больше возможностей для принуждения, то и брачность у помещичьих крестьян нередко была наибольшей. Так, за 1841—1850 гг. в Лужском уезде Петербургской губернии коэффициент брачности (на 1000 человек населения старше 16 лет) составил у крестьян: помещичьих — 21‰, у государственных — 19,6‰, у дворцовых — 18‰ [2].

Земские врачи считали, что браки между крестьянами, которым не исполнилось 20 лет, преждевременны, так как во многих случаях полное физическое и половое созревание у них еще не наступало. Так, около 8% новобранцев в 1874—1901 гг. получили отсрочку по невозмужалости и слабосилию [3]. А ведь им было не менее 21 года! На позднее полное физическое и половое созревание крестьян неоднократно указывалось земскими врачами [4]. У 10—17% девушек к моменту вступления в брак еще не было даже менструаций [5].

Тем не менее на протяжении всего рассматриваемого периода отмечается стремление женить детей как можно раньше: обычно девушек — в 16—18 лет, парней — в 18—

---

[1] См.: *Селиванов В. В.* Год русского земледельца. Соч., т. 2. М., 1902, с. 112.

[2] См.: *Братолюбов И.* Указ. соч., л. 38.

[3] См.: Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии..., ч. I. Спб., 1903, с. 32—33.

[4] См., например: *Богданов Л.* Санитарные очерки Пошехонского уезда. Ярославль, 1881, с. 15.

[5] См.: *Славянский К. Ф.* К учению о физиологических проявлениях половой жизни женщины-крестьянки. — «Здоровье», 1874—1875, № 10, с. 214; *Олихов С.* К вопросу о плодовитости крестьянок Кинешемского уезда. — «Земский врач», 1890, № 52, с. 824; *Григорьев И.* О половой деятельности женщин Мышкинского уезда Ярославской губернии. — «Врачебные ведомости», 1883, № 21—23.

20 лет[1]. Даже в пореформенное время в сельскохозяйственных губерниях, таких, как Рязанская, Курская, Орловская и других, нередко случалось, что отдавали замуж девушек до установленных законом 16 лет — в 15, 14, 13 и даже 12 лет. Крестьяне этих губерний часто обращались к епархиальным властям за разрешением вступить в брак девушкам в возрасте до 16 лет, выдвигая в качестве главного мотива обыкновенно такую причину: необходимо иметь в доме работницу или хозяйку[2].

До введения всеобщей воинской повинности в 1874 г. девушка старше 20 лет считалась уже засидевшейся невестой, а парень 23—25 лет, если ему не предстояла солдатчина, — старым холостяком. После того как все физически здоровые крестьянские парни стали три года служить в армии[3] (призывной возраст 21 год), взгляды на возраст вступления в брак к началу XX в. несколько переменились. У парней появилась тенденция жениться после службы в армии — в 24—25 лет. Девушки же в 21—22 года уже не считались старыми девами[4]. Но все же и в начале XX в. браки у крестьян продолжали оставаться очень ранними[5]. Средний возраст жениха и невесты заметно варьировал по губерниям. Браки «молодели» с севера на юг и с запада на восток. Наиболее молодыми вступали в брак в губерниях, имевших сугубо сельскохозяйственную специализацию. В промысловых же селениях — самые поздние браки. Вот почему в пределах губернии, уезда и даже волости тоже нередко наблюдались возрастные различия.

Говоря о возрасте вступления в первый брак, интересно отметить, что в деревне XIX в. девушка считала большим бесчестьем для себя выйти замуж за «старика» — мужчину старше ее более чем на 2—3 года.

Развод, вдовство, повторные браки. Строгий взгляд крестьян на неверность супругов, их убежденность в том, что брачные узы неразрывны, предполагал прочность

---

[1] По закону в XIX в. — начале XX в. разрешалось вступать в брак мужчинам 18 лет, женщинам — 16 лет, в XVIII в. — соответственно 15 и 13 лет.

[2] См.: *Славянский К. Ф.* Указ. соч., с. 215.

[3] Срок службы в течение 1874—1914 гг. неоднократно изменялся, колеблясь в пределе 3—5 лет, но все же большая часть крестьян служила 3 года.

[4] *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана». Записки Импер. РГО по отделению этнографии. Т. 39. Спб., 1914, с. 4.

[5] Подробнее об этом см. с. 115—117 настоящего сборника.

крестьянских семей. Развод рассматривался крестьянами и православной церковью как тягчайший грех, ибо супруги даны друг другу «по гроб». Только в совершенно исключительных случаях (уход одного из супругов из семьи и бегство из деревни, осуждение мужа или жены на каторгу в Сибирь, в пореформенное время также истязание жены мужем) крестьяне решались на развод, а церковь его санкционировала.

Хотя высшие церковные власти обыкновенно препятствовали разводу, но случалось, что приходские священники (это бывало крайне редко) своею властью расторгали браки[1]. Крестьяне безоговорочно верили, что брак — свят и расторгнут быть не может. Поэтому разводы в деревнях вплоть до 1914 г. были большой редкостью. В 1913 г. на 98,5 млн. православных (всех возрастов) был расторгнут всего 3791 брак, причем львиная доля разводов падала на города[2].

Прекращение брака из-за смерти одного из супругов было, конечно, гораздо более частым. Вдовство, по представлениям крестьян, — божье наказание, огромное несчастье. «Лучше семью (семь раз. — *Б. М.*) гореть, чем однова овдоветь. В девках приторно, замужем натужно, а во вдовьей чреде, что по горло в воде». «Вдовье дело горькое. Нет причитанья супротив вдовьего». И вдовец, и вдова — «круглые сироты», которые нуждаются в сочувствии и помощи: «На вдовий двор хоть щепку брось, и за то бог помилует».

Второй брак вдовых не осуждался: «Возьми, вдовец, себе жену, а деткам мачеху! Не опасайся вдову за себя взять: будешь спокойно спать». Однако крестьяне относились к нему с некоторым подозрением из-за суеверного страха, что и он окажется недолговечным и несчастливым: один раз бог покарал, покарает и второй. Третий же брак в крестьянской среде безусловно порицался: крестьянское мировоззрение не могло примириться с тем, что вдова или вдовец наперекор божьей воле оставить их одинокими, сирыми стремятся изменить свою судьбу. Поэтому крестьяне говорили: «Первая жена от бога, вторая от человека, третья — от черта».

Нужда заставляла перебороть страх вступать вторично или даже в третий раз в брак, причем очень значи-

---

[1] См.: *Семевский В. И.* Указ. соч., с. 77.

[2] См.: Всеподданнейший отчет обер-прокурора св. Синода по ведомству православного исповедания за 1913 г. Пг., 1915, с. 33.

тельная часть вдовцов, и особенно вдов, вступала в брак с тоже овдовевшими. Но конечно, не всем вдовым удавалось снова жениться или выйти замуж, причем с возрастом шансы на повторный брак резко ослабевали[1].

Рождаемость. Русская дореволюционная деревня практически не знала сознательного ограничения числа рождений в браке. Крестьянки не делали абортов, а подавляющее большинство из них даже не знало о возможности искусственного прерывания беременности. Об аборте слышали только те, кто жил в городе, а таких в деревне было чрезвычайно мало[2]. Что же касается противозачаточных средств, то о них крестьяне ничего не знали. «Крестьяне смотрят на зачатия и рождения по аналогии с животными и растениями, а последние для того и существуют, чтобы плодоносить», — писал о крестьянах 50—70-х гг. XIX в. новгородский священник Ф. Гиляровский[3]. Через 50 лет в этом отношении все осталось по-прежнему. «Деревня живет естественно-животной жизнью», — считал исследователь начала 20-х гг. М. Я. Феноменов[4]. И потому «бабенка не без ребенка; не по-холостому живем: бог велел».

Очень характерно это «бог велел». И не ради красного словца сказано. Многодетность освящалась православной церковью, прерывание беременности и вообще уклонение от рождения детей считалось и церковью, и крестьянами тягчайшим грехом. «У кого детей нет — во грехе живет». Дети — моральное оправдание «плотских радостей», без них и сам брак — грех. Эта догма так глубоко внедрилась в психологию русского крестьянина, что стала нормой поведения, а нормы обычного права крестьянин свято выполнял.

Сколько же детей могла родить за свою жизнь крестьянская женщина в этих условиях? У русской крестьянки в 80—90-е гг. XIX в. половая зрелость (первая менструация) наступала в 15, 16 лет (модальный возраст 16—17 лет), колеблясь в пределах от 17,07 лет в Архан-

---

[1] Подробнее об этом см. с. 148 настоящего сборника.

[2] См.: *Синкевич Г. П.* Вологодская крестьянка и ее ребенок. М.—Л., 1929, с. 46; *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. Спб., 1903, с. 57.

[3] *Гиляровский Ф. В.* Женитьба и замужье, л. 3.

[4] *Феноменов М. Я.* Современная деревня. Опыт краеведческого обследования одной деревни. Д. Гадыши Валдайского у., Новгородской губ., ч. 2. Старый и новый быт. М.—Л., 1925, с. 91.

гельской до 15,25 лет в Нижегородской губернии[1]. Средний возраст наступления менопаузы у крестьянских женщин в эти же годы равнялся 45 годам, колеблясь в разных губерниях от 42 до 47 лет[2]. Но земские врачи отмечали, что физиологическая стерильность наступала фактически к 40 годам — за 4—7 лет до наступления менопаузы[3] — к этому возрасту детородная деятельность крестьянской женщины, как правило, вынужденно заканчивалась — тяжелые условия жизни и громадные физические нагрузки преждевременно лишали женщину способности к деторождению.

Если принять, что большинство женщин выходило замуж в возрасте 18—20 лет (в дореформенное время, возможно, несколько ранее), то можно считать, что крестьянка, не овдовевшая до конца детородного периода, могла рожать детей в среднем на протяжении 20—22 лет.

По данным земских врачей, первого ребенка крестьянка рожала спустя 2—2,5 года после замужества. Принимая во внимание крестьянский обычай кормить ребенка грудью «два великих поста», можно думать, что интервалы между последовательными рождениями должны были быть примерно такими же или даже большими (учитывая уменьшение с возрастом вероятности зачатия). Это значит, что при относительно благоприятных условиях замужняя крестьянка могла родить за свою жизнь примерно 8—10 детей.

Правда, следует иметь в виду очень высокую младенческую смертность, которая часто прерывала лактацию и связанную с ней временную стерильность женщины, что вело к сокращению интервалов между рождениями. Но с другой стороны, надо учитывать возможность — весьма реальную в условиях русской дореволюционной деревни — самопроизвольных выкидышей и мертворождений, удлинявших эти интервалы. Поэтому трудно предположить, что среднее число детей, рождавшихся живыми у замужней женщины, даже с учетом младенческой смертности, могло быть намного больше 8—10.

---

[1] См.: *Груздев В. С.* Начало половой зрелости у обитательниц России в зависимости от влияющих на него факторов. — «Журнал Русского общества народного здоровья», 1894, № 5, 6, 7; *Афиногенов А. О.* Указ. соч., с. 29.

[2] См.: *Афиногенов А. О.* Указ. соч., с. 37; *Григорьев И.* Указ. соч., *Синкевич Г. П.* Указ. соч., с. 60 и др.

[3] См.: *Григорьев И.* Указ соч.: *Славянский К. Ф.* Указ соч., с. 216.

Имеющиеся немногочисленные фактические данные в целом подтверждают приведенные выше соображения. Например, костромская крестьянка, жившая в браке до конца деторождения, в 70—80-е гг. прошлого века рожала за свою жизнь в среднем 9,2 ребенка[1], вологодская крестьянка в 1871—1915 гг. рожала в среднем 10,2 раза, в 1921—1925 гг. — 10,3 раза[2]. Если бы начало брачной жизни в точности совпадало с началом половой зрелости, то число рождаемых детей могло бы увеличиться, впрочем, не очень значительно, едва ли оно превысило бы 10—11 детей в среднем на одну женщину. Эту величину — 10—11 детей — можно считать примерной оценкой физиологической плодовитости русской крестьянской женщины в рассматриваемый период.

Однако далеко не всем женщинам удавалось неразлучно прожить с мужем до конца детородного периода. Ранние овдовения, нередкие разлуки на более или менее долгое время (например, в связи с отходничеством) существенно сокращали время, прожитое в фактическом браке, что, естественно, вело к установлению уровня рождаемости заметно ниже уровня плодовитости. В этом же направлении могли действовать и некоторые другие факторы (например, мужское бесплодие).

Отдельные локальные исследования, квалифицированно проводившиеся земскими врачами во второй половине XIX в., дают некоторые данные о том, сколько детей рожали в среднем крестьянские женщины (все, а не только прожившие в браке до конца деторождения). Так, по данным локальных обследований вологодские крестьянки рожали в среднем 6,3 раза, рязанские имели по 7,7 детей, костромские и ярославские — 8, воронежские — 8,9 и т. д.[3].

7—9 детей, рожденных одной женщиной, — это меньше, чем позволяла ее физиологическая плодовитость, но это тоже очень много. Что же побуждало крестьянскую

---

[1] См.: *Жбанков Д. Н.* Влияние отхожих промыслов на движение народонаселения Костромской губернии по данным 1866—1883 гг. Кострома, 1887, с. 58.

[2] См.: *Синкевич Г. П.* Указ. соч., с. 41—42.

[3] См.: *Славянский К. Ф.* Указ. соч., с. 215; *Олихов С.* Указ. соч.; *Соколов Н.* К характеристике половой деятельности женщины-крестьянки северо-восточного угла Московского уезда. — В кн.: Протоколы и труды IV Московского губернского съезда врачей. М., 1880; *Григорьев И.* Указ. соч., *Шингарев А. И.* Положение женщины в крестьянской среде. — «Медицинская беседа», 1889, № 10, с. 284.

семью к столь высокой рождаемости? В условиях крестьянской жизни было немало оснований для того, чтобы семья испытывала нужду в детях. Дети, по крестьянскому разумению, не радость или, во всяком случае, не столько радость жизни, сколько необходимость. Отсутствие детей воспринималось родителями как большое горе. И горе их понять можно. Без взрослых сыновей крестьянское хозяйство никогда не станет зажиточным: недостаток земли и рабочих рук фатально обрекал его в лучшем случае на «серединку».

Отмена крепостного права в этом отношении ничего не изменила. И в пореформенное время «семьянистое» хозяйство с большой вероятностью могло рассчитывать на благосостояние, по крестьянским меркам, конечно, на устойчивость и основательность. Крестьянские ребятишки рано, с 7—8 лет, начинали помогать родителям, а «работные дети — отцу хлебы». В 16 лет юноша уже был полноценным работником, могущим делать всю крестьянскую работу.

Горе бездетных крестьян еще так велико и потому, что бездетных родителей в глубокой старости очень часто ожидали нужда, нищенство, дно деревенской жизни. По этическим и правовым нормам, которые действовали в общине, сын должен содержать престарелых, немощных родителей, а дочь ухаживать за ними и оказывать моральную поддержку. Так в действительности и было. В крепостную эпоху подобный взгляд на обязанности детей поддерживался обычным правом и помещиком.

Крестьянский сход, а в крайнем случае и помещик принуждали нерадивых сыновей содержать престарелых родителей. В пореформенное время на страже интересов родителей стало и официальное право. В волостных судах, где разбирались жалобы родителей на детей (судьями там были, как правило, крестьяне), виновные сыновья наказывались штрафом, арестом на несколько дней и в конце концов принуждались к выполнению своих обязанностей перед родителями [1].

«В крестьянском мировоззрении отсутствует пункт об ответственности родителей перед детьми, но зато ответственность детей перед родителями существует в преувеличенном виде, — указывал этнограф из крестьян

---

[1] См.: *Покровский Ф.* О семейном положении крестьянской женщины в Костромской губернии по данным волостного суда. — «Живая старина» год шестой. Спб., 1896, отд. I, с. 471—472.

Р. Я. Внуков. Пятая заповедь («Чти отца своего и матерь». — *Б. М.*) особенно любимая. «Непочетники» (дети не почитающие родителей. — *Б. М.*) — самая обидная кличка для детей»[1].

Необеспеченная старость крестьян вынуждала их иметь детей. Они были для крестьян как бы страховым полисом, счетом в банке на тяжелый день: «Корми сына до поры: придет пора — сын тебя покормит». В случае отсутствия детей крестьяне прибегали к усыновлениям, а в случае, если все дети — дочери, принимали в семью зятьев. Усыновление проходило по приговору сельского общества и — до введения всеобщей воинской повинности — освобождало семью от рекрутчины. «Приемыши» обычно рассматривались как родные дети, не подвергались никакой дискриминации. Крестьяне говорили: «Не тот отец, мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил, да добру научил».

И все же было бы неверно утверждать, что отношение крестьян к многодетности формировалось только под влиянием указанных выше позитивных факторов. Для негативного отношения к ней тоже было немало оснований.

Высокая рождаемость давалась крестьянке нелегко. В продолжении 20, а то и более лет она, как «родильная машина», непрерывно производила детей, не имея времени на дородовой и послеродовой отдых. Громадная физиологическая нагрузка по рождению и кормлению детей и одновременно громадное физическое напряжение, связанное с выполнением домашних и сельскохозяйственных работ, вели к тому, что «больная, худая, изможденная, преждевременно увядшая и состарившаяся фигура деревенской женщины, с тупым, забитым и скорбным лицом повторяется... постоянно, принимая какую-то роковую типичность и необходимость»[2].

Если бы высокая рождаемость у крестьян была четко связана с осознанным стремлением иметь как можно больше детей, то естественной была бы и большая забота родителей об уже родившихся детях. Но чем больше имела детей семья, тем меньше она могла уделять внимания отдельному ребенку. Родители очень за-

---

[1] *Внуков Р. Я.* Противоречия старой крестьянской семьи. Орел, 1929, с. 17.

[2] *Шингарев А. И.* Указ. соч., № 9. с. 25.

ботились о сохранении 2—3 детей, к судьбе других относились хладнокровнее. А в отдельных случаях матери многодетных семей, измученные непосильной нагрузкой, благодарили бога за то, что он «прибрал» их ребенка[1].

Вообще забота о малых детях не была в обычае крестьянской семьи. Как писал, повествуя о крестьянском детстве в середине прошлого века Д. В. Григорович, «самый нежный отец, самая заботливая мать с невыразимою беспечностью предоставляют свое детище на волю судьбы, нисколько не думая даже о физическом развитии ребенка, которое считается у них главным и в то же время единственным, ибо ни о каком другом и мысль не заходит им в голову. Не успеет ребенок освободиться от пелен, как уже поручают его сестре, девчонке лет четырех или пяти...»[2].

Неоднозначными могли быть и экономические соображения, связанные с многодетностью. Конечно, когда дети вырастали, они способствовали укреплению хозяйства, обеспечивали старость родителей. Но в условиях очень высокой смертности многие из рожденных детей, а то и все могли и не дожить до совершеннолетия, и тогда все затраченные на них труды пропадали даром. Если же дети выживали, крестьянской семье приходилось пережить трудный период прежде, чем она могла достичь относительного благополучия. Как ни рано крестьянские дети начинали помогать взрослым, это время наступало не сразу.

Кроме того, в условиях русской деревни парни до совершеннолетия, а девушки до замужества оставались на иждивении родителей еще и в том смысле, что на них не выделялась земля. И чем больше имелось несовершеннолетних детей, тем тяжелее было материальное положение семьи. Время до того, как первые дети станут взрослыми, было очень тяжелым в жизни семьи, в этот период она могла и обеднеть. Если на семью со многими малолетними детьми обрушивалось несчастье, скажем смерть главы семьи, что было не такой уж редкостью, ее экономическое положение оказывалось отчаянным.

Все это говорит о том, что у крестьянской семьи — пусть лишь в некоторых случаях — могли быть определенные «резоны» для того, чтобы хоть немного ограни-

---

[1] См.: *Грязнов П.* Указ. соч., с. 168; *Жбанков Д. Н.* Указ. соч., с. 85 и др.

[2] *Григорович Д. В.* Избр. произвед. М.—Л., 1959, с. 87.

чить число рождений, ослабить страшную нагрузку, ложившуюся на плечи женщины, облегчить развитие едва становящегося на ноги хозяйства и т. п. Между тем ничто не указывает даже на самую малую распространенность внутрисемейного регулирования деторождения в традиционной русской деревне. Почему? Видимо, это объясняется поглощением индивидуума сельской общиной, категорической необходимостью выполнять общепринятые нормы поведения, требования религии.

Рассуждая «рационально», с точки зрения современного человека, крестьянин мог бы в одних случаях посчитать целесообразным иметь больше детей, в других — меньше. Но русский крестьянин прошлого века был человеком другой эпохи, у него была иная психология, соответствовавшая историческим условиям своего времени. *Объективно* высокая рождаемость в русской деревне диктовалась социально-экономическими условиями. В этом смысле она была закономерной и рациональной. Но поскольку крестьянство не сознавало закономерность и социально-экономическую необходимость высокой рождаемости, не стремилось сознательно на нее воздействовать (в сторону понижения или повышения), то, имея в виду и *субъективную* сторону, рождаемость в среде крестьянства следует назвать *стихийной*. Крестьянин не был — как это ни покажется парадоксальным — субъектом демографических процессов и явлений, имевших место в российской деревне XIX в. Он являлся всего лишь пассивным исполнителем «воли» социально-экономических законов, вследствие чего воспроизводство крестьянства было стихийным процессом.

Несколько слов следует сказать об отношении ко внебрачной рождаемости. Внебрачные дети, родившиеся у вдовы или девицы и не узаконенные через последующий брак, считались незаконнорожденными. Рождение вне брака сурово осуждалось. Женщине, родившей ребенка вне брака, грозили позор, презрение односельчан, а без помощи родителей и нищета. Нередко она была вынуждена покидать деревню, бежать в город и попадала в публичный дом.

Незавидна была и доля незаконнорожденных детей, особенно девочек. Без семьи, без родственников, без помощи и поддержки — родные «согрешившей» матери, как правило, отворачивались и от нее и от ее ребенка, а отец по закону не обязан был содержать внебрачных де-

тей — внебрачные дети жили париями в деревне. Их презирали, высмеивали, награждали унизительными кличками, вроде: «подкрапивник», «самосейка», «с-под кур петухов сын» и т. п.[1] Внебрачные дети не получали никакой материальной помощи от государства и общины. Однако при достижении совершеннолетия мужчины в крепостное время, как правило, а в пореформенное время — при наличии земли — получали надел.

Не удивительно, что при подобном отношении ко внебрачной рождаемости она была невелика в русской деревне, «незаконные» рождения составляли здесь около 2% всех рождений. Правда, многие исследователи считают, что действительное число внебрачных детей у крестьян было больше, чем официально зарегистрированное, так как незамужние крестьянки стремились при возможности рожать детей в городе, где и регистрировался новорожденный. Однако большого влияния на показатель внебрачной рождаемости это обстоятельство оказать не могло. В целом по Европейской России доля внебрачных рождений была выше, чем только у сельского населения, но не намного: она не превышала 2,5—3%.

Если попытаться суммировать взгляды русских крестьян, относящиеся к демографическому поведению, то в самом общем виде можно сказать следующее. Брак и дети — святое дело. Православный человек обязан иметь семью и детей, и чем раньше, тем лучше. Холостое состояние — безнравственно. Дети — божья благодать, противодействовать каким бы то ни было способом зачатию и рождению — грех. Детей рождается и умирает столько, сколько богу угодно. Развод — невозможен, но в случае смерти мужа или жены, если трудно содержать семью и вести хозяйство, второй брак — желателен и полезен. В совокупности эти взгляды и образовывали социально-психологическую модель демографического поведения, т. е. поведения, желательного, идеального с точки зрения крестьянства.

Имеющиеся сведения позволяют думать, что соответствующий этой модели тип поведения, сложившийся у русского крестьянства задолго до XIX в., не претерпел принципиальных изменений и в продолжении исследуемого периода. Незначительные перемены затронули лишь некоторые губернии с развитым отходничеством, которые

[1] См.: *Кузнецов Я.* Положение членов крестьянской семьи по народным пословицам и поговоркам. Спб., 1904.

лежали вблизи столиц и крупных городов и были связаны с последними тесными экономическими, торговыми и культурными отношениями.

Отходничество, служащее хорошим показателем влияния городской культуры на деревню, хотя и развивалось успешно после 1861 г., все же не достигло к началу XX в. таких размеров, чтобы могло поколебать всюду деревенские устои. В 1891—1900 гг. в целом по Европейской России паспорта (разрешения на отход) в переводе на годовые брали не более 5,3% крестьян[1]. По единодушному мнению современников, новые веяния в семейно-брачных отношениях только-только начали проникать в деревню в конце XIX в. и даже к началу 20-х гг. XX в. не успели сколько-нибудь существенно изменить традиционную модель демографического поведения.

Соответствовала ли модель демографического поведения русского крестьянина социально-экономическим условиям, в которых ему приходилось жить в XIX — начале XX в.? Представляется, что соответствие это существовало лишь в дореформенное время. До 1861 г. растущее сельское население в подавляющем числе губерний без труда находило себе применение в деревне. Но уже первое поколение, родившееся после отмены крепостного права, стало испытывать малоземелье. С 80-х гг. XIX в. в центральных российских губерниях возникло аграрное перенаселение. Это было относительное перенаселение, коренные аграрные преобразования в состоянии были устранить или даже не допустить его. Однако в условиях пореформенной России с низкой производительностью и интенсивностью крестьянского труда, крепостническими пережитками, помещичьим землевладением, недостаточно быстрым ростом городов и промышленности растущее сельское население не находило себе производительного применения, а его быстрый рост стал фактором, усугубляющим бедственное положение крестьянства.

К тому же с 70-х гг. вследствие улучшения медицинского обслуживания населения наметилась тенденция к снижению смертности, которое не компенсировалось некоторым снижением брачности. В результате естественный прирост населения увеличился. В условиях снижа-

---

[1] Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения... Европейской России, ч. 3. Спб., 1903, с. 226.

ющейся смертности традиционная высокая рождаемость, вполне оправданная в прежние времена, становилась анахронизмом. Однако усвоение крестьянами новой модели демографического поведения тормозилось невежеством, неграмотностью, забитостью крестьянства, существованием реакционного политического режима. Так, демографические процессы в деревне еще более обостряли аграрный вопрос.

Русское православное крестьянство составляло часть — хотя и бóльшую — населения России. Той же или иной модели демографического поведения придерживались другие социальные и национальные группы населения? Статистические материалы свидетельствуют о том, что до 60-х гг. XIX в. и в городах господствовала неограничиваемая рождаемость, так как коэффициент рождаемости превышал 45‰; высокая смертность, превышавшая сельскую; высокая брачность была лишь немногим меньше, чем в деревне. Возраст вступления в брак в городе был выше, но в основном у мужчин, а горожанки выходили замуж почти столь же молодыми, как и крестьянки. Редки были разводы и господствовали строгие семейные нравы [1].

Мы не находим существенных различий в рождаемости, брачности и смертности и между отдельными сословиями, а также различий в демографических показателях между многими районами Европейской России. Статистические данные показывают, что сельское население Белоруссии, Украины и нерусские народности Поволжья по уровню рождаемости, смертности, брачности до 60-х гг. XIX в. не отличалось сколько-нибудь существенно от русских крестьян [2].

---

[1] См.: *Луканин А.* О движении народонаселения по Соликамскому уезду за 1841—1850 гг., с. 261—268; *Его же.* О движении народонаселения по Чардынскому уезду; *Попов В. А.* Движение народонаселения в Вологодской губернии. — В кн.: Записки РГО по отделению статистики. Т. 2. Спб., 1870, с. 219, 235—239; Ведомость о числе родившихся, браком сочетавшихся и умерших православного вероисповедания в Московской губернии за 1850 г. — Архив РГО, разряд 22, оп. I, д. 3; *Копанев А. И.* Население Петербурга в первой половине XIX в. М.—Л., 1957.

[2] См.: Статистические сведения о населении Лифляндской губернии. — Архив РГО, разряд 49, д. 9; Статистические сведения о населении Эстляндской губернии. — Архив РГО, разряд 49, д. 10; *Антонов В.* Ведомость о народонаселении крестьян Васильковского уезда Киевской губернии за 1858 и 1859 гг. — Архив РГО, разряд 16, д. 2; *Смановский А.* О смертности сельского населения Малороссии. Спб.,

Русское, украинское, белорусское население, а также национальные меньшинства мусульманского вероисповедания в начале XX в. придерживались традиционной модели поведения.

Начиная с 60—70-х гг. XIX в. статистика фиксирует возрастающие различия демографических показателей между городским и сельским населением, разными социальными группами и народами Европейской России. Это говорит о том, что в этот период у городского населения, а также у сельского населения на западной границе России: у латышей, литовцев, эстонцев и поляков — стала постепенно зарождаться новая модель демографического поведения, для которой характерны сравнительно поздний брак, значительная доля холостых и незамужних, распространенность разводов, внутрисемейное регулирование деторождения и сравнительно высокая внебрачная рождаемость. Русское сельское население в основном стало переходить к этой модели только в советское время, уже в совершенно иных политических и социально-экономических условиях.

1891; *Заблоцкий-Десятовский А. П.* Движение народонаселения России с 1838 по 1847 гг. — В кн.: Сборник статистических сведений о России. Изд. Импер. РГО, кн. I. Спб., 1851, с. 59—88; *Кайпша Е. И.* Движение народонаселения в России с 1848 до 1852 гг. *Там же,* кн. 3. Спб., 1858, с. 429—464; *Корасаков С.* Законы народонаселения в России. — В кн.: Материалы для статистики Российской империи. Изд. статистич. отд. Минист. внутр. дел. Ч. II. Спб., 1841, с. 219—307; «Военно-статистический сборник», вып. IV, с. 51—67 и др.

А. Г. Вишневский

РАННИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВОГО ТИПА РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ

Стремительное снижение рождаемости, происходившее в СССР в течение нескольких последних десятилетий и не прекратившееся еще и сейчас, нельзя понять, если не обратиться к его отдаленным историческим истокам.

Дореволюционная Россия была страной очень высокой рождаемости, спустя примерно десять лет после революции рождаемость в стране стала быстро падать. Связано ли это падение только с новыми социально-экономическими условиями или оно было подготовлено всем предшествующим развитием? Если верно последнее, то в чем заключалась такая подготовка и была ли она повсеместной?

Еще и сейчас существуют огромные различия в рождаемости между отдельными районами СССР, можно предположить, что в основе своей — это различия исторические. Но чтобы убедиться в этом, лучше понять корни этих различий, следует обратиться к истории. И прежде всего нужно исследовать важнейшие черты и тенденции рождаемости того исторического периода, который непосредственно предшествовал современному — пореформенной эпохи, эпохи развития российского капитализма с 1861 по 1917 г.

Достоверные статистические данные о рождаемости за весь интересующий нас период имеются лишь по 50 губерниям Европейской России. Эти данные и анализируются ниже, хотя, как мы полагаем, сделанные на основе такого анализа выводы помогают понять процессы, происходившие и в других частях страны.

На протяжении всей пореформенной эпохи, вплоть до Октябрьской революции, рождаемость в Европейской России была намного выше, чем в передовых капитали-

стических странах того времени, что осознавалось современниками как одна из черт тогдашней российской отсталости.

Как писал в начале века известный русский демограф П. И. Куркин, «существующий в данное время уровень рождаемости... чрезмерно далеко отстоит от той ее нормы, при которой наибольший прирост населения достигается с наименьшими потерями, неизбежными в деле производства потомства. Наоборот, потери так велики, что при самом широком производстве... получается совершенно малый прирост. Поэтому есть полное основание, по нашему мнению, ожидать, что... улучшение экономических, гигиенических и т. д. условий... у нас в России, скорее всего, должно привести к *понижению рождаемости* населения, к достижению той его наиболее полезной нормы, которая обеспечила бы как удовлетворительный прирост, так и сохранение бесполезно растрачиваемых в настоящее время производительных сил населения и создание более крепкого и жизнеспособного потомства» [1].

На пути достижения «наиболее полезной нормы» рождаемости в России стояли два главных препятствия. Во-первых, высокая смертность, особенно детская, делавшая высокую рождаемость непременным условием выживания населения. Во-вторых, система культурных норм и ценностей, отражавших объективные условия существования людей в прошлом (в том числе и высокую смертность) и определявшая в основных чертах их демографическое поведение. На протяжении многих столетий эти нормы и ценности оставались в общих чертах неизменными и всегда требовали такого поведения, которое в конечном счете и обусловливало высокую рождаемость.

Однако даже то, что не менялось в России много столетий подряд, не могло оставаться неизменным во второй половине XIX в., когда страна вступила на путь интенсивного развития капитализма. Начавшееся в этот период снижение смертности постепенно подрывало демографические основы высокой рождаемости. Но еще большее значение имела всеобщая ломка патриархальных устоев русской жизни, всей системы традиций, отношений, ценностей и норм поведения, которая до этого веками существовала и упрочивалась.

---

[1] *Куркин П. И.* Статистика движения населения в Московской губернии в 1883—1897 гг. М., 1902, с. 87.

Если судить об изменениях рождаемости по динамике ее общего коэффициента в целом по Европейской России, то создается впечатление, что вплоть до начала нынешнего столетия в демографическом поведении ее населения ничего не менялось. Попытаемся, однако, более внимательно проанализировать как динамику показателей, так и те подспудные процессы, которые находят выражение в этой динамике, обратив особое внимание на дифференциацию демографических процессов в пореформенной России.

Традиционные нормы демографического поведения были хорошо согласованы с условиями крестьянской жизни и составляли неотъемлемую часть системы культурных норм и ценностей, регламентировавших все стороны поведения русского крестьянина, а, значит, практически почти всего населения страны.

Однако в процессе развития капитализма быстро увеличивались слои населения, не связанные непосредственно с сельским хозяйством и с деревней вообще. Эти группы населения все более определенно локализовались в городах, все больше удалялись от условий деревенской жизни, порывали с ее традициями и культурой. Поэтому вполне естественно ожидать, что и сдвиги в демографическом поведении в первую очередь должны были коснуться городского населения.

Дореволюционная статистика позволяет выделить показатели, относящиеся к городам, в том числе важнейшим [1], на дифференциации некоторых из этих показателей у городского и сельского населения мы остановимся ниже. Следует, однако, иметь в виду, что деление населенных пунктов на городские и сельские в России во второй половине XIX в. устарело, не отражало новейших изменений в жизни страны, возникновения новых фабрично-заводских центров, население которых и по характеру занятий, и по культуре было в гораздо большей степени городским, чем население, скажем, Касимова или Моршанска, по старинке относившихся к важнейшим городам.

Кроме того, капиталистические отношения все глубже проникали и в деревню. И здесь получали развитие многообразные формы, в которых происходило постоян-

[1] К числу важнейших дореволюционная статистика относила около 80 городов, список которых почти не изменялся на протяжении всего рассматриваемого периода.

ное отвлечение населения от сельскохозяйственных занятий к торгово-промышленным (например, отхожие промыслы), и быстрое распространение капиталистических отношений, а вместе с ними и капиталистической культуры, элементов нового образа жизни.

Глубина перемен в жизни населения отдельных районов России была не одинаковой, поскольку не одинаковыми были исходные условия, сложившиеся к 60-м гг. XIX в. в результате предшествующего развития, не одинаковыми были и сами процессы капиталистического развития в пореформенную эпоху. В одних районах капитализм развивался «вглубь» на уже подготовленной почве, здесь и демографические перемены могли идти быстрее. В других районах преобладало развитие капитализма «вширь», и традиционные демографические отношения могли какое-то время оставаться почти в нетронутом виде.

В силу сказанного нельзя ограничиться анализом дифференциации демографических процессов только у городского и сельского населения, а надо рассмотреть их более широкую территориальную дифференциацию с учетом особенностей социально-экономического развития отдельных районов страны как в эпоху развития капитализма, так в известной мере и в предшествующие исторические периоды (особенностей исторических судеб, религии, национальных традиций и т. п.).

С целью такого анализа воспользуемся группировкой 50 губерний Европейской России, предложенной В. И. Лениным при изучении роста торгово-промышленного населения во второй половине прошлого века [1]. Мы лишь объединим некоторые группы губерний, сократив их общее число с 9 до 6. Выделенные группы губерний характеризуются следующими показателями (см. табл. 1).

Решающее влияние на рождаемость оказывает, с одной стороны, матримониальное поведение населения, от которого зависит процесс заключения и отчасти прекращения браков, с другой стороны, демографическое поведение супругов в браке, определяющее уровень брачной рождаемости. Некоторое значение имеет также внебрачная рождаемость.

Изменения в матримониальном поведении. Репродуктивный период жизни женщины длится примерно от 15 до 50 лет. Та часть этого периода ,которая оказывается прожитой в браке, зависит от возраста вступления в первый

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 565.

Таблица 1

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГРУПП ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Губернии	Количество губерний	Доля во всем населении Европейской России в 1897 г., %	Доля городского населения, %	Доля занятых вне сельского хозяйства, %
I. Неземледельческо-промышленные	11	18,2	21,5	40,5
II. Центрально-земледельческие	13	30,0	10,0	18,2
III. Окраинные земледельческие, колонизировавшиеся в пореформенную эпоху	9	19,6	13,5	24,7
IV. Западные и юго-западные	9	21,0	10,7	26,7
V. Северные и североуральские	5	8,6	5,0	18,1
VI. Прибалтийские	3	2,6	25,7	43,7
Всего	50	100,0	12,9	26,0

Примечание. Состав выделенных групп: I. С.-Петербургская, Московская, Владимирская, Калужская, Костромская, Нижегородская, Новгородская, Псковская, Смоленская, Тверская, Ярославская губернии; II. Воронежская, Казанская, Курская, Орловская, Пензенская, Полтавская, Рязанская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Харьковская, Черниговская губернии; III. Астраханская, Бессарабская, Донская, Екатеринославская, Оренбургская, Самарская, Таврическая, Уфимская, Херсонская губернии; IV. Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Киевская, Ковенская, Минская, Могилевская, Подольская губернии; V. Архангельская, Вологодская, Вятская, Олонецкая, Пермская губернии; VI. Курляндская, Лифляндская, Эстляндская губернии.

Источник. Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Спб., 1905, ч. I, с. 9, 13; ч. II, с. 302—315.

Этой группировкой мы воспользуемся в дальнейшем для дифференцированного анализа изменений в рождаемости населения Европейской России.

брак, частоты разводов и повторных браков, степени окончательного безбрачия, словом, от всего того, что можно объединить в понятии матримониального поведения населения. Известно, что в Западной Европе очень большую роль в снижении рождаемости сыграли именно

изменения в матримониальном поведении, приведшие к значительному массовому откладыванию браков. Здесь издавна сформировался так называемый европейский тип брачности[1], для которого были характерны очень позднее вступление в первый брак и высокая доля лиц, вообще остающихся вне брака. При такой брачности среднее время, прожитое в браке каждым поколением женщин, было намного меньше возможного, что само по себе вело к существенному снижению рождаемости.

Подавляющее большинство населения Европейской России не знало ни существенного откладывания браков, ни значительного безбрачия. В то время как во второй половине XIX в. во многих европейских странах ни разу не были замужем 60—70% всех женщин в возрасте 20—29 лет и свыше 15% женщин в возрасте 45—49 лет, в Европейской России в 1897 г. соответствующие показатели составляли 23% и примерно 5%.

Это не значит, однако, что в интересующий нас период брачность в Европейской России оставалась нечувствительной к веяниям времени и не претерпевала никаких изменений. Наиболее подробно можно проанализировать эти изменения в той части, в какой они затронули возраст вступления в первый брак.

Поскольку мы не располагаем данными о брачном состоянии населения по возрасту за длительное время, нам придется воспользоваться менее точными данными о распределении всех вступающих в брак по возрасту. Этот показатель испытывает влияние изменений возрастной структуры населения, которые, впрочем, не были значительными в рассматриваемый период и не могут сколько-нибудь существенно исказить результаты анализа. Кроме того, мы имеем данные о распределении *всех* браков, доля ранних браков среди *первых* браков, вероятно, была бы более высокой. Но несмотря на все эти недостатки исходных данных, их анализ позволяет выявить некоторые тенденции изменений в брачности.

Уже в начале пореформенного периода, несмотря на явное преобладание в целом традиционной ранней брачности, различные части населения Европейской России не были в этом отношении совершенно однородными. Это хорошо видно на рис. 1, где показаны различия в доле ранних (до 21 года) замужеств по губерниям Европей-

[1] *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective. — In: Population in history. London, 1965.

ской России в конце 60-х гг. прошлого века. В основе такой территориальной дифференциации брачности лежали в основном исторически сложившиеся экономические, этнокультурные и религиозные различия.

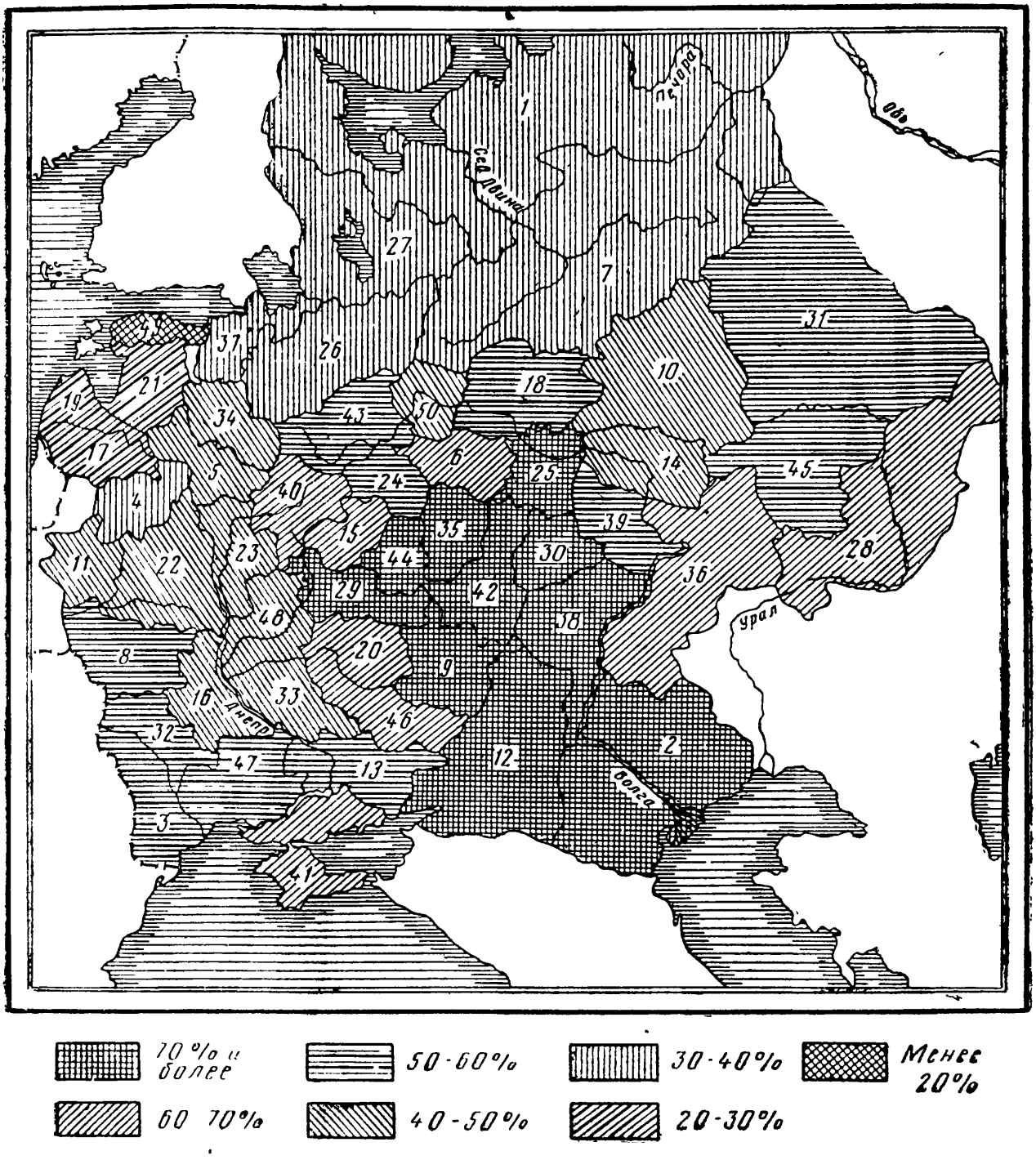

Рис. 1. Доля невест в возрасте 20 лет и моложе в общем числе невест в 1867—1870 гг. в % (50 губерний Европейской России) Цифровые обозначения губерний соответствуют перечню на с. 136—137 настоящей книги.

Прежде всего отметим, что в России издавна существовала небольшая зона распространения «европейской» брачности. Согласно Дж. Хаджналу «европейская»

брачность преобладала в Европе к западу от прямой линии, соединяющей Ленинград и Триест. Эта условная граница проходила через территорию прибалтийских губерний России (Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Эстляндской; к ним примыкала также Виленская губерния), населенных в основном католиками и протестантами.

В 1870 г. на долю лиц этих двух вероисповеданий пришлось от 66% всех заключенных браков в Виленской до 98% в Эстляндской губернии[1]. Католическое и протестантское население Прибалтики исторически имело много общего с западноевропейскими странами в социально-экономическом, культурном и других отношениях, понятны и общие черты их демографического развития. Как показывают историко-демографические исследования[2], в Прибалтике уже в XVIII в. ранние браки (до 20 лет) были редкими, а процесс вступления в брак каждого поколения растягивался на долгие годы. Относительно высокая доля католиков и протестантов (от 20 до 30% всех браков в 1870 г.) оказывала понижающее влияние на уровень ранней брачности и в соседних с прибалтийскими Гродненской, Витебской и С.-Петербургской губерниях.

После прибалтийских обращают на себя внимание сравнительно поздней брачностью северные губернии — Архангельская, Олонецкая, Вологодская и Новгородская. В «Статистическом Временнике Российской Империи» это явление объяснялось следующим образом: «Причины этого факта станут понятны, если сообразить, что трудность обработки почвы и другие невыгодные условия сельского хозяйства в северной России заставляют, с одной стороны, очень дорожить рабочими силами и поэтому как можно позже женить или выдавать замуж молодых членов семьи, а, с другой стороны, те же самые условия в значительной степени замедляют приобретение средств, необходимых для заведения самостоятельного хозяйства»[3]. Логика этого объяснения представляется нам не слишком убедительной, особенно если учесть, что вступление в брак в середине прошлого века далеко не всегда влекло за собой создание самостоятельного хозяй-

---

[1] См.: Статистический Временник Российской империи. Сер. II, вып. 14. Спб., 1879, с. 60—61.

[2] См., в частности, статью Х. Палли в настоящем сборнике.

[3] Статистический Временник Российской Империи. Сер. II, вып. 14, с. 29.

ства. Причины относительно низкой доли ранних браков в северной России в прошлом столетии, видимо, нуждаются в специальном изучении.

Но в целом для Европейской России было типично раннее и почти всеобщее вступление в брак. Это было одной из наиболее характерных черт традиционного матримониального поведения, неразрывно связанного с особенностями крестьянского быта, со всем тысячелетним укладом жизни русского аграрного общества. Известно, что в XVI—XVII вв. «русские женились очень рано. Бывало, что жених имел от 12 до 13 лет... Редко случалось, чтобы русский долго оставался неженатым...»[1]. «Предки наши имели обыкновение женить своих детей в малолетстве, и это было в обычае не только между простым сословием, но между дворянством и великими князьями... В брак вступали почти детьми»[2].

Правда, против слишком ранних браков возражения раздавались уже давно. Известно, например, что в 1410 г. митрополит Фотий в послании к новгородскому архиепископу строго воспрещал выходить замуж девицам, не достигшим 12 лет. Петр I указом 1714 г. запретил дворянам жениться, не достигнув 20, и выходить замуж, не достигнув 17 лет, а по указу Екатерины II (1775 г.) для всех сословий запрещалось венчать мужчин моложе 15, женщин моложе 13 лет; в случае нарушения указа брак расторгался, а священник лишался сана. Позднее нижняя граница бракоспособного возраста еще более повысилась. В середине XIX в. разрешалось венчать невест лишь по достижении 16, а женихов 18 лет[3].

Но с другой стороны, откладывание браков слишком надолго никак не приветствовалось, да и не соответствовало условиям русской жизни. О том, сколь важным считалось своевременное вступление в брак, свидетельствует и указ Василия Шуйского (1607 г.), в котором предписывалось всем, кто «держат рабу до 18 лет девку, а вдову после мужа более дву лет, а парня холостаго за 20 лет, а не женят и воли им не дают..., тем дати отпускныя...»[4]. Уже в XVIII в. В. Н. Татищев, приводя текст этого указа, замечал: «Сие ни в Уложении, ни в последовавших оному

---

[1] *Костомаров Н.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. Спб., 1887, с. 226.

[2] *Терещенко А.* Быт русского народа. Т. II. Спб., 1848, с. 37—38.

[3] *Там же.*

[4] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII. Л., 1968, с. 374.

законах не находится, однако же иначе, как благорассудно, справедливо и к пользе государства узаконено»[1].

Еще и в середине XIX в. большинство первых браков заключалось в возрасте до 21 года. В конце 60-х годов минувшего столетия свыше 57% невест и около 38% женихов имели возраст не старше 20 лет, а если бы можно было исключить влияние повторных браков (19% общего числа браков у мужчин и 13% у женщин), то этот показатель оказался бы ещё более высоким.

Во второй половине XIX в. в жизни российского общества в связи с развитием капитализма обнаружились новые явления, которые не миновали и семейную сферу. Проникновение в деревню товарно-денежных отношений, расширение неземледельческих занятий, значительное развитие отхожих промыслов и многие другие явления русской действительности второй половины XIX в. нарушали тысячелетнюю замкнутость сельской жизни, подрывали традиционную культурную систему, лишали смысла многие традиционные ценности, выдвигая на их место новые. В частности, и ранние браки почти детей, которых женили, не спрашивая на то их согласия, с одной стороны, совсем не так уж необходимы человеку, оторвавшемуся от сельской почвы, с другой же стороны, все менее совместимы с растущим гражданским самосознанием даже и крестьянина, соприкоснувшегося с другой, городской жизнью.

Глубокие изменения в психологии крестьянина, по-видимому, действительно происходили очень быстро в пореформенной России. Однако даже и в Европейской России различные районы в разной степени были охвачены развитием капитализма, потому и влияние его на крестьянскую психологию, на семейные отношения крестьян в разных районах было неодинаковым. Связь между социально-экономическими особенностями тех или иных районов, изменениями в характере семейных отношений и распространенностью более ранних или более поздних браков была ясна уже дореволюционным авторам. «Внутри России промышленная полоса выделяется более поздними браками перед земледельческими полосами», и даже внутри одной и той же губернии «чем промышленнее уезд, тем более время вступления в брак отодвигается к более зрелым летам, тем более ранние, принудитель-

---

[1] *Татищев В. Н.* История Российская. Т. VII, с. 375.

ные браки уступают место здравым обдуманным бракам»[1].

Новые тенденции в брачном поведении населения прослеживаются уже по показателям, относящимся ко всей Европейской России. Обратимся к данным табл. 2[2].

Таблица 2

ДОЛЯ БРАКОВ В ВОЗРАСТЕ 25 ЛЕТ И МОЛОЖЕ СРЕДИ ВСЕХ БРАКОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ, 1867-1870—1910 ГГ., %

Возраст вступления в брак	Мужчины					Женщины				
	1867—1870 гг.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1867—1870 гг.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.
20 лет и моложе	37,9	34,3	31,1	31,7	30,8	57,4	56,7	56,0	55,9	54,5
25 лет и моложе	68,9	64,0	64,9	66,6	67,0	83,4	85,0	86,0	86,7	85,4

Как видим, в целом по Европейской России динамика доли браков, заключаемых в возрасте до 25 лет, ни у мужчин, ни у женщин не обнаруживает сколько-нибудь определенной тенденции. А вот о доле ранних браков, заключаемых до 21 года, этого сказать уже нельзя. Правда, на первый взгляд само снижение доли ранних браков, особенно у женщин, не кажется особенно большим, однако если рассмотреть этот процесс дифференцированно, то он предстает в ином свете.

Таблица 3

ДОЛЯ БРАКОВ В ВОЗРАСТЕ 20 ЛЕТ И МОЛОЖЕ СРЕДИ ВСЕХ БРАКОВ У ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ, 1867-1870—1910 ГГ., %

	Мужчины					Женщины				
	1867—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1910 гг.	1867—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1910 гг.
Важнейшие города	11,1	9,4	7,0	6,7	9,0	43,0	41,3	38,2	35,0	34,8
Прочие города	39,1	19,7	15,0	13,2	15,0	58,0	51,2	48,8	44,7	43,7
Уезды		39,6	34,4	33,7	34,3		59,2	57,9	57,0	57,8

[1] См.: Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. VIII. Суздальский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир, 1902, с. 13—14.

[2] Здесь и далее во всех случаях, когда это не оговорено особо, в качестве источника данных использованы издававшиеся ЦСК ежегодники «Движение населения в Европейской России» за соответствующие годы.

Как и следовало ожидать, доля ранних браков снижалась прежде всего в городах.

Тенденция к сокращению — и значительному — доли ранних замужеств в городах проявляется совершенно отчетливо, тогда как в уездах эта тенденция выражена намного слабее. Зато тенденция к уменьшению доли ранних браков у мужчин и в сельской местности просматри-

ДОЛЯ БРАКОВ В ВОЗРАСТЕ 20 ЛЕТ И МОЛОЖЕ СРЕДИ ВСЕХ 1867—

Группы губерний	Мужчины				
	1867—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1910 гг.
I	39,5	36,5	31,9	30,9	29,9
II	43,5	48,8	43,0	42,2	43,3
III	38,1	41,8	33,6	33,1	32,6
IV	20,4	19,5	17,4	14,8	15,6
V	37,4	36,0	31,3	29,3	31,7
VI	5,5	3,6	3,0	2,9	3,0

вается довольно определенно. Как уже отмечалось, деление населения на городское и сельское не было увязано с процессами бурного развития капитализма в пореформенной России, поэтому дополним приведенный выше анализ анализом в разрезе шести выделенных нами групп губерний (см. табл. 4).

Доля ранних браков у мужчин сократилась во всех группах губерний, хотя и далеко не в одинаковой степени. Наибольшим снижение было в прибалтийских губерниях, где доля таких браков и без того была очень низкой, а за ними наряду с западными идут неземледельческо-промышленные губернии, где доля ранних браков прежде была достаточно высокой.

У женщин в целом сокращение доли ранних браков не столь значительно, в V группе губерний она даже повышалась, но тем более заметно снижение доли ранних замужеств в неземледельческо-промышленных губерниях. По-видимому, именно здесь на протяжении пореформенного пятидесятилетия происходили наибольшие изменения в матримониальном поведении населения. По логике вещей они должны были затронуть не только возраст

вступления в первый брак, но и другие характеристики брачности, такие, как темпы вступления в брак каждого поколения женщин и долю женщин, остающихся незамужем к концу репродуктивного периода. Это предположение подтверждается материалами переписи населения 1897 г.[1] (см. табл. 5, 6, 7).

Таблица 4

БРАКОВ ПО ШЕСТИ ГРУППАМ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ; 1910 ГГ., %

Женщины					1901—1910 гг. к 1867—1870 гг.	
1867—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.	1891—1900 гг.	1901—1910 гг.	мужчины	женщины
55,9	54,3	50,6	49,9	48,5	0,76	0,87
65,6	67,5	65,0	64,0	65,2	0,99	0,99
62,9	67,4	63,6	61,9	61,6	0,86	0,98
47,0	47,6	48,4	44,3	43,2	0,76	0,92
47,7	47,5	49,4	49,0	52,7	0,85	1,10
22,4	21,2	20,4	19,0	20,0	0,54	0,89

Естественны относительно поздняя брачность и высокая доля женщин, вообще не вышедших замуж, в городах; не является неожиданностью и растянутый во времени процесс вступления в брак в прибалтийских губерниях, поскольку, как уже отмечалось, здесь издавна су-

Таблица 5

ДОЛЯ ЖЕНЩИН, НИКОГДА НЕ СОСТОЯВШИХ В БРАКЕ, ПО ПЕРЕПИСИ 1897 г., %

Возрастные группы	Европейская Россия	в том числе							
		города	уезды	группы губерний					
				I	II	III	IV	V	VI
15—19	87,2	91,1	86,6	89,8	84,1	82,0	92,0	88,6	97,7
20—29	22,6	37,5	20,2	30,7	14,9	13,0	31,0	23,3	58,0
30—39	7,0	15,8	5,6	12,7	4,4	3,2	7,0	6,9	20,4
40—49	5,1	11,7	4,1	9,9	3,5	2,5	4,0	5,7	12,0

[1] Показатели в табл. 5 и в последующих таблицах, основанные на материалах переписи населения 1897 г., рассчитаны по данным, опубликованным либо в сводных итогах по империи, либо в погубернских итогах переписи.

ществовала брачность «европейского» типа. Но мы видим уже явные признаки этого типа брачности в исконно русских губерниях неземледельческо-промышленной зоны. В 1897 г. по доле девиц в возрастных группах до 30 лет эта зона явно превосходила губернии II, III и V групп, а по доле девиц в старших возрастных группах и по степени окончательного безбрачия уступала только прибалтийским губерниям.

Интересен и еще один показатель брачной структуры населения — доля вдов.

Таблица 6

ДОЛЯ ВДОВ СРЕДИ ЗАМУЖНИХ И ВДОВЫХ ПО ПЕРЕПИСИ 1897 Г., %

Возрастные группы	Европейская Россия	в том числе							
		города	уезды	группы губерний					
				I	II	III	IV	V	VI
20—29	1,7	4,1	1,4	2,7	1,4	1,3	1,8	1,3	2,1
30—39	5,8	12,2	4,9	8,7	5,1	4,6	5,2	5,8	5,7
40—49	15,0	25,7	13,5	19,5	14,2	12,5	13,7	15,4	14,2

Различие в доле вдов, вообще говоря, может объясняться различной смертностью мужчин. Однако если смертность городского и сельского населения и была не одинаковой, то мало вероятно, чтобы это могло объяснить столь значительные различия в доле вдов в городском и сельском населении, как те, которые наблюдались в 1897 г. То же и с различиями по группам губерний. Если можно предположить, что в Прибалтике смертность была действительно заметно ниже, чем в других районах Европейской России, то для объяснения различиями в смертности существенно разной доли вдов, скажем, в неземледельческо-промышленных и центрально-земледельческих губерниях нет оснований.

Решающее значение имели, скорее, различия в доле повторных браков овдовевших женщин. Если же считать долю вдов в отдельных возрастных группах индикатором распространенности повторных браков, то, судя по данным табл. 6, такие браки к концу XIX в. были наименее распространены в неземледельческо-промышленных губерниях. Еще в первой половине прошлого столетия, во

времена крепостного права повторные браки вдов здесь, как и везде, были почти обязательными. Того требовали и помещики, и сами условия крестьянской жизни. Однако с ростом товарно-денежных отношений, распространением неземледельческих занятий, развитием отхожих промыслов и т. п. положение стало быстро меняться.

Не случайно, по-видимому, многие авторы конца прошлого века писали о росте независимости, самостоятельности, гражданского самосознания русской женщины, в том числе и крестьянки, которая могла теперь обходиться и без мужа, не случайно и то, что этот рост был заметен прежде всего там, где капитализм наиболее глубоко проникал во все поры народной жизни, как это и было в губерниях I группы. Поэтому относительно высокую долю вдов в этих губерниях на исходе XIX в. также следует рассматривать как признак начавшего вырабатываться здесь нового типа матримониального поведения.

После всего сказанного становится ясно, что и доля замужних женщин — показатель, наиболее важный с точки зрения рождаемости, — никак не могла быть одинаковой в различных районах Европейской России, что подтверждается данными табл. 7.

Таблица 7

ДОЛЯ ЖЕНЩИН, СОСТОЯВШИХ В БРАКЕ, ПО ПЕРЕПИСИ 1897 Г., %

Возрастные группы	Европейская Россия	в том числе							
		города	уезды	группы губерний					
				I	II	III	IV	V	VI
15—19	12,7	8,71	13,3	10,1	15,8	17,8	7,9	11,3	2,2
20—29	75,9	59,5	78,6	67,3	83,9	85,6	67,6	75,3	41,0
30—39	87,3	73,2	89,6	79,5	90,6	92,0	87,9	87,2	74,7
40—49	80,4	65,0	82,8	72,4	82,7	85,0	82,6	78,7	75,1
40—44	82,4	68,3	84,6	75,0	84,7	86,8	84,4	80,9	77,0
45—49	77,9	61,0	80,5	69,2	80,3	82,9	80,3	76,1	72,0

Примечание. Числа замужних в возрастных группах 40—44 и 45—49 лет получены нами исходя из опубликованного числа замужних в возрасте 40—49 лет. При расчете использованы таблицы овдовения женщин в Европейской России в 1896—1897 гг., построенные Л. Е. Дарским. Доля женщин, никогда не состоявших в браке, для обеих пятилетних групп принята одинаковой.

Различаются между собой не только городское и сельское население, но и население различных групп губерний. Интересно отметить, что к возрасту 30—39 лет, когда перестают играть роль различия в возрасте вступления в первый брак, показатели II, III, IV и V групп существенно сближаются, а на их фоне выделяются близкие между собой показатели I и VI групп губерний, во многих других отношениях очень мало сходных. Все же в этой возрастной группе доля замужних в неземледельческо-промышленных губерниях еще несколько выше, чем в прибалтийских, но в следующей возрастной группе (40—49 лет) они меняются местами, и доля замужних в неземледельческо-промышленных губерниях оказывается самой низкой.

Ниже мы покажем, как различия в брачной структуре связаны с территориальной дифференциацией рождаемости. Сейчас подчеркнем только, что эти различия, как они сложились к концу прошлого века, были отчасти результатом весьма отдаленных во времени процессов, отчасти же, особенно когда речь идет о неземледельческо-промышленных губерниях, — следствием процессов недавних, бурно развивавшихся уже в пореформенный период. Сила потенциального влияния этих последних на брачную структуру населения многих других районов страны была особенно велика. Специфическое матримониальное поведение в прибалтийских губерниях могло долго соседствовать с традиционными нормами такого поведения в коренных русских районах, не приводя к их изменению. Но то, что происходило в столичных и окружающих их губерниях, отражало их передовое место в ходе капиталистического развития, охватившего всю Россию, и рано или поздно должно было вторгнуться в жизнь всех районов страны.

Брачная рождаемость. Второй основной компонент рождаемости, подлежащей нашему анализу, — брачная рождаемость. Она в свою очередь зависит от многих факторов, важнейшие из которых: реальная плодовитость женщины, половое и репродуктивное поведение супругов.

Вопрос о реальной плодовитости[1] русской крестьянки подробно рассмотрен в статье Б. Н. Миронова. Автор

---

[1] Под реальной плодовитостью здесь понимается физиологическая плодовитость женщины при данном исторически определенном уровне здоровья населения. Подробнее об этом см.: *Вишневский А. Г.* Демографическая революция. М., 1976, с. 113.

статьи приходит к выводу, что крестьянская женщина второй половины прошлого века на протяжении всей своей жизни могла родить в среднем 10—11 детей[1]. Реальная плодовитость женщин из других слоев населения, живших в иных, нежели крестьянство, условиях, могла, конечно, отличаться от плодовитости крестьянок, но едва ли эти отличия были слишком большими. Например, плодовитость женщин из семей сельского духовенства по данным Д. Н. Жбанкова составляла 9,8 детей на одну женщину[2]. Учитывая это, а также то, что подавляющее большинство населения дореволюционной России было крестьянским, можно, вероятно, принять, что в пореформенное время в Европейской России женщина, состоявшая в браке на протяжении всего или почти всего репродуктивного периода своей жизни, могла родить в среднем 10—11 детей.

Правда, даже при условии пребывания женщины в браке на протяжении всего репродуктивного периода ее жизни рождаемость, равная реальной плодовитости, может быть достигнута (в среднем, конечно), только если на протяжении всего этого времени между супругами поддерживаются достаточно регулярные половые отношения. И при одинаковом брачном поведении интенсивность половой жизни женщины — в той мере, в какой она определяется культурными нормами или внешними обстоятельствами, — может быть различной.

В России, вероятно, на интенсивность половой жизни в браке определенное влияние оказывали посты, во время которых предписывалось воздержание (впрочем, не очень строго соблюдавшееся). Помимо религиозных требований и сами условия крестьянского труда и быта вели к тому, что интенсивность половой жизни в разные периоды года была не одинаковой.

О. П. Семенова-Тян-Шанская, долгое время изучавшая крестьянский быт в Рязанской губернии, отмечала, что сожительство крестьянина с женой находится в тесной связи с «его сытостью или голодом»: «отъевшийся осенью Иван, да еще после «шкалика» всегда неумерен. А Иван голодный, в рабочую пору, например, собственно не живет с женой»[3]. С другой стороны, и посты были со-

---

[1] См. с. 96 настоящего сборника.

[2] См.: *Жбанков Д. Н.* К вопросу о плодовитости замужних женщин. — «Врач», 1889, № 13, с. 309.

[3] *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Жизнь «Ивана», т. 39, с. 59.

гласованы с годовым хозяйственным циклом. «Посмотрите, в самом деле: положим, брак состоялся в рождественский мясоед, ребенок родился осенью, после уборки хлеба, когда крестьянину можно и отдохнуть, но тут, во-первых, баба поправляется и, во-вторых, один за другим два поста — успенский и рождественский, так что опять — «до рождественского мясоеда», и, стало быть, опять баба свободна в рабочую пору»[1].

Таким образом, интенсивность половой жизни крестьян на протяжении года была не одинаковой, что должно было в периоды, когда эта интенсивность становилась меньшей, до некоторой степени снижать вероятность зачатия и отражаться в неравномерном распределении рождений по месяцам года. Так оно и было в действительности. Самой высокой была рождаемость в январе и октябре (почти до 10% всех родившихся за год), что соответствовало зачатиям в «рождественский мясоед» либо весной после великого поста. Меньше всего детей (7—7,5%, а иногда и меньше) рождалось обычно в декабре — влияние великого поста — и в апреле — мае — зачатия периода летней страды и строгого успенского поста.

Периодическое снижение интенсивности половой жизни вплоть до полного воздержания могло, конечно, вести к тому, что уровень рождаемости устанавливался несколько ниже уровня реальной плодовитости. Но следует иметь в виду, что если зачатия и соответственно рождения и откладывались под влиянием рассмотренных факторов, то лишь на месяцы, а не на годы, так что это не могло существенно сказаться на уровне рождаемости.

Во второй половине XIX в. к упомянутым факторам добавились новые, порожденные социально-экономическими процессами, характерными для пореформенной России. В частности, непрерывно возраставшая подвижность крестьянского населения неизбежно вела к частым и порой очень длительным разлукам супругов. Отхожие промыслы, в которых участвовали миллионы крестьян, преимущественно мужчин, отрывали женатых крестьян от семьи, существенно нарушая регулярность половых отношений в браке, а в наиболее промысловых районах, почти превращая брак в фикцию. «Многим питерщикам, особенно приходящим домой через 3—5 лет, жена и семья или, вернее, дом и хозяйство нужны только как обеспечение под старость, когда нельзя будет ходить в

[1] *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч., т. VIII. М., 1949, с. 101.

Питер, а до тех пор их привязанности и половые требования удовлетворяются в той или иной форме на стороне... Молодая жена не является помехой для отлучки, а, напротив, развязывает руки своему мужу, освобождает его от земли и деревни... Для некоторых женщин вся семейная жизнь ограничивается двумя-тремя месяцами»[1].

Частые и длительные разлуки супругов в период их наиболее высокой плодовитости не могли не снижать вероятность зачатия, а, стало быть, в конечном счете и уровень рождаемости. На это неоднократно указывали современники. «Уменьшение рождаемости отхожей полосы есть постоянное явление, подтверждаемое наблюдениями за целые 25 лет... Первая и важнейшая причина — продолжительное отсутствие мужей, которые иногда не возвращаются по 1—5 лет домой, и поэтому невольное воздержание жен от половой жизни»[2].

Не удивительно, что проведенное Д. Н. Жбанковым сопоставление числа детей, рожденных в «оседлых» и «отхожих» семьях показало, что во вторых детей было на 43% меньше, чем в первых (5,2 против 9,2). При этом в первом случае совсем нерожавших женщин было 3,3%, во втором — почти 11%[3].

Отхожие промыслы были типичным для пореформенной России явлением, которое вносило изменения в традиционное половое поведение супругов, имело достаточно большие масштабы и поэтому могло оказать известное влияние на общий уровень брачной рождаемости.

Во всех рассмотренных выше случаях речь шла о таких элементах поведения супругов, которые воздействовали на рождаемость, но в которых нельзя увидеть намеренного стремления отдельных людей к такому воздействию. Люди вели себя определенным образом потому, что так было исстари заведено, либо потому, что не могли вести себя иначе, никакого выбора они не имели.

Однако нельзя сказать, что крестьяне с полным безразличием относились к срокам появления детей и даже к их числу. Как отмечал Г. Успенский, «существование в крестьянском быту желания сохранить женщину для возможно большего количества рабочих дней — жела-

---

[1] *Жбанков Д. Н.* Бабья сторона. Материалы для статистики Костромской губернии. Вып. 8. Кострома, 1891, с. 82.

[2] *Жбанков Д. Н.* Влияние отхожих промыслов на движение населения. Спб., 1895, с. 17.

[3] *Там же.*

ния, чтобы «баба» в трудную рабочую пору «страды» была здорова, не лежала в родах и не была брюхата, — несомненно»[1]. Вероятно, существовали представления и о нежелательности очень большого числа рождений.

Часто полагают, что для крестьянской семьи было характерно неограниченное чадолюбие, так что каждый новый ребенок встречался с радостью. Между тем вынашивание детей, роды нередко были мукой для крестьянской женщины, рано старили ее, подрывали ее здоровье. Прокормить ораву ребятишек было трудно. Все это не могло совсем не осознаваться, и отношение к детям было, вероятно, далеко не таким идиллическим, каким оно иногда кажется сегодняшнему исследователю. По наблюдениям О. П. Семеновой-Тян-Шанской, первого ребенка в крестьянской семье ждали еще более или менее радостно, третьим же ребенком матери обыкновенно уже начинали тяготиться. «Если баба начинает часто родить, то в семье к этому, конечно, относятся неодобрительно, не стесняясь иногда делать грубые замечания по этому поводу: «ишь ты, плодливая, обклалась детьми, как зайчиха. Хоть бы подохли они, твои щенки-то, трясет каждый год, опять щенка ошлепетила» и т. д.[2].

Казалось бы, что при таком отношении к детям люди, по крайней мере некоторые, должны были стремиться как-то воздействовать на число рождающихся детей или на сроки их появления (сверх того, что получалось само благодаря соблюдению постов, разлукам и т. п.). Но в том-то и дело, что русское общество вплоть до революции оставалось в значительной степени традиционным. А человек традиционного общества ведет себя в соответствии с унаследованным от прошлого каноном, который не оставляет места для индивидуального выбора. Традиционные культурные нормы не допускали никакого, выражаясь современным языком, внутрисемейного регулирования рождаемости, и до середины XIX в. оно, по-видимому, совсем не встречалось в России. Еще в 1847 г. В. А. Милютин писал в «Современнике»: «В последнее время предложены были... средства для противодействия развитию народонаселения... Некоторые из них до невероятности нелепы, как например, предложение употреблять при удовлетворении чувственных наклонностей известное средство, предупреждающее рождение детей; или

[1] *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 103.
[2] *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Цит. соч., с. 7—8.

предложение одного доктора извлекать посредством особого инструмента, устроенного ad hoc, зародыш прежде его рождения. Другие средства не столь возмутительны, но также чрезвычайно странны»[1].

Для того чтобы подобные слова могли быть написаны да еще в журнале, бывшем выразителем передовой общественной мысли своего времени, надо, чтобы «нелепые», «возмутительные» и «странные» средства действительно были неведомы подавляющему большинству населения. Как долго, однако, могло длиться такое неведение в условиях быстро менявшейся России?

Спустя примерно 40 лет после того, как были сказаны цитированные выше слова, Л. Н. Толстой с негодованием писал: «...с помощью науки на моей памяти сделалось то, что среди богатых классов явились десятки способов уничтожения плода... Зло уже далеко распространилось и с каждым днем распространяется дальше и дальше, и скоро оно охватит всех женщин богатых классов»[2]. Речь, как видим, идет о том, что «зло уже распространилось». Но, адресуя свои упреки женщинам «богатых классов», Л. Н. Толстой ничего не говорит об ограничении рождаемости среди крестьян. Значит ли это, что крестьяне совсем не знали «зла»?

Один из персонажей Г. Успенского, народнически идеализировавший крестьянскую жизнь, утверждал: «Ваш культурный человек со всеми своими потрохами гроша медного не стоит против этих мужиков... И об чем хлопочут! Не стеснять инстинкт, а чтобы детей не было... Ведь на это последний мужик плюнет, такая это ахинея и подлость... И где же тут ваш культурный ум? И чего он стоит в сравнении с нашим мужицким умом, с нашей чистой крестьянской семьей, с детьми, сколько бы их ни родилось, и без всяких паршивых рецептов?...»[3]. При таких взглядах на внутрисемейное регулирование рождаемости немудрено было и не заметить его у крестьян, даже если оно и было.

Однако сам Глеб Успенский, внимательно и трезво наблюдавший крестьянскую жизнь, судил об этом иначе: «Обстановка земледельческого труда, — говорил он, — особливо в настоящее время, когда труд этот вообще расстроен, обязывает человека к известным «расчетам» даже

---

[1] *Милютин В.* Избранные произведения. М., 1946, с. 93.
[2] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 25. М., 1937, с. 408.
[3] *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 140—141.

в самых, по-видимому, неуловимых семейных отношениях, ...обстановка эта может иногда приказать человеку сделать то-то и то-то»[1].

Вот этих-то «расчетов» *каждой отдельной семьи* в пореформенной деревне становилось все больше и больше, и они подтачивали традиционное «бескорыстное» поведение и расчищали место для нового, «рационального» поведения во всех сферах жизни, в том числе и в семейной сфере.

Уже в самом начале пореформенной эпохи раздаются жалобы на «упадок деторождения». Один из авторов разделяет причины такого «упадка» на законные и незаконные и первой среди «незаконных» причин называет намеренное увеличение матерями сроков кормления грудью «далее пределов законных»[2]. «Матери продолжают кормить грудью ребенка до четырех и до пяти лет и кормят чужого, иногда и беззубых щенят, не говоря уже об извлечении ими своего молока и более неестественным способом. Там же, где мужья уходят на заработки на год и более, матери намеренно кормят детей до тех пор, пока муж остается дома, и отнимают их, как только он уходит»[3].

Здесь уже ясное свидетельство того, что мысль об искусственном ограничении рождаемости не была чужда русской крестьянской семье (причем Ф. В. Гиляровский пишет об этом, как о новом явлении; впрочем, может быть, он идеализирует старину). В то же время обращают на себя внимание крайне примитивные методы такого ограничения. Автор — священник, видимо, неплохо знавший народный быт, не упоминает ни о каких более эффективных методах противозачатия, например о прерванном сношении — методе, о котором известный историк контрацепции Н. Хаймс писал, что он «вероятно, существует почти так же давно, как и групповая жизнь людей»[4].

Сколько-нибудь эффективные методы предотвращения зачатия или плодоизгнания не проникли в деревню еще и к началу XX в. Конечно, издавна могли быть известны средства народной медицины контрацептивного или абор-

---

[1] *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 115.

[2] См.: *Гиляровский Ф. В.* Исследования о рождении и смертности детей в Новгородской губернии. Спб., 1866, с. 50.

[3] *Там же,* с. 74.

[4] *Himes N.* Medical history of contraception. N. Y., 1963, p. 184.

тивного действия, однако знакомство с ними крестьян не следует преувеличивать. Можно ли говорить о большой осведомленности, когда «из средств, употребляемых для прерывания беременности, на первом плане стоят механические, как-то: поднимание тяжестей, прыгание со стола или скамейки, тугое бинтование и разминание живота, трясение всего тела и т. п.»[1]? А чего стоят «новые веяния», связанные с влиянием развивавшейся промышленности: «появились случаи употребления внутрь фосфора, автору известно 13 случаев, все 13 женщин умерли»[2].

О. Семенова-Тян-Шанская рассказывает о том, как жена одного помещика «помогала иногда бабам при трудных родах, давая им пить настой казацкого можжевельника (Lumiperus sabina), который рос у нее в саду» и который обладал абортивным действием. «С тех пор, как на деревне прознали про свойство этого растения (стало быть, прежде не знали. — *А. В.*), чьи-то «невидимые руки»... постоянно обрывают все кусты можжевельника (по ночам) и очевидно для целей вытравления»[3]. Говоря о вытравлении плода, О. П. Семенова-Тян-Шанская всегда имеет в виду стремление избавиться от детей, «незаконно» прижитых либо в отсутствии мужа, либо у незамужних. Лишь единственный раз она упоминает о том, что у жившей с мужем женщины «был выкидыш, очень возможно, самой ей устроенный»[4]. Но в этом случае речь шла о крестьянах не совсем «традиционных», испытавших уже влияние городской жизни.

В это время, вероятно, получает некоторое распространение и намеренное воздержание от половых отношений как способ избежать рождения детей — об этом тоже писал Г. Успенский, равно как и об умерщвлении младенцев, появившихся вопреки «расчету»[5]. Но все это только лишний раз свидетельствует о том, что в русской деревне, по крайней мере до конца прошлого столетия, внутрисемейное регулирование рождаемости, хотя и не было совершенно неизвестно, но делало лишь самые первые шаги.

---

[1] *Афиногенов А. О.* Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. Спб., 1903, с. 57.

[2] *Там же.*

[3] *Семенова-Тян-Шанская О. П.* Указ. соч., с. 40.

[4] *Там же,* с. 113.

[5] См.: *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч., т. VIII, с. 110—114.

В городах же к концу XIX в. практика ограничения рождаемости охватила, по-видимому, более широкие слои населения, и связанные с этим проблемы приобрели значительную актуальность. В 1893 г. в газете «Врач» появилась любопытная статья, автор которой яростно нападал на становившиеся все более популярными методы контрацепции. «Благодаря участию интеллигенции, увидевшей возможность чем-нибудь заняться и фигурировать в обществе..., средства «разумной осторожности» стали применяться всеми без разбора», — писал он [1]. «Средства, препятствующие зачатию, так называемые «презервативы» приобретают все более широкое распространение. В газетах печатаются о них рекламы; в аптеках, аптечных складах, инструментальных и резиновых магазинах они всегда в обилии и на самом видном месте» [2].

Автор статьи доказывал, что презервативы, равно как и coitus interruptus, чрезвычайно вредны для здоровья и утверждал, что «лучше уж совсем отказаться от полового сношения, чем умножать горе болезнями» [3]. Он с явным удовлетворением отмечал, что «на III съезде врачей в память Н. И. Пирогова был возбужден вопрос о показаниях к предупреждению зачатия, но вопрос этот был, так сказать, замят» [4].

Особое внимание общественности привлекала проблема аборта (искусственного выкидыша). В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона в статье «Выкидыш» (1892 г.) говорилось: «Искусственный выкидыш производится или врачом с целью спасения жизни матери или самой матерью и другим каким-либо лицом с преступной целью — прекратить беременность... По нашему уложению о наказаниях виновный в преступном плодоизгнании подвергается лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири» [5]. Следует, правда, заметить, что закон этот применялся, по-видимому, редко, суды присяжных, как правило, выносили оправдательные приговоры. Так или иначе, но

---

[1] *Боряковский А. Г.* О вреде средств, препятствующих зачатию. — «Врач», 1893, № 32, с. 886.

[2] *Там же.*

[3] *Там же,* с. 887.

[4] *Там же.*

[5] Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, статья «Выкидыш».

число подпольных абортов, по мнению современников, быстро росло, причем не только среди зажиточных классов.

Врачи, непосредственно сталкивавшиеся с последствиями аборта, свидетельствовали об этом. «Эпидемия выкидышей захватила и городской пролетариат... В рабочей среде стали смотреть на искусственный выкидыш как на нечто весьма обыденное и притом легко доступное. В рабочих семьях ходят по рукам адреса врачей и акушерок, делающих аборты без всяких формальностей по определенной таксе — не особенно высокой»[1]. «Аборт проник в подгородные деревни — влияние городского соблазна»[2]. Аборты делались в антисанитарных условиях, неумело, доходило до того, что женщины «сами себе делали аборты вязальными иглами, перьями, палочками и пр.»[3], все это несло огромный вред здоровью женщин.

Передовая русская общественность требовала отмены уголовного преследования врачей и пациентов за производство аборта, но, как показало обсуждение этого вопроса на Пироговском съезде в 1913 г., даже среди врачей были сторонники запрета аборта. Дискуссия на Пироговском съезде вызвала широкий общественный отклик, через несколько дней после ее окончания в «Правде» появилась статья В. И. Ленина, в которой он поддерживал требование «безусловной отмены всех законов, преследующих аборт или за распространение медицинских сочинений о предохранительных мерах и т. п.»[4]. В. И. Ленин видел в этом охрану «азбучных демократических прав гражданина и гражданки»[5].

На Пироговском съезде говорилось и о контрацепции как альтернативе аборта. «Единственным практическим средством, уже в настоящее время значительно ограничивающим производство незаконного выкидыша и обещающим в будущем еще гораздо более значительное вытеснение этого зла, являются меры, предохраняющие

---

[1] *Вигдорчик Н. А.* Детская смертность среди петербургских рабочих. — «Общественный врач», 1914, № 2, с. 217.

[2] Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова. Двенадцатый Пироговский съезд. Вып. II. Спб., 1913, с. 211.

[3] *Там же,* с. 92.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 257.

[5] *Там же.*

от беременности. Нужно устремиться к усовершенствованию и распространению этих мер»[1].

Чрезвычайно высокая рождаемость в дореволюционной России — неоспоримое свидетельство того, что ни аборты, ни контрацепция не проникли еще по-настоящему в толщу населения, и хотя практика внутрисемейного регулирования рождаемости была более или менее известна городскому жителю, крестьянское большинство населения России было с ней мало знакомо.

Внебрачная рождаемость. Внебрачная рождаемость в дореволюционной России была незначительной и в изучаемый нами период имела тенденцию к сокращению.

Таблица 8

ДОЛЯ ВНЕБРАЧНЫХ РОЖДЕНИЙ В ОБЩЕМ ЧИСЛЕ РОЖДЕНИЙ, %

	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.
Европейская Россия	2,9	2,7	2,7	2,6	2,3
в том числе:					
города	14,9	11,7	11,3	9,4	8,8
из них:					
важнейшие	...	17,8	17,2	13,4	12,1
прочие	...	4,6	3,9	3,9	4,1
уезды	2,4	1,9	1,8	1,8	1,5

Относительно высокой внебрачная рождаемость была только в «важнейших» городах (хотя следует иметь в виду, что показатели для этих городов, вероятно, завышены из-за регистрации в них подкинутых детей, родившихся в других местах), в целом же по Европейской России она была намного ниже, чем в большинстве европейских стран, и не могла оказывать на общий уровень рождаемости ощутимого влияния.

Рождаемость в Европейской России как итог взаимодействия различных факторов. Материалы текущего учета рождаемости ЦСК и данные переписи населения 1897 г. позволяют дать количественную оценку влияния каждого из рассмотренных выше факторов на общий уровень рождаемости в конце прошлого века. Оценка может

[1] Двенадцатый Пироговский съезд. Вып. II, с. 88.

быть сделана с помощью системы индексов, предложенных Э. Коулом [1].

Таблица 9

ИНДЕКСЫ РОЖДАЕМОСТИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1896—1897 ГГ. И В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ОКОЛО 1900 Г.

Государства	I_f	I_g	I_m	I_h	Государства	I_f	I_g	I_m
Европейская Россия	0,54	0,76	0,69	0,047	Ирландия	0,23	0,74	0,31
в том числе:					Франция	0,24	0,38	0,57
городское население	0,39	0,66	0,56	0,044	Англия и Уэльс	0,27	0,54	0,48
сельское население	0,56	0,78	0,71	0,019	США	0,29	0,49	0,58
группы губерний:					Австралия	0,29	0,58	0,47
I	0,49	0,74	0,63	0,065	Швеция	0,30	0,64	0,41
II	0,59	0,79	0,74	0,033	Португалия	0,35	0,68	0,46
III	0,59	0,76	0,76	0,047	Богемия	0,36	0,62	0,52
IV	0,48	0,74	0,64	0,037	Венгрия	0,42	0,59	0,67
V	0,56	0,78	0,68	0,076	Румыния	0,45	0,65	0,73
VI	0,29	0,57	0,49	0,032	Сербия	0,47	0,65	0,79
					Болгария	0,50	0,72	0,73

Источники: *Coale A. J.* Factors asscіated with the development of low fertility. World Population Conference, U. N. N. Y., 1966, v. II, p. 209; *Livi Bacci M.* A century of Portuguese fertility. Princeton, 1971, p. 56; *Tekse K.* Some fertility patterns in Central and Southern Europe before World War I. International symposium on the problems of the human reproduction. Varna, 1968, tables 1—3.

В табл. 9 приведены исчисленные нами соответствующие индексы для всего населения Европейской России и отдельных его частей. Для сравнения в таблице даны также аналогичные индексы и по ряду других стран.

[1] Если w_i — число всех женщин i-й возрастной группы, m_i — число замужних женщин, u_i — число женщин, не состоящих в браке, g_i — возрастные коэффициенты брачной рождаемости, h_i — возрастные коэффициенты внебрачной рождаемости, F_i — возрастные коэффициенты брачной рождаемости гуттеритов, принятые за стандарт (для гуттеритов — членов небольшой религиозной секты в США — характерны хорошее состояние здоровья и, следовательно, высокая реальная плодовитость и в то же время полное отсутствие внутрисемейного регулирования рождаемости), то: индекс общей рождаемости $I_f = \frac{\Sigma f_i w_i}{\Sigma F_i w_i}$; индекс брачной рождаемости $I_g = \frac{\Sigma g_i m_i}{\Sigma F_i w_i}$, индекс доли состоящих в браке $I_m = \frac{\Sigma F_i m_i}{\Sigma F_i w_i}$; индекс внебрачной рождаемости $I_h = \frac{\Sigma h_i u_i}{\Sigma F_i u_i}$.

Индексы Коула связаны между собой следующим соотношением:

$$I_f = I_g I_m + (1 - I_m)\, I_h.$$

Как следует из данных табл. 9, индекс внебрачной рождаемости в Европейской России в конце прошлого века был весьма мал, стало быть, и вся величина $(1 - I_m) I_h$ ничтожно мала (порядка 0,01—0,02). Если пренебречь этой незначительной величиной, то $I_f = I_g I_m$. Таким образом, решающее влияние на индекс общей рождаемости, т. е. на отклонение фактической рождаемости от гипотетического максимума (рождаемости гуттеритов), оказывают особенности брачной рождаемости и брачной структуры населения.

Значения I_f, приведенные в табл. 9, свидетельствуют о том, что очень высокая рождаемость, наблюдавшаяся в Европейской России в самом конце XIX в., была почти вдвое ниже гипотетического максимума. Порайонные различия в рождаемости говорят еще и о том, что в целом по европейской части страны она была существенно ниже максимума, возможного в тогдашней России. Даже если оставить в стороне прибалтийские губернии, существовала обширная зона, охватывавшая неземледельческо-промышленные, западные и юго-западные губернии (около 40% населения Европейской России), в которых происходили процессы, оказывавшие заметное понижающее влияние на общий уровень рождаемости в стране.

Эти процессы, по-видимому, пока почти не затронули уровня брачной рождаемости — ее индекс оставался самым высоким в Европе, выше, даже чем в католической Ирландии, славившейся неприятием ограничения рождаемости в браке. Даже у городского населения Европейской России индекс брачной рождаемости был выше, чем у всего населения большинства указанных в табл. 9 европейских государств и передовых по тому времени капиталистических стран на других континентах (исключение составляют лишь Ирландия, Болгария и Португалия).

В целом по Европейской России брачная рождаемость составляла около 76% брачной рождаемости гуттеритов, которую можно рассматривать как близкую к физиологическому максимуму. Принятым в расчете значениям F_i соответствует 12,4 рождения на одну женщину, прожившую в браке на протяжении всего репродуктивного периода своей жизни. Стало быть, в России в конце

прошлого века замужняя женщина (также состоявшая в браке на протяжении всего репродуктивного периода) рожала в среднем 9,4 ребенка. Но реальная плодовитость в России, как мы видели, была ниже, чем у гуттеритов (10—11 детей), так что по отношению к этой реальной плодовитости фактическая рождаемость составляла в среднем 90%.

Однако и остающаяся разница примерно в 10% не может быть отнесена целиком на счет внутрисемейного регулирования рождаемости, поскольку существовал такой фактор, как длительные разлуки супругов. Таким образом, если в конце прошлого века в европейской части России и существовало внутрисемейное регулирование рождаемости (по-видимому, в основном в городах), то его распространение и влияние были незначительными и снижали брачную рождаемость против ее максимально возможного в условиях того времени уровня менее чем на 10%.

Обращает на себя внимание незначительность порайонных различий индекса брачной рождаемости (особняком стоят лишь прибалтийские губернии). Стало быть, объяснение порайонной дифференциации рождаемости в дореволюционной России надо искать не в особенностях репродуктивного поведения супругов, которое было достаточно однородным. За исключением Прибалтики, новое репродуктивное поведение в конце прошлого века нигде не получило существенного распространения.

Иначе обстояло дело с влиянием брачной структуры. Индекс доли состоящих в браке в Европейской России конца прошлого века был довольно высоким, но все же не самым высоким в Европе. Значения этого индекса, приведенные в табл. 9, свидетельствуют о заметной территориальной дифференциации матримониального поведения, а следовательно, и его влияния на рождаемость.

В целом по Европейской России за счет того, что не все женщины репродуктивного возраста были замужем, рождаемость должна была бы составлять 69% гипотетического максимума. Однако у городского населения, равно как и у населения некоторых из выделенных нами групп губерний, понижающее влияние этого фактора на рождаемость было гораздо более значительным. Даже если снова оставить в стороне прибалтийские губернии, индекс доли состоящих в браке был довольно низким в неземледельческо-промышленных, западных и юго-за-

падных губерниях — ниже, чем в странах Восточной Европы, и лишь примерно на 10% выше, чем в США или во Франции. В то же время в основных земледельческих губерниях этот индекс оставался очень высоким — более высокий был зарегистрирован только в Сербии.

Из данных табл. 9 ясно видно, что различия в брачной структуре населения Европейской России были главным фактором территориальной дифференциации рождаемости и фактором, в наибольшей мере определявшим отклонение уровня рождаемости от гипотетического максимума. В свою очередь, как было показано выше, сами различия в брачной структуре во многом были следствием социально-экономических процессов, характерных для пореформенной России, так что неоднородность брачной структуры заметно увеличилась уже во второй половине XIX в.

Вызванные изменениями в брачности снижение рождаемости и дифференциация ее показателей у разных частей населения страны сами по себе свидетельствуют о начавшемся отходе от традиционной системы регулирования демографического поведения людей. Однако изменения в матримониальном поведении и соответственно в брачной структуре населения Европейской России в прошлом веке были все же не очень большими. Кроме того, накопленный к настоящему времени опыт демографического развития многих стран, в том числе и СССР, говорит о том, что этот этап эволюции рождаемости всегда оказывается промежуточным, преходящим. За ним следует переход к активному внутрисемейному регулированию рождаемости, в результате чего регулирование ее через брачность утрачивает свое значение.

Исчисленные нами индексы рождаемости относятся к концу XIX в., изменения в демографическом поведении продолжались и, возможно, даже ускорились в первые десятилетия нашего века. Тем не менее без большого риска ошибиться можно утверждать, что вплоть до самой революции изменения в демографическом поведении в Европейской России, бывшей наиболее развитой частью всей России, не носили кардинального характера и дают основания говорить только о самых ранних стадиях перехода к современному типу рождаемости, главная черта которого — повсеместное распространение, общепринятость внутрисемейного регулирования деторождения.

О. В. Марченко

ИНДЕКСЫ РОЖДАЕМОСТИ ПО 50 ГУБЕРНИЯМ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В КОНЦЕ XIX в.

В предыдущей статье приведены индексы рождаемости (по Э. Коулу) для 6 групп губерний Европейской России[1]. Ценность такого обобщенного подхода к изучению влияния брачной структуры женского населения, с одной стороны, и внутрисемейного регулирования деторождения — с другой, на формирование общего уровня рождаемости бесспорна. Он позволяет сразу получить представление об основных региональных различиях в факторах рождаемости.

Однако для более подробного анализа одних только обобщенных данных недостаточно, ибо даже внутри относительно однородных групп губерний возможны значительные погубернские различия. Поэтому для целей углубленного анализа особенностей рождаемости в России в конце XIX в. нами были рассчитаны индексы рождаемости для городского, сельского и всего населения каждой из 50 губерний Европейской России. Источниками данных для расчета послужили материалы первой Всероссийской переписи населения 1897 г. (погубернские итоги), а также материалы текущего учета рождаемости за 1896 и 1897 гг.[2].

Ниже приводятся результаты наших расчетов.

---

[1] Об индексах рождаемости см. с. 131 настоящего сборника.

[2] См.: «Естественное движение населения Европейской России» за эти годы.

ИНДЕКСЫ РОЖДАЕМОСТИ И ДОЛИ СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ ПО Э. КОУЛУ ПО 50 ГУБЕРНИЯМ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ 1896—1897 ГГ.

	Губернии	Индекс общей рождаемости (I_f)			Индекс брачной рождаемости (I_g)			Индекс доли состоящих в браке (I_m)		
		городское население	сельское население	все население	городское население	сельское население	все население	городское население	сельское население	все население
	А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Архангельская	0,34	0,46	0,45	0,66	0,69	0,69	0,45	0,64	0,62
2	Астраханская *	0,50	0,38	0,40	0,77	0,43	0,47	0,60	0,85	0,81
3	Бессарабская	0,38	0,48	0,46	0,57	0,62	0,61	0,64	0,76	0,74
4	Виленская	0,30	0,43	0,42	0,54	0,72	0,70	0,50	0,58	0,57
5	Витебская	0,33	0,45	0,43	0,64	0,76	0,74	0,49	0,58	0,56
6	Владимирская	0,45	0,56	0,54	0,70	0,77	0,76	0,60	0,72	0,70
7	Вологодская	0,36	0,49	0,48	0,65	0,76	0,76	0,49	0,62	0,61
8	Волынская	0,38	0,51	0,51	0,60	0,72	0,71	0,60	0,71	0,70
9	Воронежская	0,29	0,68	0,66	0,43	0,83	0,81	0,61	0,83	0,81
10	Вятская	0,30	0,58	0,57	0,52	0,80	0,79	0,53	0,69	0,69
11	Гродненская	0,34	0,48	0,46	0,59	0,72	0,70	0,56	0,65	0,64
12	Донского Войска	0,45	0,62	0,60	0,62	0,75	0,73	0,63	0,82	0,80
13	Екатеринославская	0,50	0,69	0,66	0,75	0,89	0,87	0,63	0,76	0,74
14	Казанская	0,39	0,57	0,55	0,61	0,83	0,81	0,58	0,68	0,67
15	Калужская	0,40	0,57	0,56	0,66	0,93	0,91	0,54	0,61	0,60
16	Киевская	0,39	0,56	0,54	0,65	0,84	0,76	0,54	0,69	0,68
17	Ковенская	0,32	0,37	0,37	0,60	0,71	0,71	0,50	0,51	0,51
18	Костромская	0,39	0,54	0,53	0,65	0,76	0,75	0,54	0,69	0,69
19	Курляндская	0,29	0,29	0,29	0,56	0,54	0,54	0,50	0,52	0,52
20	Курская	0,50	0,60	0,59	0,80	0,79	0,79	0,62	0,76	0,74
21	Лифляндская	0,25	0,30	0,29	0,51	0,60	0,57	0,45	0,48	0,47
22	Минская	0,36	0,51	0,50	0,64	0,83	0,83	0,55	0,61	0,60
23	Могилевская	0,36	0,53	0,51	0,63	0,91	0,89	0,55	0,57	0,57
24	Московская	0,31	0,55	0,44	0,45	0,77	0,64	0,51	0,69	0,61
25	Нижегородская	0,34	0,60	0,58	0,53	0,78	0,76	0,60	0,75	0,74
26	Новгородская	0,36	0,53	0,51	0,70	0,80	0,79	0,46	0,64	0,62
27	Олонецкая	0,38	0,51	0,50	0,53	0,80	0,78	0,68	0,63	0,63
28	Оренбургская	0,57	0,66	0,66	0,77	0,82	0,81	0,72	0,80	0,79
29	Орловская	0,33	0,63	0,60	0,51	0,84	0,81	0,59	0,74	0,72
30	Пензенская	0,52	0,62	0,61	0,80	0,79	0,79	0,63	0,78	0,76
31	Пермская	0,43	0,61	0,60	0,68	0,79	0,78	0,57	0,74	0,72
32	Подольская	0,43	0,51	0,50	0,67	0,68	0,68	0,62	0,73	0,72
33	Полтавская	0,52	0,55	0,55	0,86	0,76	0,77	0,57	0,71	0,70
34	Псковская	0,37	0,50	0,49	0,64	0,79	0,78	0,53	0,60	0,60
35	Рязанская	0,41	0,60	0,59	0,65	0,79	0,77	0,63	0,76	0,75
36	Самарская	0,55	0,67	0,66	0,77	0,68	0,87	0,68	0,76	0,75
37	Санкт-Петербургская	0,28	0,42	0,32	0,47	0,66	0,54	0,47	0,61	0,51
38	Саратовская	0,55	0,63	0,61	0,75	0,77	0,75	0,69	0,81	0,79

Продолжение

	Губернии	Индекс общей рождаемости (I_f)			Индекс брачной рождаемости (I_g)			Индекс доли состоящих в браке (I_m)		
		городское население	сельское население	все население	городское население	сельское население	все население	городское население	сельское население	все население
	А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
39	Симбирская	0,50	0,55	0,55	0,76	0,83	0,82	0,63	0,66	0,66
40	Смоленская	0,38	0,60	0,58	0,60	0,85	0,84	0,56	0,69	0,68
41	Таврическая	0,49	0,64	0,61	0,74	0,79	0,78	0,63	0,80	0,76
42	Тамбовская	0,56	0,57	0,57	0,84	0,73	0,73	0,63	0,78	0,77
43	Тверская	0,25	0,74	0,69	0,46	0,80	0,77	0,52	0,92	0,87
44	Тульская	0,51	0,62	0,61	0,78	0,80	0,80	0,61	0,77	0,75
45	Уфимская	0,42	0,63	0,57	0,71	0,81	0,80	0,66	0,70	0,70
46	Харьковская	0,45	0,66	0,63	0,69	0,83	0,81	0,61	0,79	0,76
47	Херсонская	0,42	0,63	0,56	0,67	0,81	0,78	0,58	0,76	0,70
48	Черниговская	0,43	0,55	0,54	0,73	0,76	0,76	0,56	0,71	0,69
49	Эстляндская	0,26	0,32	0,31	0,54	0,60	0,59	0,44	0,51	0,50
50	Ярославская	0,41	0,44	0,43	0,69	0,73	0,72	0,53	0,58	0,57

* Низкая величина индексов рождаемости сельского населения Астраханской губернии объясняется, вероятно, значительным недоучетом рождений.

М. С. Тольц

БРАЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Брачность — одна из наименее исследованных областей демографической истории дореволюционной России. Главная причина этого — традиционная для прошлого недооценка значения процесса создания и распадения супружеских пар для воспроизводства населения. Существуют значительные трудности и ввиду ограниченности статистических данных. В России до революции была проведена лишь одна всеобщая перепись населения. Только для 50 губерний Европейской России ЦСК с 1867 г. была налажена сводка материалов статистики естественного движения населения. В настоящей статье брачность рассматривается в этих губерниях, где по данным переписи 1897 г. проживало $^2/_3$ населения страны.

Возраст вступления в первый брак. Для населения дореволюционной России было характерно раннее вступление в брак, хотя к концу XIX в. в Европе были государства и с более ранней женской брачностью, чем в Европейской России (см. табл. 1).

Дж. Хаджнал разработал методику исчисления средних возрастов вступления в первый брак по данным переписей — расчетных (singulate) средних возрастов вступления в первый брак[1]. Получаемые по этой методике показатели сопоставимы как по территории, так и во времени. Как видно из данных табл. 2, где приведены эти показатели, возраст вступления в первый брак в Европейской России у женщин был выше, чем в Болгарии, Румынии, Сербии, но ниже, чем в западноевропейских странах.

---

[1] *Hajnal J.* Age at marriage and proportions marrying. — «Population Studies», 1953, № 2, p. 129—131.

Таблица 1

ДОЛИ НИКОГДА НЕ СОСТОЯВШИХ В БРАКЕ В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ., %

Страны	Женщины		Мужчины	
	Возрастные группы			
	20—24	45—49	20—24	45—49
Ирландия	86	17	96	20
Швеция	80	19	92	13
Великобритания	73	15	83	12
Германия	71	10	91	9
Италия	60	11	86	11
Франция	58	12	90	11
Европейская Россия *	35	5	54	4
Болгария	24	1	58	3
Румыния	20	3	67	5
Сербия	16	1	50	3

* Оценка автора.

Источник. *Hajnal J.* European marriage patterns in perspective. — In: Population in history. London, 1965, p. 102—103.

Таблица 2

РАСЧЕТНЫЕ СРЕДНИЕ ВОЗРАСТА ВСТУПЛЕНИЯ В ПЕРВЫЙ БРАК В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ НА РУБЕЖЕ XIX И XX ВВ.

Страны	Женщины	Мужчины
Швеция	27,5	29,5
Англия и Уэльс	26,2	27,3
Германия	25,4	...
Италия	23,6	27,5
Европейская Россия *	21,4	24,2
Болгария	20,8	24,2
Румыния	20,3	24,5
Сербия	20,1	23,0

* Оценка автора.

Источник. *Sklar J.* The role of marriage behaviour in the demographic transition: the case of Eastern Europe around 1900. — «Population Studies», 1974, № 2, p. 232, 245.

Приведенные данные о возрасте вступления в первый брак относятся к населению Европейской России в целом. Однако существовали значительные различия в брачности городского и сельского населения, заслуживающие специального рассмотрения. Ранняя брачность, свойственная в целом населению Европейской России, являлась отражением особенностей брачности преобладающей его части — жителей села.

Таблица 3

ЧИСЛО НИКОГДА НЕ СОСТОЯВШИХ В БРАКЕ НА 100 ЛИЦ ДАННОГО ПОЛА И ВОЗРАСТА СРЕДИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1897 Г.

Возрастные группы	Мужчины		Женщины	
	город	село	город	село
15—19	98	95	91	87
20—29	60	35	38	20
30—39	18	6	16	6
40—49	11	3	12	4

Городское население отличалось от сельского существенно более поздним возрастом вступления в брак. Расчетный средний возраст вступления в первый брак для женщин составлял 21,2 года на селе и 23,1 года в городах. Особенно значительными различия в брачном возрасте были у мужчин. Если для сельских жителей расчетный средний возраст вступления в первый брак равнялся 23,5 года, то для горожан он составлял 26,6 года.

Уровень окончательного безбрачия. Брачность в дореволюционной России была не только ранней, но и почти всеобщей. Как видно из данных табл. 1, лишь 4% мужчин и 5% женщин оставались вне брака к возрасту 45—49 лет.

Наиболее низкими были показатели безбрачия у крестьянства, составлявшего подавляющее большинство населения страны. Среди сельского населения только 3% мужчин и 4% женщин, достигших возраста 40—49 лет, оставались вне брака. Уровень безбрачия городского населения был существенно более высоким: по переписи 1897 г. в городах свыше 10% мужчин и женщин никогда не вступали в брак (см. табл. 3).

Несмотря на то что в сельском населении доля женщин была выше, чем в городском [1], в нем во всех возрастах наблюдался более высокий удельный вес замужних, что было тесно связано со всем укладом жизни русской деревни [2].

Таблицы брачности девиц. Наиболее полное и строгое описание процесса вступления в первый брак дают, как известно, таблицы брачности девиц и холостяков. Однако

[1] См.: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. М., 1956, с. 270—273.

[2] Подробнее об этом см. статью Б. Н. Миронова в настоящем сборнике.

построение таких таблиц по материалам дореволюционной русской статистики стало возможно лишь недавно благодаря модели, предложенной Э. Коулом, и то лишь для девиц (см. приложение к статье). Решения аналогичной задачи для холостяков эта модель не дает.

Анализ построенных нами таблиц брачности девиц подтверждает то общее представление, которое можно получить на основе более грубых показателей. Чистая таблица свидетельствует о том, что брачность в дореволюционной России была ранней. Если бы девицы, дожившие до 15 лет, не умирали по достижении 50-летия, то почти $^1/_2$ из них выходила бы замуж до 21 года и свыше $^2/_3$ — до 23 лет. В то же время сверхранняя брачность не имела широкого распространения. Лишь 2,5% девиц выходили замуж, не достигнув 17 лет. Наиболее бурно процесс вступления в брак протекал в возрасте от 18 до 22 лет, максимальное число замужеств приходилось на возраст 20 лет. Из всех девиц, достигших брачного возраста, никогда не выходили замуж лишь 5%. После 23 лет вероятность для девицы когда-либо выйти замуж падала и к 40 годам становилась ничтожной.

Комбинированная таблица позволяет оценить влияние смертности на процесс вступления в первый брак. Если при отсутствии смертности из каждых 10 000 девиц к 50 годам замуж не выходило бы только 494, то из-за того, что часть девиц умирала, не достигнув возраста вероятного замужества, в брак не вступало 890 девиц, из них только 355 (40%) доживало до 50 лет.

Овдовение. При высоком уровне смертности, который был в России в конце XIX в., овдовение было достаточно частым явлением, но по переписи населения 1897 г. доля вдовых в населении была не столь велика, так как значительная часть овдовевших вступала в повторные браки.

Чтобы представить себе истинную частоту овдовения, необходимо воспользоваться таблицей овдовения. Такая таблица, построенная Л. Е. Дарским на основе нашей таблицы брачности женщин (см. табл. 4) и таблиц смертности мужчин и женщин за 1896—1897 гг.[1], показала, что для женщин, вступавших в брак в среднем в 21 год, средняя продолжительность предстоящей жизни в этом возрасте составляла 40,45 лет, а средняя предстоящая

[1] См.: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927. Таблицы смертности. М.—Л., 1930.

Таблица 4

ТАБЛИЦЫ БРАЧНОСТИ ДЕВИЦ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ЗА 1897 Г.

Возраст в годах (x)	Комбинированная таблица					Чистая таблица		
	Число девиц, доживающих до возраста x лет (S_x)	Вероятность вступить в первый брак	Вероятность умереть, не вступив в первый брак	Число вступающих в первый брак	Число умирающих, не вступив в первый брак	Число девиц в возрасте x лет (S'_x)	Чистая (независимая) вероятность вступить в первый брак	Число вступающих в первый брак
		от x до $x+1$ лет					от x до $x+1$ лет	
		(b_x)	(q_x)	(B_x)	(M_x)		(b'_x)	(B'_x)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
15	10 000	0,0034	0,0053	34	53	10 000	0,0034	34
16	9 913	0,0213	0,0056	211	56	9 966	0,0214	213
17	9 646	0,0620	0,0057	598	55	9 753	0,0622	607
18	8 993	0,1161	0,0059	1 044	53	9 146	0,1165	1 066
19	7 896	0,1664	0,0059	1 314	47	8 080	0,1669	1 349
20	6 535	0,2038	0,0060	1 332	39	6 731	0,2045	1 376
21	5 164	0,2267	0,0062	1 171	32	5 355	0,2275	1 218
22	3 961	0,2367	0,0064	938	25	4 137	0,2376	983
23	2 998	0,2369	0,0066	710	20	3 154	0,2378	750
24	2 268	0,2288	0,0069	519	16	2 404	0,2297	552
25	1 733	0,2145	0,0071	372	12	1 852	0,2154	399
26	1 349	0,1948	0,0073	263	10	1 453	0,1956	284
27	1 076	0,1713	0,0075	184	8	1 169	0,1720	201
28	884	0,1457	0,0076	129	7	968	0,1463	142
29	748	0,1197	0,0079	90	6	826	0,1202	99
30	652	0,0957	0,0082	62	5	727	0,0961	70
31	585	0,0741	0,0085	43	5	657	0,0744	49
32	537	0,0560	0,0088	30	5	608	0,0563	34
33	502	0,0416	0,0092	21	5	574	0,0418	24
34	476	0,0304	0,0095	14	5	550	0,0305	17
35	457	0,0219	0,0098	10	4	533	0,0220	12
36	443	0,0154	0,0101	7	4	521	0,0155	8
37	432	0,0110	0,0103	5	4	513	0,0111	6
38	423	0,0077	0,0105	3	4	507	0,0077	4
39	416	0,0054	0,0107	2	4	503	0,0054	3
40	410	0,0036	0,0112	1	5	500	0,0036	2
41	404	0,0024	0,0113	1	5	498	0,0024	1
42	398	0,0018	0,0119	1	5	497	0,0018	1
43	392	0,0012	0,0124	0	5	496	0,0012	1
44	387	0,0008	0,0129	1	5	495	0,0008	0
45	381	0,0005	0,0134	0	5	495	0,0005	1
46	376	0,0003	0,0139	0	5	494	0,0003	0
47	371	0,0002	0,0144	0	5	494	0,0002	0
48	366	0,0001	0,0150	0	5	494	0,0001	0
49	361	0,0000	0,0156	0	6	494	0,0000	0
50	355					494		

длительность жизни в браке — только 29,4 года[1]. Уже к возрасту 31 год среди не состоявших в браке женщин доля единожды овдовевших была выше доли никогда не вступавших в брак, к 50 годам хотя бы единожды овдовевшими оказывались свыше 25% женщин, к 62 годам — половина, к 74 годам — свыше 75%. Понятно, что если бы не повторные браки, то доля вдов в населении, особенно в старших возрастах, была бы значительно выше, чем она была в действительности.

Таблица 5

ДОЛЯ ВДОВЫХ В НАСЕЛЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1897 Г., %

Возрастные группы	Мужчины	Женщины
20—29	0,5	1,3
30—39	1,4	5,4
40—49	4,0	14,2
50—59	10,3	29,1
60 лет и старше	31,4	57,9

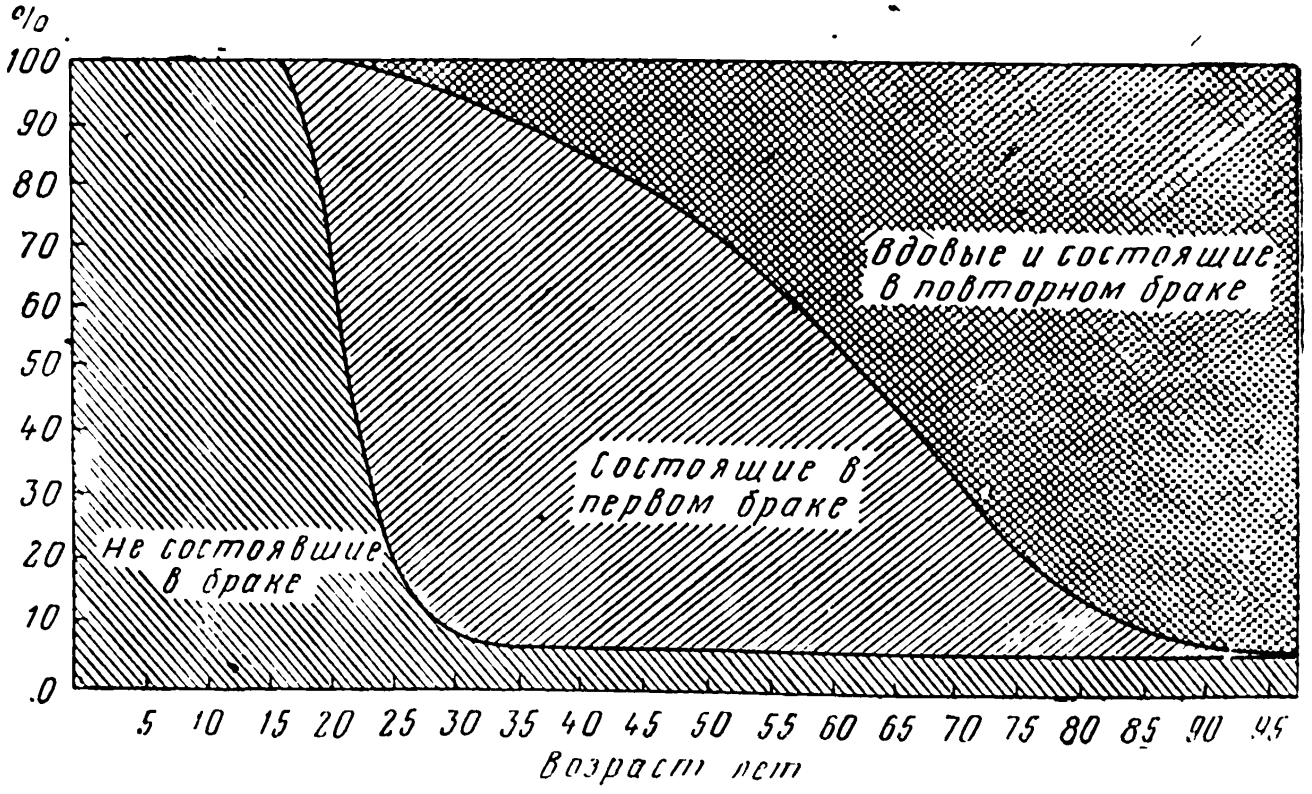

Рис. 1. Структура стационарного населения по брачному состоянию (Европейская Россия, 1896—1897 гг., женщины)

[1] Вся таблица овдовения слишком громоздка, чтобы приводить ее здесь, поэтому ограничимся некоторыми результатами (см. рис. 1).

Косвенно это подтверждается примером Индии, где обычаи не допускали повторных браков вдов. В первой половине нашего века уровень смертности в Индии был примерно таким же, как в России в конце прошлого века, а доля вдов в населении — намного выше. Так, по переписи 1931 г. доля вдов в возрасте 40—49 лет была 44% против 14% в России, а в возрасте 50—59 лет — 65% против 29% в России.

Таблица 6

БРАЧНОЕ СОСТОЯНИЕ ЖЕНЩИН В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1897 Г.

Возрастные группы	Доля женщин, овдовевших в первом браке *	Доля состоявших в браке			Доля вдов *
		всего *	в первом **	в повторном **	
	в % к общему числу женщин в возрастной группе				
20—29	2,67	75,93	74,59	1,34	1,33
30—39	10,15	87,32	82,59	4,73	5,42
40—49	23,34	80,40	71,30	9,10	14,24
50—59	35,12	65,91	59,86	6,05	29,07
60 лет и старше	63,25	36,11	30,79	5,32	57,93

* По переписи.
** Оценка с помощью таблицы овдовения.

Сравнение данных переписи и таблицы овдовения позволяет получить оценку соотношения состоящих в первом и повторном браке. Как видно из приведенных в табл. 6 оценок, почти половина овдовевших в молодых возрастах состояла в повторных браках.

Разводы. В дореволюционной России разводы были редкостью, особенно среди православных, составлявших подавляющее большинство населения (см. табл. 7), а также среди католиков.

Таблица 7

ДИНАМИКА РАЗВОДОВ СРЕДИ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1867—1886 ГГ.

Периоды	Среднегодовое число разводов	Число разводов на 1000 человек
1867—1871 гг.	722	0,013
1872—1876 гг.	823	0,014
1877—1881 гг.	821	0,013
1882—1886 гг.	1 023	0,016

Источник. Статистические данные о разводах и недействительных браках за 1867—1886 гг. (по епархиям Европейской России). Спб., 1893, с. 8.

Основанием для развода служили преимущественно такие причины, как «безвестное отсутствие» и «лишение всех прав состояния одного из супругов». В середине XIX в. лишь ничтожное количество разводов обосновывалось «доказанным прелюбодеянием» либо «неспособностью к супружеской жизни».

К началу XX в. доля разводов ввиду «доказанного прелюбодеяния» возросла до 95% всех разводов. В 1912 г. число разводов среди православного населения России, насчитывавшего около 115 млн. человек, составило всего 3532[1].

Повторные браки. Повторные браки были широко распространены в дореволюционной России. Однако на протяжении всего пореформенного периода прослеживается четкая тенденция к снижению доли повторных браков.

Таблица 8

ДИНАМИКА ДОЛИ ПОВТОРНЫХ БРАКОВ В ОБЩЕМ ЧИСЛЕ БРАКОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ, %

Периоды	Мужчины	Женщины
1867—1870 гг.	19,2	13,5
1871—1875 гг.	18,3	12,9
1876—1880 гг.	17,4	11,6
1881—1885 гг.	16,6	10,8
1886—1890 гг.	15,2	10,0
1891—1895 гг.	16,4	9,9
1896—1900 гг.	14,1	8,4
1901—1905 гг.	14,0	8,1
1906—1910 гг.	14,2	8,9

Исчислено по данным ежегодников «Движение населения в Европейской России...» за соответствующие годы.

Снижение частоты повторных браков было почти непрерывным и весьма значительным. Данные табл. 8 могут быть дополнены данными о снижении доли холостяков, вступивших в брак со вдовами. За три десятилетия (1871—1875 гг. — 1901—1905 гг.) она упала в 2 раза. Сокращение частоты браков девиц со вдовцами было выражено слабее.

[1] См.: *Уиппль Дж. Ч., Новосельский С. А.* Основы демографической и санитарной статистики, с. 480.

Таблица 9

ДИНАМИКА ДОЛИ БРАКОВ СО ВДОВАМИ И ВДОВЦАМИ В ОБЩЕМ ЧИСЛЕ БРАКОВ, ЗАКЛЮЧАЕМЫХ ХОЛОСТЫМИ МУЖЧИНАМИ И ДЕВИЦАМИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ, %

Периоды	Доля холостых мужчин, женившихся на вдовах	Доля девиц, вышедших замуж за вдовцов
1867—1870 гг.	5,5	11,8
1871—1875 гг.	5,2	11,1
1876—1880 гг.	4,3	10,6
1881—1885 гг.	4,0	10,0
1886—1890 гг.	3,4	8,9
1891—1895 гг.	3,4	10,4
1896—1900 гг.	2,9	9,0
1901—1905 гг.	2,6	8,9
1906—1910 гг.	3,3	8,9

Исчислено по данным ежегодников «Движение населения в Европейской России...» за соответствующие годы.

Общая тенденция, прослеживающаяся по данным табл. 8 и 9, находится в несомненной связи со снижением смертности, которое происходило в России в этот период [1]. Снижение смертности могло влиять на распространение повторных браков двояко: с одной стороны, уменьшая число овдовевших, с другой — через снижение детской смертности, что должно было сокращать шансы вдов на замужество.

В то же время было бы, вероятно, неверно видеть в снижении смертности единственную причину уменьшения частоты повторных браков. В пореформенной России происходили существенные сдвиги в укладе семейной жизни, и это не могло не оказывать влияния и на брачные обычаи. Интересно отметить, что частота гомогенных браков между вдовами и вдовцами претерпела лишь незначительные изменения на протяжении всего рассматриваемого периода (см. табл. 10).

По-видимому, стремление к вступлению в брак вдов и вдовцов не уменьшилось, тогда как раннее вступление в брак холостых мужчин и девиц уже не было столь обязательным, не диктовалось с такой настоятельностью, как прежде, всем укладом жизни.

[1] См.: Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926—1927. Таблицы смертности.

Таблица 10

ДИНАМИКА ДОЛИ БРАКОВ СО ВДОВАМИ И ВДОВЦАМИ В ОБЩЕМ ЧИСЛЕ ПОВТОРНЫХ БРАКОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ, %

Периоды	Доля повторных браков, %	
	вдовцы со вдовами	вдовы со вдовцами
1867—1870 гг.	47	67
1871—1875 гг.	47	67
1876—1880 гг.	46	69
1881—1885 гг.	45	69
1886—1890 гг.	47	71
1891—1895 гг.	43	71
1896—1900 гг.	42	71
1901—1905 гг.	42	72
1906—1910 гг.	43	68

Исчислено по данным ежегодников «Движение населения в Европейской России...» за соответствующие годы.

Повторные браки по возрасту вступающих в брак. Статистика дореволюционной России не оставила нам данных о распределении вступающих в брак лиц различных брачных состояний по возрасту. Однако показатели чистой таблицы брачности позволяют оценить распределение первых браков по возрастам и найти для женщин числа повторных браков[1]. Общее число первых браков, полученное нами при расчете, оказалось на 8% больше, чем по данным ЦСК в среднем за 1896—1897 гг.

[1] Числа первых браков могут быть получены по формуле

$$B^1_x = \beta_x w_x ,$$

где β_x — коэффициенты брачности девиц, а w_x — числа девиц в возрасте x на момент переписи 1897 г.

Коэффициенты брачности девиц получаем через величины чистых вероятностей вступления в первый брак:

$$\beta_x = \frac{2b'_x}{2 - b'_x} .$$

Числа девиц находим по формуле

$$w_x = 0{,}0001 L_x W_x .$$

В этой формуле L_x — получаемые из таблицы брачности средние числа девиц в возрастном интервале $x/x+1$:

$$L_x = \frac{1}{2}(S'_x + S'_{x+1}) + \frac{1}{24}(B'_{x+1} - B'_{x-1}),$$

W_x — общее число женщин в возрасте x лет по переписи.

В нашем расчете в качестве w_x использованы числа женщин по переписи 1897 г., выравненные С. А. Новосельским при построении таблиц смертности 1896—1897 гг.

Наш расчет базировался на данных чистой таблицы брачности, построенной по материалам переписи населения 1897 г. При переписи все фактически состоящие в браке были, вероятно, учтены достаточно полно. Данные же текущего учета ЦСК отличались, как известно, определенной неполнотой. Так, например, неудовлетворительно велась регистрация браков раскольников, возложенная на полицию. Для других вероисповеданий существовала церковная регистрация при децентрализованной системе сводки, причем духовенство (псаломщики и другие, не получавшие специальной подготовки лица) само производило сводку по приходам. Поэтому отмеченное выше расхождение в 8% может рассматриваться как следствие недоучета числа заключенных браков.

Предполагая, что первые и повторные браки в каждом возрасте одинаково недоучитывались, мы увеличили число браков во всех возрастах в среднем за 1896—1897 гг. на 8%. Затем были получены числа повторных браков и на их основе доли повторных браков среди общего числа браков в отдельных возрастах [1].

Возраст	Доля повторных браков, %
До 26	3
26—35	26
36—45	92
46 и старше	100

Таблица 11

ЧИСЛО БРАКОВ НА 100 ВДОВ СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ВОЗРАСТА В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В 1896—1897 ГГ.

Возрастные группы	Число браков на 100 вдов
15—25	48
26—35	11
36—45	4
46—59	1

Исчисленные нами коэффициенты брачности вдов для отдельных возрастных групп (см. табл. 11) свидетельствуют о том, что шансы молодых вдов на замужество были весьма значительны. С повышением возраста вероятность повторного брака, конечно, падала.

[1] Браки после развода можно было не принимать во внимание. Число их было столь незначительно, что ЦСК не выделял разведенных среди вступавших в брак в издававшихся им ежегодниках «Движение населения в Европейской России».

Представляют интерес различия в брачности вдовцов и вдов среди городского и сельского населения. Прямое сравнение долей вдов и вдовцов среди городского и сельского населения в отдельных возрастах по данным переписи не может дать верной картины распространения вдовства в силу различного уровня безбрачия этих групп населения. Поэтому лучше рассмотреть доли вдовых среди когда-либо состоявших в браке, исчисленные для отдельных возрастов по данным переписи 1897 г.

Таблица 12

ДОЛЯ ВДОВЫХ СРЕДИ КОГДА-ЛИБО СОСТОЯВШИХ В БРАКЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ 1897 Г., %

Возрастные группы	Мужчины		Женщины	
	город	село	город	село
20—29	1	1	4	1
30—39	2	1	12	5
40—49	5	4	26	14
50—59	11	11	45	29

Приведенные в табл. 12 данные показывают, что в конце XIX в. в России повторные браки нейтрализовали последствия овдовения далеко не в одинаковой степени у женщин и у мужчин, в городе и в деревне. Повторные браки вдовцов были очень распространены, причем практически в равной степени как у городских, так и у сельских жителей. Что же касается овдовевших женщин, то они гораздо чаще оставались незамужем, причем не вступивших в новый брак вдов среди городских жительниц было намного больше, чем среди крестьянок.

Среднее число браков на одного человека. Этот показатель может быть исчислен с помощью кумулятивных (суммарных) таблиц брачности. Основные показатели таких таблиц — возрастные коэффициенты брачности, равные отношению общего числа браков в определенном возрасте к средней численности лиц всех категорий брачного состояния данного возраста (частоты наступления события), и накопленные значения этих частот — кумулятивные коэффициенты. Сумма всех повозрастных коэффициентов — суммарный коэффициент брачности. Эта обобщающая характеристика показывает, каково было бы в некотором поколении (реальном или гипотетиче-

ском) среднее число браков в течение жизни при определенной интенсивности брачности.

Таблица 13

КУМУЛЯТИВНЫЕ ТАБЛИЦЫ БРАЧНОСТИ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ЗА 1896—1897 ГГ.

Возрастные группы	Величина возрастного интервала	Среднегодовые коэффициенты брачности	Брачность в возрастном интервале	Кумулятивные коэффициенты брачности
		Мужчины		
16—20	5	0,0576	0,2880	0,2880
21—25	5	0,0788	0,3940	0,6820
26—30	5	0,0463	0,2315	0,9135
31—35	5	0,0165	0,0825	0,9960
36—40	5	0,0103	0,0515	1,0475
41—45	5	0,0084	0,0420	1,0895
46—50	5	0,0064	0,0320	1,1215
51—70	20	0,0032	0,0640	1,1855
		Женщины		
15—20	6	0,0788	0,4728	0,4728
21—25	5	0,0644	0,3220	0,7948
26—30	5	0,0161	0,0805	0,8753
31—35	5	0,0079	0,0395	0,9148
36—40	5	0,0049	0,0245	0,9393
41—45	5	0,0038	0,0190	0,9583
46—50	5	0,0027	0,0135	0,9718
51—70	20	0,0008	0,0160	0,9878

Сравнение коэффициентов брачности кумулятивных таблиц для старших возрастов хорошо показывает, насколько менее часто вступали повторно в брак вдовы в отличие от вдовцов. Так, в возрастной группе 51—70 лет показатель женской брачности ниже, чем мужской, в 4 раза.

Суммарные коэффициенты, полученные при построении наших таблиц, равны 1,19 для мужчин и 0,99 для женщин. Разделив на доли вообще вступивших в брак к 50 годам (96% для мужчин и 95% для женщин), получим средние числа вступлений в брак для лиц, когда-либо состоявших в браке. В Европейской России в конце XIX в. они составляли 1,23 для мужчин и 1,04 для женщин.

Общая длительность пребывания в браке. Время вступления в первый брак и время его распадения, так же как и процессы возникновения и прекращения повторных браков, определяют общую длительность пребывания в браке. Демографами ООН используется относительно простая методика нахождения продолжительности брачной жизни, по которой средняя продолжительность пребывания в браке определяется как сумма произведений долей состоящих в браке по данным переписи на величины возрастных интервалов, к которым относятся эти доли[1]. Описанным способом такая важная обобщающая характеристика, как средняя продолжительность пребывания в браке, может быть определена на любом интервале возраста.

Таблица 14

СРЕДНЕЕ ЧИСЛО ЛЕТ ПРЕБЫВАНИЯ В БРАКЕ В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ, 1897 г.

Возрастные интервалы	Мужчины	Женщины
15—19	0,2	0,6
15—29	6,1	8,2
15—39	15,1	17,0
15—49	24,3	25,0
15—59	32,9	31,6

Расчеты по данным переписи населения 1897 г. показывают, что благодаря раннему вступлению в первый брак длительность брачной жизни в возрасте до 50 лет у женщин была больше, чем у мужчин (см. табл. 14). Однако у городского населения в отличие от населения Европейской России в целом продолжительность пребывания в браке в возрасте до 50 лет была большей среди мужчин, у которых она составляла 20,5 года, тогда как у женщин равнялась 20,2 года. Среди сельского населения длительность пребывания в браке была существенно выше, чем среди городского населения. Так, в возрасте 15—49 лет она составляла 25,2 года для мужчин и 25,8 года для женщин. Это различие отражает прежде всего распространение в деревне более ранних браков при незначительном безбрачии.

[1] Urban-rural differences in the marital status composition of the population. ESA|P|WP 51, 1973, p. 26.

МЕТОДИКА ПОСТРОЕНИЯ ТАБЛИЦ БРАЧНОСТИ ДЕВИЦ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ЗА 1897 г.

Перепись населения 1897 г. позволила получить данные о числе лиц, никогда не состоявших в браке в определенных возрастных группах. Однако сведений о числе впервые вступивших в брак в отдельных возрастах в публикациях ЦСК нет. Отсутствие этих данных не давало возможности построить традиционным способом таблицы брачности для населения дореволюционной России.

Только в начале 70-х годов нашего столетия появились работы по моделированию брачности, благодаря которым стало возможно преодолеть указанные трудности. Американский демограф Э. Коул предложил модель, дающую связь долей женщин, когда-либо состоявших в браке в пятилетних группах возраста, с некоторой функцией, названной им стандартной функцией частоты первых браков r_x, и рассчитал соответствующие таблицы [1]. Если обычная чистая вероятность вступления в брак в возрасте x равна:

$$b'_x = \frac{S'_x - S'_{x+1}}{S'_x},$$

где S_x' — числа девиц в возрасте x, то стандартная вероятность вступления в первый брак может быть выражена

$$r_x = \frac{S'_x - S'_{x+1}}{S'_x - S'_\omega},$$

где ω — возраст, в котором процесс вступления в первый брак полностью прекращается. Иначе говоря, r_x — это вероятность вступить в брак в возрасте x для женщин, никогда не состоявших в браке до этого возраста, но исчисленная только для тех женщин, которые вообще вступят в брак.

Объединение двух указанных формул позволяет выразить b_x через r_x:

$$b'_x = \frac{S'_x - S_\omega}{S_x} \cdot r_x.$$

Значения r_x определяются из полученного Э. Коулом эмпирического уравнения:

$$r_x = \frac{0{,}174}{k} e^{-4{,}411 e^{-\frac{0{,}309}{k}(x - x_0)}},$$

где x_0 — начальный возраст вступления в первый брак;

k — параметр, характеризующий скорость, с которой протекает процесс вступления в первый брак соответствующего поколения женщин.

---

[1] *Coale A.* Age patterns of marriage. — «Population Studies», 1971, № 2, p. 203—206, 214.

Параметры x_0 и k приведены в стандартных таблицах Э. Коула, для пользования которыми необходимо знать три последовательных отношения долей когда-либо состоявших в браке в пятилетних возрастных группах. Эти исходные данные для Европейской России были получены нами из материалов переписи населения 1897 г., после чего были определены значения параметров: $x_0=15{,}0$; $k=0{,}58$. Окончательная доля не вступивших в брак S_ω была оценена как средняя арифметическая для групп 40—49 и 50—59 лет. После нахождения вероятностей вступления в брак b_x' таблица строилась обычным способом.

Кроме чистой таблицы брачности, в которой исходная совокупность девиц убывает только за счет их вступления в брак, построена комбинированная таблица, в которой учитывается также смертность. Так как данных о смертности девиц по Европейской России нет, пришлось принять ее равной смертности женщин всех брачных состояний — допущение, которое вряд ли может исказить истинную картину [1].

Взяв q_x' из таблицы смертности женского населения Европейской России за 1896—1897 гг., построенной С. А. Новосельским, и b_x' из нашей чистой таблицы брачности, определяем зависимые вероятности вступить в брак в интервале $x/x+1$:

$$b_x = b'_x\left(1 - \frac{q'_x}{2}\right).$$

Подобным же образом получаем зависимые вероятности умереть, не вступив в брак, в интервале $x/x+1$:

$$q_x = q'_x\left(1 - \frac{b'_x}{2}\right).$$

Затем находим числа вступивших в брак с учетом смертности:

$$B_x = S_x b_x .$$

Аналогично получаем числа умерших девиц:

$$M_x = S_x q_x .$$

Числа девиц в начале каждого возраста определялись из соотношения:

$$S_{x+1} = S_x - B_x - M_x$$

---

[1] Имеются данные по Петербургу за 1899—1902 гг., свидетельствующие о том, что смертность девиц не отличалась значительно от общей смертности женщин. См.: *Новосельский С. А.* Смертность и семейное состояние населения С.-Петербурга; «Вестник общественной гигиены», 1912, кн. 8.

Г. И. Чертова

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В XIX в. ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ СОВРЕМЕННИКОВ

В начале XIX в. крупный статистик того времени К. Арсеньев, опираясь на вычисления, сделанные по метрическим книгам Л. Крафтом и К. Германом, писал: «Смертность в России относительно к другим государствам Европы наименьшая, из 40 умирает 1. Пропорция сия в Германии есть как 32 : 1, а во Франции 30 : 1. Главная причина меньшей смертности в России есть деревенская жизнь и земледельческие занятия большей части народа»[1].

Спустя 70 лет врач Н. В. Экк, изучив статистику смертности, пришел к выводу, что «Россия (разумея Европейскую, 50 губерний) ежегодно теряет лишних 15 человек из каждой тысячи, и вся потеря при 80-ти миллионном населении определяется в 1 200 000 человек, умирающих совершенно напрасно от непринятия предупредительных мер против высокой смертности»[2]. По настоянию Н. В. Экка при Медицинском Совете создается под руководством С. П. Боткина специальная Комиссия по вопросу об улучшении санитарных условий и уменьшении смертности в России. Н. В. Экк считал, что смертность в стране катастрофически высока, несравнимо выше, чем в западноевропейских странах, более того, что «в то время как в Швеции, во Франции и в Англии смертность убывала, в России она росла»[3].

Что же в действительности происходило со смертностью в России? Возможно ли, чтобы ее уровень вырос

---

[1] *Арсеньев К.* Начертание статистики Российского государства. Ч. I. О состоянии народа. Спб., 1818, с. 95.

[2] *Экк Н. В.* Опыт обработки статистических данных о смертности в России. Спб., 1888, с. 7.

[3] *Там же.*

с 25‰ в начале XIX в. до 36‰ в его конце? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к истории изучения смертности.

Сколько-нибудь серьезное изучение смертности возможно только при наличии регулярной статистики смертности, которая появилась в России лишь в XVIII в. Начало регистрации рождений и погребений в приходских церквах связано с указами Петра I (1702 и 1722 гг.), однако такая регистрация долгое время охватывала лишь православное население и была крайне несовершенна [1].

Тем не менее на базе статистических материалов, которые давала такая регистрация, уже во второй половине XVIII в., спустя немногим более ста лет после построения первых таблиц смертности в Западной Европе, предпринимаются первые попытки создания русских таблиц смертности. Самой первой из них была таблица, построенная А. Шлецером. Показатели этой таблицы далеко не отражали фактическую смертность в стране, так как были получены в результате обработки данных только по Петербургу — на них не могла не сказаться специфика смертности большого города. Да и данные были собраны всего лишь за 10 месяцев 1764 г. В конце XVIII в. появляются таблицы Л. Крафта, построенные за разные периоды.

Как писал позднее С. А. Новосельский, исследования смертности в России, предпринятые в конце XVIII в., «касались, притом в самых общих чертах, смертности в отдельных городах и не имеют научного значения» [2].

Лишь в начале XIX в. К. Герман опубликовал таблицы смертности всего мужского православного населения России, которые хоть в какой-то мере могли претендовать на то, чтобы дать характеристику смертности в масштабах всей страны. В качестве источника данных он использовал метрические книги за 1796—1799 и 1801—1805 гг. (книги за 1800 г. оказались потерянными, поэтому автор рассчитал данные как средние арифметические из двух соседних лет — 1799 и 1801 гг.) и табели о родившихся и умерших с 1806 по 1809 г. К. Герману пришлось ограничиться данными о мужском населении, так как возраст умерших женщин в метрических книгах не указывался.

---

[1] Подробнее об истории статистики смертности в России см.: *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России, гл. VIII.

[2] *Новосельский С. А.* Указ. соч., с. 52.

Показатели таблицы смертности для России К. Герман сопоставляет с аналогичными показателями для Швеции и Бранденбургской монархии и приходит к весьма неутешительным выводам.

Таблица 1

ЧИСЛА ДОЖИВАЮЩИХ ДО НЕКОТОРЫХ ВОЗРАСТОВ

Возраст	Россия	Швеция	Бранденбург
	Из 1000 родившихся		
20	440	547	529
30	377	498	470
40	312	446	412
50	239	376	346
	Из 1000 доживших до 50 лет		
60	675	795	737
70	450	508	404
80	127	223	138
90	32	58	52
100	3	10	37

Источник. *Герман К.* Статистические исследования относительно Российской империи. Ч. I. О народонаселении. Спб., 1819, с. 204, 205, 212.

Как видим, числа доживающих в России во всех возрастах существенно ниже, чем в странах Западной Европы. Особенно заметна разница в младших возрастах: до 5 лет в России доживало немногим более половины родившихся, в то время как в Швеции более половины родившихся доживало до 20 лет.

Исчисленный К. Германом общий коэффициент смертности — 25‰ (на который и ссылался К. Арсеньев) характеризовал русскую смертность на рубеже XVIII и XIX вв. как весьма низкую по тому времени: подобный коэффициент смертности можно было встретить тогда лишь в некоторых странах Северной Европы. Но построенная им же таблица смертности опровергала эту характеристику. Русская смертность, если судить о ней по этой таблице, была намного выше, чем во многих других европейских странах. Еще более мрачную картину рисовала таблица смертности православного мужского населения, построенная Н. Зерновым для 1842 г.

В какой мере таблицы смертности К. Германа, Н. Зернова и некоторые другие таблицы того же периода заслуживают доверия? Скорее всего, они требуют весьма критического отношения. Главных причин тому две: недостоверность исходных данных и несовершенство метода построения таблиц.

Источником данных служили метрические книги. Записи в них страдали неполнотой, в них не попадали те, кто был похоронен без обряда отпевания, в частности младенцы, умершие до крещения. На достоверности данных сказывалось также качество записей в метрических книгах, которое зависело от добросовестности и подготовленности священников, составлявших табели. Синод систематически указывал на плохое ведение метрических книг на протяжении всего XIX в. Поэтому можно полагать, что данные о числе умерших, которыми пользовались составители таблиц смертности, были заниженными.

Если недоучет умерших занижал показатели, характеризующие смертность, то метод построения таблиц, которым пользовались К. Терман, Н. Зернов, М. Спасский и другие авторы, способствовал их завышению. Первые таблицы смертности в России, как и за рубежом, строились так называемым методом смертных списков. По этому методу вся таблица строится исходя только из общего числа умерших за тот или иной период, распределенного по возрастам. Метод смертных списков может отражать истинное положение дел только в случае, если население стационарно, т. е. если ежегодное число родившихся равно числу умерших, отсутствуют другие факторы изменения численности населения и такой режим воспроизводства населения сохраняется не менее 100 лет. Население России в XVIII—XIX вв. этим условиям не отвечало.

Впервые на это обратил внимание В. Буняковский, внесший огромный вклад в изучение смертности в России. Поставив перед собой цель «подвергнуть важную для нас задачу о смертности в России строго научному разбору»[1], он проанализировал таблицы смертности, построенные его предшественниками, обобщил зарубежный опыт построения подобных таблиц и пришел к выводу о непригодности метода смертных списков для по-

[1] *Буняковский В. Я.* Опыт о законах смертности в России и о распределении православного народонаселения по возрастам. Спб., 1865, с. III.

строения таблиц смертности в условиях России. Он показал, что население России не отвечало тем ограничениям, которые накладывались самим методом.

Население России не было стационарным, численность его все время увеличивалась и за счет естественного прироста, и за счет присоединения новых земель. Это доказывают оценки численности населения России на отдельные годы.

Таблица 2

ОЦЕНКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ, МЛН. ЧЕЛ.

Годы	Без присоединенных земель	С присоединенными землями
1722	13	14
1762	17	19
1806	28	41

Источник. *Герман К.* Указ. соч., с. 31, 32, 35.

На начало 60-х годов XIX в. население России оценивалось более чем в 68 млн. человек (без Польши и Финляндии).

Статистика показывала ежегодное превышение числа рождений над числом смертей.

Таблица 3

ЕСТЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ, ТЫС. ЧЕЛ.

Годы	Родилось	Умерло	Превышение родившихся над умершими
1796	990	528	462
1806	1 346	846	500
1862	2 955	1 938	1 017

Источник. *Буняковский В. Я.* Опыт о законах смертности в России..., с. 181—182.

В. Буняковский пришел к выводу, что численность умерших в каждой возрастной группе правильнее соотносить не с численностью всех умерших, а с числом родившихся в соответствующие годы. Это было принципиально новым подходом к построению таблиц смертности. Мы с полным правом называем основанный на нем метод по-

строения таблиц методом Буняковского, хотя в литературе он был более известен как ангальтский метод (Г. Ф. Кнапп построил этим способом таблицы смертности для Ангальтского герцогства два года спустя после появления работы В. Буняковского). В. Буняковский для построения таблиц смертности пользовался следующими исходными данными.

1. Числами умерших в 1862 г., распределенными по пятилетним возрастным группам. 1862 г. исследователем выбран не случайно: в этом году не было неурожаев, эпидемий, войн, которые завысили бы показатели смертности. Однако в свою очередь нельзя упускать из виду, что выбор столь благоприятного с точки зрения смертности года мог существенно занизить числа умерших. Сопоставим числа умерших в соседние с 1862 г. годы.

Таблица 4

ЧИСЛА УМЕРШИХ В РОССИИ В 1861—1863 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.

Годы	Мужчины	Женщины
1861	1 027	1 000
1862	982	956
1863	1 102	...

Источник. *Буняксвский В. Я.* Опыт о законах смертности в России..., с. 182.

2. Числами ежегодных рождений с 1796 г., т. е. начальными численностями поколений для возрастов 0—66 лет. Для старших возрастов В. Буняковский рассчитал начальную численность методом экстраполяции, что также могло отразиться на точности показателей.

На основе взятых им исходных данных В. Буняковский построил таблицы смертности отдельно для мужского и женского православного населения России. Полученные показатели он сопоставил с показателями других таблиц смертности как российских, так и зарубежных. Из отечественных таблиц были использованы для сопоставления таблицы Н. Зернова (1842 г.), из зарубежных — Э. Э. Дювийяра (до 1789 г.), И.—П. Зюссмильха (начало XVIII в.) и П.—В. Варгентина (1757—1763 гг.).

Таблица 5

ЧИСЛА ДОЖИВАЮЩИХ (l_x) ПО НЕКОТОРЫМ ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ

Возраст	Осталось в живых на 10 000 рождений						
	по Буняковскому	по Зернову	по Дювийяру	по Зюссмильху	по Варгентину	Англия и Уэльс 1861 г., мужчины	Швеция 1860 г., мужчины
5	5 933	4 592	5 832	5 790	6 473	7 142	7 329
10	5 566	4 055	5 511	5 320	6 013	6 905	7 272
15	5 384	3 809	5 290	5 110	5 788	6 757	6 981
20	5 195	3 570	5 022	4 910	5 583	6 543	6 816
25	4 972	3 316	4 714	4 660	5 323	6 278	6 608
30	4 723	3 064	4 382	4 390	5 049	6 018	5 861
35	4 465	2 822	4 040	4 090	4 748	5 723	6 160
40	4 140	2 552	3 694	3 740	4 448	5 409	5 134
45	3 773	2 282	3 341	3 390	4 071	5 061	4 711
50	3 349	1 992	2 971	3 000	3 666	4 682	2 927
55	2 948	1 690	2 572	2 550	3 191	4 234	3 848
60	2 489	1 369	2 136	2 100	2 701	3 724	3 116
65	1 973	1 024	1 664	1 620	2 141	3 093	2 715
70	1 423	727	1 177	1 120	1 541	2 374	2 518
75	873	462	717	690	941	1 553	963
80	451	278	347	370	481	851	628

Источники: *Буняковский В. Я.* Опыт о законах смертности в России..., с. 60; *Keyfits N., Flieger W.* World population. An analysis of vital data. Chicago — London, 1968.

Данные таблиц Н. Зернова выглядят рядом с таблицами В. Буняковского чрезвычайно мрачными. Но это отнюдь не результат снижения смертности в течение двадцати лет, которые разделяют таблицы, а лишь следствие различий в методе построения таблиц, а также, возможно, и выбора В. Буняковским особо благоприятного года.

Показатели дожития по расчетам В. Буняковского выше, чем в таблицах Э. Э. Дювийяра и И.—П. Зюссмильха, и уступают лишь показателям таблицы П. В. Варгентина в основном за счет более высокой смертности в младших возрастах. Приведенное сопоставление дало основание В. Буняковскому выдвинуть тезис о том, что если в России снизить смертность в детских возрастах, то по уровню смертности она встанет в один ряд с передовыми странами Западной Европы.

Посмотрим, однако, насколько такие сопоставления правомерны. Все зарубежные таблицы, взятые В. Буня-

ковским для сравнения, построены иным, чем у него, методом: у И.—П. Зюссмильха и Э. Э. Дювийяра — методом смертных списков, который критиковал сам В. Буняковский, у П.—В. Варгентина — демографическим методом. Кроме того, эти таблицы относятся совсем к другому периоду — к XVIII в. Между тем как раз начиная с конца XVIII в. в Западной Европе происходило быстрое снижение смертности, так что в начале 60-х годов прошлого столетия показатели смертности были намного ниже, чем даже в конце XVIII в.

В табл. 5 для сопоставления нами добавлены два последних столбца — показатели дожития мужского населения Англии и Уэльса и Швеции в тот период, к которому относится таблица смертности В. Буняковского для России. Конечно, эти показатели также взяты из таблиц, построенных не по методу В. Буняковского, так что частично различия могут объясняться разницей в методах построения таблиц. Но расхождения между русскими показателями дожития, с одной стороны, и английскими, и шведскими — с другой, настолько велики, что они не могут, конечно, быть объяснены только этим. Смертность в России в это время несомненно была выше, чем в Западной Европе.

А как изменялась она в нашей стране в XIX в.? Было ли то зловещее повышение смертности, о котором писал Н. В. Экк?

Как мы уже убедились, проследить изменения в смертности в первой половине XIX в. по статистическим данным невозможно, так как низка достоверность исходных данных, несовершенны и неоднотипны методы построения таблиц смертности, а потому мало сопоставимы между собой и сами таблицы. Но во второй половине XIX в. положение несколько меняется. Заметно улучшается качество учета движения населения, совершенствуются методы построения таблиц. Кроме того, для второй половины прошлого века имеются серии таблиц, построенных для разных периодов одними и теми же авторами и по одной и той же методике. Такие таблицы, естественно, вполне сопоставимы между собой и могут быть использованы для анализа динамики смертности в России. Речь идет о таблицах В. Буняковского и о таблицах Л. Бессера и К. Баллода.

Помимо упоминавшейся уже таблицы за 1862 г., В. Буняковский построил также таблицу смертности за

1870 г. Кроме того, им была построена таблица смертности за 1863—1870 гг. Показатели такой таблицы более репрезентативны, чем показатели, исчисленные на основе данных за один год, элиминируют случайные особенности смертности одного года. Показатели дожития таблицы смертности за 1863—1870 гг. оказались значительно хуже не только показателей 1870 г., но и 1862 г., особенно в первых двух возрастных группах (0—5 и 5—10 лет). Это подтверждает, в частности, предположение о том, что 1862 г. как год с заведомо низкой смертностью был для построения таблиц смертности выбран неудачно. Сравнение же таблицы 1870 г. с двумя другими таблицами В. Буняковского дает основания утверждать, что в 60-е годы прошлого века существовала тенденция снижения смертности. Впрочем, строго доказанным это положение считать нельзя, потому что таблица 1870 г. также может отражать некоторые случайные особенности смертности одного года.

Таблица 6

ЧИСЛА ДОЖИВАЮЩИХ (l_x) ПО ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ В. БУНЯКОВСКОГО, Л. БЕССЕРА И К. БАЛЛОДА, МУЖСКОЙ ПОЛ

Возраст x	По Буняковскому			По Бессеру и Баллоду			
	1862 г.	1870 г.	1863—1870 гг.	1851—1860 гг.	1861—1870 гг.	1871—1880 гг.	1881—1890 гг.
1	735	783	—	—	—	705	706
5	593	655	570	560	561	555	553
10	556	615	528	517	518	508	506
15	538	596	507	496	498	486	488
20	519	577	488	474	478	466	472
25	497	553	462	450	456	444	452
30	472	527	434	423	433	421	431
35	446	502	406	394	408	398	412
40	414	469	372	360	378	372	388
45	377	436	337	323	343	342	364
50	335	397	294	283	302	307	334
55	295	359	251	241	261	269	301
60	249	308	199	188	212	220	258
65	197	262	148	—	160	171	210
70	142	215	—	—	102	123	158
75	87	172	—	—	60	83	114
80	45	—	—	—	28	49	80

Источники: *Буняковский В. Я.* Антропологические исследования и их приложение к мужскому населению в России. — В кн.: Записки императорской Академии наук. Т. XXIII. Спб., 1874, с. 101, 152; *Бессер Л., Баллод К.* Смертность, возрастной состав и долговечность православного народонаселения обоего пола в России за 1851—1890 годы. Спб., 1897, с. 55.

Более обоснованные выводы могут быть сделаны на основе серии таблиц смертности Л. Бессера и К. Баллода.

Л. Бессер и К. Баллод построили четыре таблицы смертности для десятилетних периодов с 1851 по 1890 г. Проследим изменения показателей от десятилетия к десятилетию. Помимо чисел доживающих, приведенных в табл. 6, рассмотрим еще числа умерших, которые меньше зависят от колебаний смертности в младших возрастах.

Таблица 7

ЧИСЛА УМЕРШИХ (d_x) ПО ТАБЛИЦАМ СМЕРТНОСТИ Л. БЕССЕРА И К. БАЛЛОДА, МУЖСКОЙ ПОЛ

Период	0—10 лет	10—20 лет	20—30 лет	30—40 лет	40—50 лет
50-е гг.	483	43	51	63	77
60-е гг.	482	40	45	55	76
70-е гг.	493	41	45	49	65
80-е гг.	494	34	41	43	54

Источник. *Бессер Л., Баллод К.* Указ. соч., с. 57.

Колебания чисел умерших в младших возрастах свидетельствуют скорее всего о постепенном улучшении учета детской смертности в этот период. Из-за более высоких показателей смертности в детских возрастах определенная тенденция к повышению чисел доживающих (см. табл. 6) прослеживается только к возрасту 30—35 лет. Числа же умерших во всех возрастных группах начиная с 10 лет обнаруживают совершенно явную тенденцию к снижению от одного десятилетия к другому. Таблицы Л. Бессера и К. Баллода решительно опровергают тезис Н. В. Экка о повышении смертности в России, по крайней мере во второй половине XIX в.

Это не значит, однако, что работы Н. В. Экка не сыграли никакой роли в истории русской смертности. С. А. Новосельский писал о них: «Исследования эти в свое время привлекли к себе большое внимание, которого они, откровенно говоря, весьма мало заслуживали»[1].

[1] *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России, с. 74.

Оценка С. А. Новосельского кажется нам излишне суровой. Хотя в подходе Н. В. Экка к измерению уровня смертности было много ошибочного, а вывод о росте смертности в России был неверным, его стремление привлечь внимание научной общественности и властей к чрезвычайно высокой смертности в России заслуживает положительной оценки, ибо, несмотря на некоторое снижение, смертность и во второй половине XIX в. все еще оставалась очень высокой, намного выше, чем в Западной Европе.

В этом также можно убедиться, воспользовавшись расчетами Л. Бессера и К. Баллода, которые на основе построенных ими же таблиц смертности рассчитали общий коэффициент смертности стационарного населения. Этот коэффициент, равный 36,7‰ для мужчин и 34,03‰ для женщин, намного превосходит коэффициенты смертности стационарного населения некоторых стран Западной Европы того периода (см. табл. 8).

Таблица 8

КОЭФФИЦИЕНТЫ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НЕКОТОРЫХ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ, ‰

Страны	Годы	Мужчины	Женщины
Англия	1871—1881	24,2	22,4
Франция	1877—1881	24,5	23,0
Германия	1871—1880	28	26
Швеция	1871—1880	22,0	20,5

Источник. *Бессер Л., Баллод К.* Указ. соч., с. 60.

Можно воспользоваться для сравнения еще одним показателем, а именно распределением умерших (в стационарном населении) по укрупненным возрастным группам: непроизводительные возрасты (0—15 и 70 лет и старше), полупроизводительные возрасты (15—20 и 60—70 лет) и производительные возрасты (20—60 лет).

Доля умерших до вступления в трудоспособный возраст в России наиболее высока (она достигает почти 49%, в то время как во Франции — 26%) и, естественно, самая низкая доля умирающих в послерабочих возрастах. Из западноевропейских стран показатели Англии ближе всего к показателям России, но все-таки разница

существенна. Наибольшие различия наблюдаются между показателями России и Франции.

Таблица 9

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УМЕРШИХ ПО КРУПНЫМ ВОЗРАСТНЫМ ГРУППАМ, %

Возрастные группы	Россия		Англия		Франция		Швеция		Германия	
0—15	38,96	48,63	36,9	47,3	27,0	36,4	33,5	42,4	35,4	44,8
15—20	9,67		10,4		8,4		8,9		9,4	
20—60	45,83		45,5		52,6		46,6		47,0	
60—70	3,77	5,54	4,5	7,2	7,4	12,0	7,0	11,0	5,5	8,2
70 лет и старше	1,77		2,7		4,6		4,0		2,7	
Итого	100		100		100		100		100	

Источник. *Бессер Л., Баллод К.* Указ. соч., с. 61.

Таким образом, несмотря на некоторое снижение, смертность оставалась в России значительно более высокой, чем в западноевропейских странах, и не только в детских, а почти во всех возрастных группах.

Всероссийская перепись населения 1897 г. дала в руки исследователей смертности новый обширный статистический материал. Появилась возможность на его основе проверить многие положения, выдвинутые в XIX в. В частности, сведения о возрастном составе населения позволили построить таблицы смертности демографическим способом — более точным, чем метод смертных списков или метод В. Буняковского. Эти таблицы были первыми подлинно научными таблицами смертности населения в России и послужили основой для последующих сравнений и оценки снижения смертности в нашей стране вплоть до настоящего времени [1].

Однако для оценки динамики смертности населения дореволюционной России представляет интерес еще три таблицы смертности. Первая из них была построена в начале 90-х годов прошлого века В. И. Борткевичем по методу В. Буняковского для православного населения Европейской России за 1874—1883 гг. Две другие были построены в 20-е годы нашего столетия С. А. Новосельским и В. В. Паевским для 1896—1897 гг. и для

[1] Подробнее об этом см. статью Р. М. Дмитриевой и Е. М. Андреева в настоящем сборнике.

1907—1910 гг. современным демографическим методом, но для той же совокупности (православное население Европейской России), что и таблицы В. И. Борткевича. Подробное сопоставление трех таблиц дано в работе С. А. Новоселъского и В. В. Паевского[1], мы ограничимся здесь лишь сравнением величин средней продолжительности жизни при рождении (e_0 в годах):

	1874—1883 гг.	1896—1897 гг.	1907—1910 гг.
Мужчины	26,31	30,07	31,90
Женщины	29,05	31,90	33,98

Это сравнение приводит к тем же выводам, что и анализ дореволюционных исследователей смертности. С одной стороны, смертность в России, по крайней мере начиная с середины XIX в., неуклонно снижалась (а средняя продолжительность жизни соответственно повышалась). С другой же стороны, это снижение смертности было крайне медленным, и вплоть до самой революции смертность в России оставалась чрезвычайно высокой, намного выше, чем в таких странах, как Англия, Франция, США, где средняя продолжительность жизни мужчин в первом десятилетии нашего века уже приближалась к 50 годам, а средняя продолжительность жизни женщин превысила 50 лет; были страны и с еще более благоприятными показателями (Скандинавские и некоторые другие страны). В России же средняя продолжительность жизни несколько превысила 30 лет.

Только социальные преобразования в годы Советской власти обеспечили тот рывок в снижении смертности, который поставил отсталую в прошлом Россию в ряд стран с самой низкой смертностью.

---

[1] См.: *Новосельский С. А., Паевский В. В.* Таблицы смертности населения СССР. — В кн.: *Паевский В. В.* Вопросы демографической и медицинской статистики. М., 1970, с. 290—291.

А. Л. Перковский

КРИЗИС ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

Демографическое развитие России в XVIII в. и первой половине XIX в. носило весьма сложный и противоречивый характер. Наличие огромной территории страны с большими резервами малозаселенных и слабо освоенных или девственных земель, пригодных для земледельческой обработки, способствовало постоянному и сильному оттоку населения из исстари освоенного и довольно плотно заселенного центра на окраины, что создало уже в XVIII в. проблему так называемого запустения центральных районов.

Под этим подразумевались обычно более медленные темпы прироста общей численности населения центральных районов в сравнении с довольно быстрым ростом населения вновь осваиваемого пояса периферийных земель империи. Так, если с 1720 по 1795 г. общая численность населения России возросла с 15,1 млн. человек до 36,5 млн. человек, или в 2,4 раза, то на территории проведения первой петровской ревизии — только в 1,9 раза, а в пределах Центрального промышленного района — всего в 1,3 раза [1].

Видимо, уже в XVIII в. на региональных различиях в темпах роста общей численности населения могли сказываться не только миграционные процессы, но и какие-то различия в уровнях естественного прироста, хотя со-

[1] Учтено только гражданское население (без армии и флота). В Центральный промышленный район входили: Московская, Владимирская, Калужская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Тверская губернии в границах начала XIX в. См.: *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в. М., 1971, с. 5, 10, 52.

ответствующая информация о естественном движении населения за длительный период в целом по стране в XVIII в., а также по всем ее регионам пока не обнаружена.

В первой половине XIX в. в России протекал кризис феодально-крепостнической системы, который закончился ее крахом, отменой крепостного права. В этот период происходило и замедление темпов прироста общей численности населения страны. Одновременно в формировании структуры населения все более значительное место начали занимать социальные перемещения, межсословные переходы, которые все более активно влияли на изменение количественных соотношений между различными сословными группами населения.

Замедление прироста населения обратило на себя внимание ведомства, которое специально тогда занималось организацией и проведением ревизий населения — Министерства финансов. Вот что по этому поводу писал министр Е. Ф. Канкрин в докладе императору еще в 1831 г.: «Впрочем число народа хотя чрез родившихся после ревизии (1815 г. — *А. П.*) поныне, без сомнения значительно усилилось против ревизского числа, но также нет сомнения, что умножение народонаселения не имеет у нас столь быстрого успеха, как иногда предполагается, что доказывается самими ревизиями»[1].

С общей тенденцией снижения прироста населения дореформенной России связана и проблема воспроизводства численности основных сословно-социальных групп, в первую очередь наиболее многочисленной — крепостного крестьянства[2].

Уже более столетия насчитывает дискуссия о том, вымирало или нет крепостное крестьянство в России в первой половине XIX в. Начатая в прессе в 1857 г., она возобновилась с новой силой уже в 60-е годы нашего столетия в связи с углубленным изучением экономических про-

[1] ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 4, д. 2592, л. 39.

[2] Впервые в отечественной демографии проблему естественного прироста в сословно-социальных группах населения поставил и частично разрешил В. Н. Каразин. См. его работу: Объяснение подробной таблицы обстоятельств народонаселения в Слободско-Украинской губернии и сравнение выводимых из нее перечней (результатов) с подобными им, извлеченными из таковых же обстоятельств прочих губерний Российской империи и других земель Европы (20 ноября 1820 г.). — В кн.: Сочинения, письма и бумаги В. Н. Каразина, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Изд. Харьковского университета. Харьков, 1910, с. 382—394, таблицы.

цессов, происходивших в предреформенной крепостной деревне.

В апреле 1857 г. либеральный деятель того времени Г. П. Галаган подготовил записку, которая является не только реалистическим анализом положения крепостного крестьянства, но и одним из наиболее ярких произведений прогрессивной общественной мысли страны в последние годы крепостнической эпохи. Мы процитируем выдержки из записки, которые имеют непосредственно отношение к теме нашего исследования: «Если бросить взгляд на современное состояние крепостного класса в малороссийских губерниях [1], которыми только и ограничивались мои исследования, то каждый наблюдатель найдет, что быт помещичьих крестьян вообще далеко не удовлетворяет самым невзыскательным требованиям человеколюбия, тем более что по фактам, неоспоримым даже со стороны противников этих убеждений, крестьяне в последние 30 или 40 лет быстрыми шагами подвигались к упадку материального благосостояния, нравственности и даже физического развития. Прямым следствием и в неразделимой связи со всем вышеизложенным есть тот упадок физического развития, который, к несчастью, так очевиден, что ни скрыть, ни объяснить его превратно невозможно. Усиленные труды, отмеченные еще и отсутствием нравственного в них участия, изнурительные работы как мужчин, так и женщин и даже детей при лишениях всякого рода, а нередко и при жестоком обращении, видимо, разрушают здоровье целых поколений крепостных людей.

...Результаты ревизий, особенно последней (речь здесь идет о ревизии 1857 г. — *А. П.*) во многих имениях поразительно дурны. Умножение народонаселения, служа самым главным условием силы и благосостояния государства, а вместе с тем и лучшим мерилом этого благосостояния, парализовано в нашем отечестве более всего крепостным состоянием. Крепостные люди по большей части или умножаются весьма мало или уменьшаются в числе. Напрасно ищут изменения уменьшения народа во многих имениях в следствиях внешних, т. е. в повальных болезнях и т. п. Повальные болезни одинаково существуют и для государственных крестьян. Можно толь-

---

[1] Под малороссийскими губерниями в XIX в. обычно подразумевались Черниговская, Полтавская и Харьковская.

ко сказать в этом случае одно, что крепостные люди гораздо более подвержены восприятию таких болезней по случаю нарушения организма...» [1].

По подсчетам Д. П. Журавского в Киевской губернии до введения инвентарных правил, регулирующих в строго определенном размере барщину, крестьяне отрабатывали на своих помещиков в целом за год 67 млн. рабочих дней, согласно введенным инвентарным правилам они должны были отрабатывать помещикам 31 млн. рабочих дней (публикация последней цифры была запрещена министром внутренних дел Л. А. Перовским), хотя экономически необходимо было для отработки в хозяйствах помещиков затратить примерно 17,5 млн. рабочих дней [2]. Напомним, что инвентарная реформа, ограничивающая барщину, была введена только в трех губерниях Правобережной Украины: Киевской, Подольской и Волынской. По национальному составу огромное большинство среди помещиков края составляли польские дворяне, которые находились в оппозиции к царскому правительству, старавшемуся поэтому ограничить их привилегии.

Можно себе представить, сколько дополнительного труда затрачивалось на барщину крепостными крестьянами в тех губерниях, где безраздельно господствовало «свое» дворянство! Исследуя развитие аграрных отношений в крепостной деревне русских черноземных губерний, В. И. Крутиков пришел к выводу, что ухудшение положения крестьян в период кризиса крепостничества проявилось в барщинной деревне черноземных районов не в массовом обезземеливании, а в значительном увеличении объема барщины, требовавшей огромных затрат крестьянского труда [3]. В целом в крепостнической деревне страны накануне реформы (в 1858 г.) по данным Редакционных комиссий доминировала как форма феодальной

---

[1] *Галаган Г. П.* О крепостном состоянии в настоящее время и о возможности его уничтожения (15 апреля 1857 г.). ЦНБ АН УССР, отдел рукописей, ф. I, д. 6948, л. I—I об., 9 об. — II.

[2] См.: *Журавский Д. П.* Статистическое описание Киевской губернии. Спб., 1852, т. 2, с. 373—375, а также: *Мандзюк І.* Заборонені сторінки «Статистического описания Киевской губернии» І.І. Фундуклея. «За сто літ», т. 2. Київ, 1928, с. 108.

[3] XXV съезд КПСС и задачи историков-аграрников. XVI сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докл. и сооб. М., 1976, с. 139.

ренты барщина: около 75% всех крестьян находилось на барщине и только 25% — на оброке[1].

Н. Х. Бунге в конце 1857 г. опубликовал в столичной прессе статью «Изменения сословного состава населения России в промежутках времени между 7-ю и 8-ю, 8-ю и 9-ю ревизиями»[2]. В социальной структуре населения России за время, истекшее после 7-й ревизии (1815 г.), произошли существенные изменения, которые свидетельствовали о том, что существующий крепостнический уклад полностью изжил себя. Анализ сдвигов в составе населения страны, проведенный в статье Н. Х. Бунге, показал, что, в то время как другие группы и слои общества росли по своей абсолютной, а в ряде случаев и по относительной величине, крепостное крестьянство за время между ревизиями 1834 и 1850 гг. сократилось не только по абсолютной численности, но и по удельному весу в населении страны.

Н. Х. Бунге подчеркнул, что это явление вызвано не межсословными переходами, а главным образом неблагоприятными показателями естественного воспроизводства крепостного крестьянства: «...уменьшение числа крепостных крестьян не зависело от обращения их в казенное ведомство. Этот факт должен обратить на себя внимание, один разряд населения убывает, а эта убыль ощущается целым организмом в уменьшении приращения числа жителей. Единственная причина этого состоит в уменьшении благосостояния земледельческого населения, в особенности помещичьих крестьян. Это не голословное предположение, но несомненный факт. Помещичьи крестьяне стали больше работать, изнуряться, беднеть»[3].

Своеобразным официальным ответом на статью Н. Х. Бунге явились работы А. Г. Тройницкого, опубликованные в 1858 и 1861 гг. В 1857 г. А. Г. Тройницкий был заведующим статистической частью в Центральном статистическом комитете МВД. В своей статье «О числе крепостных людей в России» он дал иную, нежели Н. Х. Бунге, интерпретацию сокращения численности сословия крепостных крестьян: «Главную причину не только застоя, но даже уменьшения мы считаем возможным приписать

---

[1] См.: *Федоров В. А.* Барщина и оброк в центрально-промышленных губерниях России в первой половине XIX в. — «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», 1966. Таллин, 1971, с. 322.

[2] «Экономический указатель», 1857, № 44, с. 1022—1030.

[3] *Там же,* с. 1029.

отбыванию этим сословием рекрутской повинности, потому что люди, поступающие в рекруты из свободных сословий, остаются в числе тех же сословий, при счете народонаселения, переходя только разве из одного сословия в другое, поступающие же в военную службу из крепостного сословия исключаются из него навсегда, причисляясь, по истечении срока своей службы не только лично, но с частию своих семейств, к какому-либо из свободных состояний. Могут быть и другие причины застоя в численности крепостного сословия, как-то: отпуск на волю, увольнение в свободные хлебопашцы, переход по разным причинам в другие сословия и т. п.; но у нас нет надлежащих данных для точного их определения»[1].

Как видим, А. Г. Тройницкий, не вступая формально в полемику с Н. Х. Бунге, начисто отверг его концепцию о вымирании крепостного крестьянства, сведя проблему единственно лишь к убыли численности крепостного сословия за счет межсословных переходов.

Важный новый акцент в полемику внесла статья, опубликованная в январской книжке «Библиотеки для чтения» за 1859 г., подписанная «Д—ъ» (возможно, А. В. Дружинин, известный тогда литератор и критик)[2].

Если Н. Х. Бунге и А. Г. Тройницкий занимались сравнительным анализом современных им ревизий населения, прежде всего 1834 и 1850 гг., а впоследствии и 1857 г., то автор указанной статьи рассмотрел динамику численности крепостного крестьянства за время с 1719 по 1850 г. Он сделал вывод о том, что крепостное крестьянство из-за барщины и в XVIII в. имело меньший естественный прирост по сравнению с другими сословиями, в том числе и государственными крестьянами: «Таким образом, в один и тот же промежуток времени и именно от 6 до 9 ревизии, число жителей на помещичьих землях увеличилось: в России — на 7%, в Остзейских губерниях — на 26%»[3].

В 1861 г. была опубликована новая работа А. Г. Тройницкого, посвященная демографии крепостного населе-

---

[1] *Тройницкий А.* О числе крепостных людей в России. — «Журнал МВД», 1858, т. 30, кн. 5, отд. 3, с. 30.

[2] Статистические заметки о крепостном сословии. — «Библиотека для чтения», 1859, т. 153, с. 28—30.

[3] Д-ъ. Статистические заметки о крепостном сословии. «Библиотека для чтения», 1859, т. 153, с. 29—30. В Остзейских губерниях — Эстляндской, Лифляндской, Курляндской — крестьяне получили освобождение вскоре после 6-й ревизии.

ния России, с учетом итогов ревизии 1857 г.[1]. Как и прежде, главной причиной убыли крепостного крестьянства А. Г. Тройницкий считал отбывание рекрутской повинности, другие социальные переходы из состава крепостных признавались им незначительными по своей величине. Однако здесь делается важное уточнение: «Но если такое перечисление и принять главною, то едва ли его можно признать единственную причиною, указываемого нами явления. Нет сомнения, что и условия естественного приращения в этой части населения, т. е. заключение браков (в крепостном состоянии не свободных), рождаемость и смертность, находятся в положении менее выгодном и менее правильном, нежели в других сословиях государства, нельзя не предположить, что весь экономический быт крепостного сословия находится в ненормальном положении»[2].

В советской историографии сформировались две точки зрения по указанному вопросу[3]. Н. М. Дружинин, А. Г. Рашин, С. Г. Струмилин, И. Д. Ковальченко, В. М. Кабузан, Н. М. Шепукова выступают как представители концепции «вымирания» крепостной деревни. П. Г. Рындзюнский является представителем прямо противоположной концепции, которая сводит процесс абсолютного и относительного сокращения численности крепостного населения России к социальным перемещениям из состава крепостных в другие сословия. При этом не отрицается фактор худших демографических условий воспроизводства крепостного крестьянства в сравнении с другими сословными группами феодально-крепостнической России, однако собственно демографический фактор

---

[1] См.: *Тройницкий А.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование. Изд. ЦСК. Спб., 1861.

[2] *Тройницкий А. Г.* Указ. раб., с. 55—56.

[3] *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2, Изд. АН СССР. М., 1958, с. 294—300; *Рашин А. Г.* Население России за сто лет, с. 34—35; *Струмилин С. Г.* Предисловие к монографии А. Г. Рашина. — *Там же*, с. 3—12; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное крестьянство первой половины XIX века. М., 1967, с. 306—307, 327; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX века. М., 1971, с. 15, 39; *Шепукова Н. М.* Изменение удельного веса частновладельческого крестьянства в составе населения Европейской России (XVIII — первая половина XIX ст.). — «Вопросы истории», 1959, № 12, с. 123—136; *Рындзюнский П. Г.* Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. — «История СССР», 1963, № 4; *Его же*: Вымирало ли крестьянство перед реформой 1861 г.? — «Вопросы истории», 1967, № 7, с. 54—70.

признается второстепенным по отношению к процессу социальной мобильности.

П. Г. Рындзюнский, в частности, утверждает: «Разница в естественном приросте помещичьих и государственных крестьян, видимо, была, но не такая существенная, как это представлялось нам раньше (т. е. в период безраздельного господства концепции о «вымирании» крепостного крестьянства. — *А. П.*)»[1]. П. Г. Рындзюнский правильно нащупал уязвимое место сторонников концепции «вымирания» крепостных крестьян, которое заключалось в том, что они пользовались (весьма неполно) ограниченным кругом печатных источников по итогам ревизий 1834, 1850 и 1857 гг., изданных более 100 лет назад, а основой их аргументации являлись упомянутые выше доводы Н. Х. Бунге. Однако проведенный П. Г. Рындзюнским анализ межсословных переходов нельзя, как нам кажется, признать полностью удовлетворительным, поскольку в нем не учитывался факт огромного военного отхода из гражданских податных сословий.

Следует также учитывать сопоставимость данных по отдельным группам населения, прежде всего по сословиям помещичьих и государственных крестьян, поскольку сословная принадлежность отдельных групп населения от ревизии к ревизии претерпевала существенные изменения. Например, вряд ли правильно учитывать в составе государственных крестьян военных поселенцев, которые в царствования Александра I и Николая I составляли особое неподатное военное сословие, а также зачислять остзейских и бессарабских свободных крестьян, живущих на помещичьих землях, в разряд крепостного населения. Наконец, следовало бы рассматривать одновременно динамику всех категорий населения с тем, чтобы была ясна роль отдельных социальных групп, сословий в системе демографического воспроизводства данного исторического общества в целом (см. табл. 1).

Анализ данных табл. 1, в частности, не подтверждает мнения П. Г. Рындзюнского о том, что правила проведения ревизии 1850 г. могли дополнительно способствовать освобождению крестьян помещиками из крепостного состояния[2]. Как известно, § 114 Устава о 9-й ревизии раз-

---

[1] *Рындзюнский П. Г.* Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в., с. 106.

[2] *Рындзюнский П. Г.* Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.?, с. 62—63.

решал помещикам отпускать на волю крепостных и во время проведения ревизии, что ранее не разрешалось. Указанный параграф разрешил помещикам не составлять на освобожденных особой ревизской сказки, поскольку ревизские сказки на такого рода вольноотпущенных составлялись уже по мере приписки их в «общества» мещан, купцов и т. д.

Приписка проводилась в рамках так называемого дополнительного срока, который устанавливался в основном с 1 ноября 1850 г. по 1 февраля 1851 г. Дела лиц по неоформленной еще приписке в различные сословия отражены в соответствующей рубрике учета населения: «Разного звания люди, о происхождении и приписке коих дела не закончены». Удельный вес этой группы лиц в общей численности населения был стабилен: в 1834 и 1850 гг. он составил всего 0,2%. Лица, оформившие уже приписку в соответствующие «общества» свободных групп населения, означаются в рубрике населения, временно состоящего на льготе[1]. Удельный вес этой группы хотя и удвоился за время между ревизиями (и во время проведения ревизии 1850 г.), однако оставался тоже весьма малым: в 1834 г. — 0,3%, в 1850 г. — 0,6% всего населения.

Численность группы сословий, объединенных в категорию государственных крестьян, за время между ревизиями 1834 и 1850 гг. выросла незначительно, всего на 3%. Картина воспроизводства населения государственных крестьян показана в работах, опубликованных в свое время на страницах «Журнала Министерства государственных имуществ» и в специальном ведомственном статистическом сборнике этого министерства. Эти работы являются первыми такого рода по изучению структуры воспроизводства отдельных сословных групп населения в отечественной литературе.

Для выяснения размера естественного прироста населения государственных крестьян между ревизиями 1834 и 1850 гг. (см. табл. 2) была применена методика, исходящая из особенностей ревизского учета населения. Как разъяснялось в «Журнале Министерства государствен-

---

[1] При легальном переходе из одного податного сословия в другое устанавливалась льгота от податей и других повинностей. В случае отпуска на волю крепостных льгота устанавливалась сроком на 6 лет для дворовых и в 2 года для крестьян, имевших земельный надел.

Таблица 1

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ПО ОСНОВНЫМ СОСЛОВИЯМ И ИХ ГРУППАМ ПО ДАННЫМ РЕВИЗИЙ 1834 И 1850 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.

Категории населения	1834 г.			1850 г.			1850 г. в % к 1834 г. (мужчины)	Доля групп населения в процентах к итогу (мужчины)	
	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола		1834 г.	1850 г.
А	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Городские податные сословия	1 496	1 582	3 078	1 772	1 908	3 680	118	5,6	6,1
Сельские податные сословия	21 517	22 697	44 214	22 471	23 857	46 828	107	80,9	78,7
в том числе:									
крепостные крестьяне	10 927	11 442	22 369	10 901	11 338	22 239	99,7	41,1	37,4
государственные крестьяне	8 751	9 323	18 074	9 940	10 360	20 300	103	32,9	34,1
удельные крестьяне	737	768	1 505	852	946	1 798	116	2,8	2,9
крестьяне, принадлежащие разным ведомствам	625	647	1 272	487	394	881	78	2,3	1,6
свободные крестьяне остзейских губерний и Бессарабии на помещичьих землях	477*	517*	994*	791	819	1 610	165	1,8	2,7
состоящие на временной льготе от податей и повинностей	89	75	164	169	75	244	190	0,3	0,6

Группы населения, освобожденные от уплаты податей	3 516	2 615	6 131	4 256	3 003	7 259	121	13,2	14,6
в том числе:									
дворяне и чиновники	364	322	686	404	370	774	111	1,4	1,4
духовенство	274	264	538	303	326	629	111	1,0	1,0
другое гражданское население	611	583	1 194	523	413	936	86	2,3	1,8
военные поселенцы	226	272	498	321	308	629	142	0,8	1,1
казачье население	951	981	1 932	1 249	1 226	2 475	131	3,6	4,3
отставные солдаты	89	155	244	197	314	511	221	0,3	0,7
регулярная армия и флот	953	—	953	1 191	—	1 191	125	3,6	4,1
разного звания люди, о происхождении и приписке которых дела не закончены	48	38	86	68	46	114	142	0,2	0,2
Итого	26 618	26 969	53 587	29 168	27 843	58 011	110	100	100

* В 1834 г. только численность остзейских свободных крестьян.

Примечание. Численность мужчин была предметом тщательных ежегодных проверок результатов очередных ревизий, по женскому населению такие проверки не производились.

Источники: ЖМВД, 1837, № 9, отд. 2, с. LXXVIII—LXXX; Сведения о народонаселении империи в 1836 г. ЖМВД, 1853, № 12, отд. 2, с. 69—76; Ведомость о народонаселении России за 1851 г. по 9-й народной переписи за 1851 г., *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, с. 15—16.

ных имуществ», «поскольку в промежутке лет между ревизиями, ревизское число вовсе не изменяется от нарождения и смертности, от поступления в рекруты, от безвестной отлучки и тому подобных обстоятельств, которые, производя изменения в численности народонаселения, не принимаются в соображение при исчислении оклада податей, а изменяется только от переселений из одной губернии в другую и от перечислений из одного сословия в другое», то для определения естественного прироста населения между двумя ревизиями, например между восьмой и девятой, необходимо «взять по 8 ревизии не то число, которое значилось в год производства сей переписи, а то, которое значилось по финансовым счетам перед самым производством 9-ой ревизии... Разность между ревизскими числами, сравненными таким образом, будет выражать результат одного естественного увеличения или уменьшения народонаселения»[1].

Таблица 2

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ ЗА 1834—1850 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.

Распределение по полу	По 8-й ревизии к 1 января 1851 г.* числилось	По 9-й ревизии к 1 июля 1851 г.* числилось	Естественный прирост
Мужчины	7 809	8 798	989
Женщины	8 171	9 291	1 120
Оба пола	15 980	18 089	2 109

* 9-я ревизия населения началась в 1850 г., а завершилась в Европейской России в первой половине 1851 г., в связи с чем была составлена новая окладная книга. Во время проведения ревизии подати собирались на основе данных предыдущей ревизии, в частности на основе окладной книги на 1.I 1851 г.

Источник. ЖМГИ, 1855, № 1, с. 26—27.

Однако примененная для расчета табл. 2 методика не позволяла выяснить полностью всю структуру воспроизводства населения данной социальной группы, поскольку определялась только величина естественного прироста. Поэтому при разработке материалов ревизии 1857 г. в статистическом отделении департамента сельского хозяй-

[1] Сравнение числа государственных крестьян по 8-й и 9-й ревизиям в губерниях Европейской России. ЖМГИ, 1855 г., № 1, отд. 1, с. 17—27. Статья опубликована без подписи.

ства Министерства государственных имуществ была применена другая методика, в основу которой легли данные предыдущей ревизии 1850 г., относящиеся ко времени ее проведения. Эти данные составляли сумму итогов ревизских сказок, что позволило (при наличии к этому времени относительно широкой информации о естественном и социальном движении государственных крестьян) выявить удельный вес как естественного прироста, так и социальных переходов и миграций в социально-демографическом воспроизводстве этой категории населения империи (см. табл. 3).

Таблица 3

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ В 1850—1857 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.*

Распределение по полу	Числилось		Прирост за период между ревизиями			Доля в арифметической сумме общего прироста, %	
				в том числе за счет			
	по 9-й ревизии	по 10-й ревизии	всего	социального движения	естественного движения	социального прироста	естественного прироста
Мужчины	8 713	9 345	632	—323	955	27	75
Женщины	9 213	10 035	822	+ 57	765	7	93
Оба пола	17 926	19 380	1 454	—266	1 720	15	85

* В разработку данных по табл. 3 не включались однодворцы западных губерний из бывшей польской шляхты, киргизы и калмыки, а также колонисты Бессарабской области и губерний: Екатеринославской, Херсонской, Таврической, Самарской и Саратовской.

Источник. *Милевский И. Ф.* Движение народонаселения государственных крестьян и других сельских обывателей ведомства Министерства государственных имуществ с 9-й по 10-ю ревизию. — «Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ». Вып. IV. Спб., с. 124—137.

Абсолютная величина естественного прироста была определена как разность между общим приростом населения и приростом за счет социального движения[1].

[1] Под социальным движением мы понимаем не только социальные переходы, но и миграции, механическое движение. В общем виде сумму социального движения мы рассматриваем как сумму социальных переходов и миграций. В литературе обычно понятия механического и социального движения разделяются. (См.: Марксистско-ленинская теория народонаселения. М., 1974, с. 49.)

Для определения удельного веса социального и естественного компонентов воспроизводства населения соответствующие величины социального и естественного прироста были отнесены к их арифметической сумме, составленной независимо от действительного знака.

Как видно из данных табл. 3, увеличение численности мужского населения среди государственных крестьян в 1850—1857 гг. шло только за счет естественного прироста, в то время как женское население этой группы росло в незначительной степени и за счет положительного сальдо межсословных переходов (за счет межсословных браков). Сальдо социальных перемещений для мужского населения государственной деревни представляло собой отрицательную величину. Таким образом, за время между ревизиями 1850 и 1857 гг. государственные крестьяне за счет социальных перемещений сокращались в своей численности (см. табл. 4).

Таблица 4

СОЦИАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ ЗА 1850—1857 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.

Распределение по полу	Сумма прибытий	Сумма убытий	В том числе отдано в рекруты	Сальдо социального движения
Мужчины	336	659	314	—323
Женщины	238	181	—	57
Оба пола	574	840	314	—266

Источник. *Милевский И. Ф.* Указ. соч., с. 136—137. Разработка по другим, кроме рекрутчины, составным частям социального отхода и прихода государственных крестьян И. Ф. Милевским не производилась.

Как следует из данных табл. 4, число отданных в рекруты составило 47,6% всей суммы убывших мужчин. Однако истинная величина военного отхода была еще более значительной: в связи с Крымской войной помимо рекрутского набора был объявлен набор ратников в ополчение, из государственных крестьян было взято 132 тыс. ратников, из которых не вернулось 36 тыс. человек, или 27%.

Сходной была структура прироста численности удельных крестьян, принадлежащих императорской фамилии (см. табл. 5).

Таблица 5

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН В 1850—1857 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.

Распределение по полу	Числилось		Прирост за период между ревизиями			Доля в арифметической сумме общего прироста, %	
				в том числе за счет			
	по 9-й ревизии	по 10-й ревизии	всего	социального движения	естественного движения	социального прироста	естественного прироста
Мужчины	803	842	39	—35	74	32	68
Женщины	883	933	50	— 3	53	5	95
Оба пола	1 686	1 775	89	—38	127	23	77

Источник. *Рихтер В.* Движение населения в удельных имениях в период времени от 9-й по 10-ю ревизии. ЖМГИ, 1860, № 2, отд. 2, с. 157—171.

Среди убывшего мужского населения удельных крестьян доля рекрут была еще выше, чем среди государственных крестьян: всего сумма убытий мужчин удельных имений составила 43 тыс. человек, среди них рекруты составили 37 тыс., или 86%.

Таким образом, как среди государственных, так и среди удельных крестьян социальное движение являлось фактором, уменьшавшим общий прирост населения. Государственные и удельные крестьяне имели в период между ревизиями 1850 и 1857 гг. весьма незначительное расширенное воспроизводство населения за счет естественного прироста.

До сих пор отсутствуют какие-либо обобщающие разработки по социально-демографическому воспроизводству крепостного населения, аналогичные тем, которые были предприняты статистиками МГИ и удельного ведомства по сословным группам крестьян, находившихся в их ведении. Однако на базе обобщения итогов ревизских сказок еще в дореформенный период были сделаны две известные нам локальные разработки по изучению путей формирования численности сословий и структуры населения. Под руководством Д. П. Журавского, а затем и Н. Х. Бунге была проведена разработка по мужскому полу ревизских сказок населения Киевской губернии. В архиве Комиссии по статистическому описанию губерний Киевского учебного округа сохранились, в частности, поуездные итоги такой разработки по помещичьим

крестьянам; по другим сословным группам итоги таких разработок сохранились не полностью.

Киевская губерния принадлежала к сравнительно небольшому числу губерний, где был зафиксирован за 1834—1850 гг. некоторый, правда, весьма умеренный общий прирост численности крепостного населения (см. табл. 6). Анализ данных табл. 6 показывает, что решающую роль в социальном движении крепостного крестьянства Киевской губернии занимали рекрутчина и миграция. Здесь следует сказать, что сальдо легальной миграции выражалось более чем скромной цифрой: +207 человек. Решающую роль в миграции крепостного населения играла нелегальная миграция, бегство за пределы губернии: за 1834—1850 гг. бежало 20 701 человек, вернулось только 1563 человека. Таким образом, сальдо нелегальной миграции составило за время между 8-й и 9-й ревизиями 19 138 человек мужского пола.

Расчет по объему миграции крепостного населения Киевской губернии говорит о том, что исчисление миграции различных сословных групп только по данным ежегодных окладных книг, составлявшихся между ревизиями, неэффективно, поскольку казенные палаты в период между ревизиями учитывали лишь легальную миграцию населения.

Таблица 6

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1834—1850 ГГ.* (МУЖЧИНЫ, ЧЕЛ.)

Числилось		Общий прирост	Социальный прирост					Естественный прирост	Доля в арифметической сумме общего прироста, %	
			Всего	в том числе		из них				
по 8-й ревизии в 1834 г.	по 9-й ревизии в 1850 г.			сальдо миграций	сальдо переходов	рекрутчина	сальдо прочих причин		социального прироста	естественного прироста
500	514	14	—41	—19	—32	—31	—1	65	39	61

* Общая численность крепостного населения и элементы его движения в целом подсчитаны без дворовых. Исследование ревизских сказок с целью определения элементов воспроизводства женского населения комиссией не производилось ввиду того, что руководители разработки Д. П. Журавский и Н. Х. Бунге считали информацию о движении женского населения весьма недостоверной. См.: «Записку о статистическом исследовании народонаселения Киевской губернии». ЦНБ АН УССР, ф. 2, д. II—29725.

Источники: ЦНБ АН УССР, отдел рукописей, ф. 2, д. П—29194—29095, 29118—29122, 29160—29163, 29164—29166, 29200—29202 и др.

Однако по государственным и удельным крестьянам МГИ и ведомство уделов регулярно составляли сведения (во всяком случае, в межревизский период 1850—1857 гг.) о *наличном* населении государственных и удельных крестьян, в связи с чем статистические службы этих ведомств учитывали *ежегодно* все компоненты движения населения по состоянию на 1 января. К сожалению, эти данные до сих пор не опубликованы и являются достоянием архивов. Как показывают данные, использованные при составлении табл. 6, легальный отход в другие сословия, помимо солдатчины, был совсем незначительным: за 1834—1850 гг. было отпущено на волю помещиками всего 1055 человек, кроме этого, получили свободу по решению суда еще 238 мужчин. Характер воспроизводства крепостного населения, обнаруженный при разработке ревизских сказок по Киевской губернии, был, вероятно, типичным и для губерний Правобережной Украины в целом. Никакого «эмансипационного всплеска» устав о 9-й ревизии не принес.

В 1858 г. симбирским статистиком В. В. Трубниковым было опубликовано монографическое исследование, посвященное населению Ардатовского уезда Симбирской губернии[1]. Работа В. В. Трубникова также основана на разработке ревизских сказок 8-й и 9-й ревизий населения. В свое время она была высоко оценена П. И. Кеппеном как образец статистического исследования населения[2].

Демографическая ситуация в Ардатовском уезде Симбирской губернии для крепостного крестьянства была, как и в Киевской губернии, относительно «благополучной»: налицо был очень скромный рост крепостного населения. Естественное движение податного населения Ардатовского уезда характеризовалось следующими показателями: ежегодно на 1000 человек, мужского пола рождалось 29,7 детей, в том числе у удельных крестьян — 31,3, помещичьих — 27,3, городских сословий — 29,7. Умирало 14,5 человек, в том числе удельных крестьян — 13,8, помещичьих крестьян — 15,7. Соответственно естественный прирост отражал соотношение уровней

---

[1] См.: *Трубников В. В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии. Сб. стат. сведений о России. Изд. статистическим отделением Импер. РГО, кн. III, с. 343—427.

[2] См.: *Кеппен П. И.* Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России в 1851 г. Спб., 1857, с. 126.

рождаемости и смертности: он был среди сельских сословий наименьшим для помещичьих крестьян.

В этом плане интересно проследить, как изменялся рост податного населения уезда за счет миграций, социальных переходов по отношению к естественному движению в отдельности (см. табл. 7). Расчеты показывают интересную закономерность: чем ниже уровень естественного прироста, тем существеннее на общем приросте населения сказываются обстоятельства социального отхода.

Таблица 7

МИГРАЦИИ И МЕЖСОСЛОВНЫЕ ПЕРЕХОДЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЕСТЕСТВЕННОМУ ПРИРОСТУ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АРДАТОВСКОМ УЕЗДЕ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ ЗА 1834—1850 ГГ., %

(естественный прирост = 100)

Группа населения	Удельный вес			
	сальдо миграции	сальдо переходов	рекрутчины	суммы социального прироста
Городские сословия	—72,3	+104,8	—26,5	+32,5
Сельские сословия	—10,8	—24,1	—19,5	—34,9
в том числе:				
удельные крестьяне	— 0,9	—13,5	—17,0	—14,4
помещичьи крестьяне	—34,4	—54,5	—25,6	—88,9
Все податные сословия	—11,1	—23,4	—19,6	—34,5

Источник. *Трубников В.* Результаты народных переписей в Ардатовском уезде Симбирской губернии, с. 354, 360.

В 1970 г. В. И. Крутиков произвел подсчеты по изменению численности сословного состава населения Тульской губернии за 1795—1857 гг. Как подчеркивает исследователь, изучение динамики сословных групп населения Тульской губернии в первой половине XIX в. «показывает, что помещичьи крестьяне были категорией населения с самым низким естественным приростом. Особенно низким был этот прирост в период кризиса крепостничества. Поэтому из шести центрально-черноземных губерний Тульская губерния, имевшая наибольший процент крепостных, давала наименьший прирост населения»[1].

[1] *Крутиков В. И.* Изменение численности и социального состава населения Тульской губернии в конце XVIII — первой половине XIX века. — «Вопросы аграрной истории центра и Северо-Запада РСФСР». Смоленск, 1972, с. 128—129.

Как показывают данные, собранные В. И. Крутиковым, сумма естественного прироста крепостного крестьянства была меньше общего отрицательного сальдо межсословных переходов и миграций этой сословной группы, а в социальном отходе крепостного крестьянства подавляющее большинство составляли рекруты (данные о движении населения между 8-й и 9-й ревизиями).

Следует сказать, однако, что данные по отдельным губерниям и уездам, как бы они ни были эффектны для подтверждения той или иной точки зрения, не могут все же дать достаточного статистического обоснования для суждений о характере демографического развития крепостного крестьянства в целом по стране. Для определения величины естественного прироста крепостного крестьянства следует использовать сводные материалы общеимперских окладных ревизских книг.

Таблица 8

ВЕЛИЧИНА ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ ЗА 1834—1850 ГГ.
(мужчины, тыс. чел.)

По 8-й ревизии по окладной книге за 1850 г.	По 9-й ревизии по ведомости 1851 г.	Естественный прирост
10 395	10 901	+506

Источники: ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 2, д. 48; а также: ЖМВД, 1853, № 12, отд. 2.

В табл. 8 приведен соответствующий расчет, выполненный нами по методике, первоначально принятой статистической службой МГИ для определения естественного прироста государственных крестьян между 8-й и 9-й ревизиями (см. табл. 2). Для расчета выбран тот же период как в целях сопоставления, так и потому, что по крепостному населению более ранние или позднейшие расчеты затруднены из-за состояния источников.

Поскольку по окончательным итогам 8-й ревизии числилось 10 927 тыс. душ мужского пола (ведомость 1836 г.), то общий прирост за годы между 8-й и 9-й ревизиями крепостного крестьянства составил 26 тыс. душ

мужского пола. Зная величину общего (ОП) и естественного (ЕП) прироста населения, мы легко определим прирост за счет социальных перемещений и миграций: (СП) : СП=ОП — ЕП= —26—506= —532 тыс. душ мужского пола. Сопоставляя величину естественного прироста крепостного крестьянства с величиной его по категории государственных крестьян за те же годы (+989 тыс. душ мужского пола), видим, что абсолютная величина естественного прироста среди государственных крестьян была почти вдвое больше, нежели у крепостного населения, хотя удельный вес государственных крестьян в общей численности населения был меньше.

Состояние разработки источников не позволяет провести аналогичный расчет для определения величины естественного прироста крепостного крестьянства за время между ревизиями 1850 и 1857 гг. Однако трудно предположить, чтобы в последние годы кризиса феодальной системы, осложненного к тому же Крымской войной 1853—1856 гг., произошло какое-то улучшение естественного движения крепостного населения. Численность крепостного крестьянства не только не увеличилась, но и несколько снизилась в 1857 г. в сравнении с 1850 г. (по 9-й ревизии было 10 901 тыс., а по 10-й — только 10 863 тыс. душ мужского пола) [1]. Таким образом, в эпоху разложения феодального уклада в России его экономический кризис сопровождался демографическим кризисом крепостного крестьянства, что можно уже считать установленным фактом.

Анализ материалов социального выбытия из различных сословий крестьянства в целом показывает, что определенную роль в нем играл отход военного характера. Эта сторона проблемы не привлекла к себе достаточного внимания исследователей, а между тем в ней отчетливо отражалось двойственное состояние феодальной зависимости: с одной стороны, крестьяне податных сословий угнетались помещиками и чиновниками, с другой — подвергались непосредственной эксплуатации со стороны военно-феодальной государственной машины. В первой половине XIX в. эксплуатация военно-феодальной государственной машиной народных масс резко возросла.

Серьезным деструктивным элементом, отрицательно влиявшим на демографическое воспроизводство подат-

[1] См.: ЦГИА СССР, оп. 6, д. 1080, л. 39 и далее.

ного населения, явились постоянные рекрутские наборы, которые возрастали в годы войн и подавления крупных национально-освободительных восстаний. В сравнении с XVIII в. численность регулярной армии и флота в целом резко возросла. Если во второй половине XVIII в. и в самом начале XIX в. численность регулярной армии и флота не превышала 400 тыс. человек, то в последующее время, в эпоху наполеоновских войн, численность регулярных вооруженных сил намного увеличилась. Например, в 1802 г. численность регулярной армии и флота составляла 449 тыс. человек, а в последующие годы начался ее стремительный рост: достаточно сказать, что во второй четверти XIX в. средняя годовая численность армии и флота составляла около 1 млн. человек, а в годы Крымской войны приблизилась к 2 млн. человек[1].

Для понимания силы и направленности демографических процессов, для уяснения, в частности, масштабов смертности по сословиям в России того времени важное значение имеют данные, относящиеся и к военному населению страны в целом; в этом случае состояние разработки источников заставляет нас ограничиваться сведениями, относящимися к регулярной армии. Сведения о смертности военного населения не включались в разработку данных по смертности в империи, что существенно занижало смертность взрослого населения в производственном возрасте.

В регулярной армии в период войны показатель смертности выше, чем среди мирного населения. Уже в то время среди прогрессивной группы военных статистиков в России сложилось правильное понимание влияния повышенной смертности в армии на демографическое развитие страны. Один из них, Л. И. Ильяшевич, в связи с этим подчеркивал: «Последствием большой смертности в армии является истощение народонаселения. Для России, содержащей значительную армию, пополняемую только податными сословиями, вопрос о большей или меньшей смертности в войсках имеет еще большее значение: замена умершего лежит на обязанности только части населения, следовательно, значительная смертность в армии отражается на благосостоянии этого населения в большей степени, чем где-нибудь... Вообще убыль на-

---

[1] Подсчитано по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, с. 15—16.

шей вооруженной силы смертью до 1853 года вне всякого сравнения»[1].

Как известно, первая половина XIX в. характеризовалась в России не только кризисом феодально-крепостнической системы, но и частыми войнами.

Например, нашествие Наполеона на Россию вызвало значительные демографические потери, которые нашли отражение и в том факте, что в межревизионный период 1811—1815 гг. численность податного населения сократилась с 19 111 тыс. мужчин до 19 059 тыс., т. е. на 0,3%[2]. Таким образом, естественный прирост был полностью «съеден» демографическими потерями военных лет, прямыми и косвенными.

Масштабы рекрутских наборов были весьма значительными, и они возросли в первой половине XIX в. Достаточно сказать, что за весь XVIII в., начиная с 1699 по 1799 г., проведено 70 рекрутских наборов и собрано 2272 тыс. рекрутов[3]. За 1800—1855 гг. всего было взято 4331 тыс. рекрутов, в том числе за время между 8-й и 9-й ревизиями 1158 тыс. человек, или 26,7% общего числа[4]. Таким образом, за 1800—1855 гг. было взято в 2 раза больше рекрутов, чем за все XVIII столетие.

Подведем итоги. Вторая половина XIX в. ознаменовалась в России не только усилением помещичьей эксплуатации крепостного крестьянства, но и усилением военно-феодальной эксплуатации, что поставило крепостное население страны в особо неблагоприятные условия. Имея среди сельских податных сословий наиболее низкий уровень естественного прироста, крепостное крестьянство вследствие этого наиболее страдало от рекрутчины, поскольку в сравнении с другими сословиями доля прину-

---

[1] *Ильяшевич Л.* Статистическое исследование смертности в нашей армии. — «Военный сборник», 1863, № 2, с. 359—420. Исследование Л. Ильяшевича специально посвящено смертности в армии в мирные и «благополучные» годы, потому у него исключены годы эпидемий и военные годы.

[2] См.: *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII — первой половине XIX в., с. 127, 130, 134, 144. Расчет условный, поскольку В. М. Кабузан учел категории населения по сословной принадлежности 1857 г., когда, например, военные поселенцы снова были перечислены в податное сословие государственных крестьян.

[3] Столетие военного министерства (1802—1902 гг.). Главный штаб. Исторический очерк, т. 4, ч. I. Спб., 1902, с. 3 (Приложение).

[4] Подсчитано по: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке, с. 71—79.

дительного военного изъятия из демографического прироста крепостного крестьянства была наиболее значительной.

Принудительный военный отход составлял подавляющую часть социального отхода из крепостного населения. По нашему мнению, это вызывало дополнительные неблагоприятные последствия в плане торможения развития социальной мобильности, поскольку резко сокращало таким образом возможность перехода из крепостного состояния в гражданские сословия: помещики при ежегодных рекрутских наборах цепко держались за каждую мужскую ревизскую душу, боясь потерять оброчную или барщинную единицу[1]. Поэтому нет основания говорить о том, что переход крепостных в другие гражданские сословия носил в последние десятилетия определяющий характер. В то же самое время даже небольшой удельный вес социального отхода крепостного крестьянства заметно сказывался на общем приросте численности этой категории населения, поскольку доля такого отхода в низком (по сравнению с другими сословными группами крестьянства) естественном приросте населения была более высока, чем, скажем, удельный вес отхода государственных крестьян в соответствующей массе их естественного прироста.

С одной стороны, неблагоприятные условия для естественного воспроизводства, а с другой — особые условия формирования социального отхода придавали крепостному крестьянству в первой половине XIX в. характер застойной демографической группы, которая вымирала, если не в чисто популяционном, то, во всяком случае, в социально-демографическом смысле. О вымирании, биологической депопуляции можно говорить только в том случае, когда числа родившихся меньше чисел умерших или когда число родившихся равно числу умерших. По нашему мнению, остается открытым и требует дополни-

---

[1] За 26 лет с 1826 по 1851 г. общее число крепостных, отпущенных на волю, а также получивших свободу по решению суда составило по стране всего 108 570 душ мужского пола. Из них записалось в купцы 13 733, в мещане — 52 252, в госкрестьяне — 19 624, в удельные и другие — 2016, в вольные хлебопашцы (свободные крестьяне, имевшие собственную землю) — 20 945. Речь здесь идет в основном о деревенской верхушке: чтобы выкупиться на волю или судиться со «своим» помещиком по поводу «неправильного» закрепощения нужно было иметь немалые деньги. (См.: ЦГИА СССР, ф. 571, оп. 9, д. 24, л. 292; д. 41—50.)

тельного исследования вопрос о значении миграции в социальном отходе, прежде всего нелегальной миграции.

Можно думать, что значение бегства было существенно в формировании социального отхода среди крепостного крестьянства губерний, где господствовала барщина (это прежде всего черноземные губернии). В то же время для губерний, где господствовала оброчная система (нечерноземные губернии), роль бегства, видимо, была второстепенной в связи с возможностью легально, на годы уйти «избыточному населению» из-под власти помещика на заработки. Требует своего дальнейшего изучения структура естественного прироста населения крепостной деревни, который формировался не только на основе повышенной по сравнению с другими сословиями смертности, но и, вероятно, более низкой рождаемости.

М. К. Караханов

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕЙ АЗИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX СТОЛЕТИЯ

ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В данной статье ставится задача обобщить и оценить отдельные стороны демографической истории республик Средней Азии во второй половине XIX столетия.

Основными источниками для изучения демографической истории Средней Азии служат материалы статистического комитета и архивы канцелярии Туркестанской администрации и областных правлений, а также отчеты и труды различных экспедиций по изучению территории и населения края. Эти материалы разбросаны по многочисленным местным архивам и хранилищам, и не всегда привязаны к определенным административно-территориальным единицам.

Многочисленные донесения, докладные записки, отчеты, переписка военных и гражданских чиновников, акты обследований и ревизий центральных органов России и различных комиссий Туркестанского военного губернаторства и его местных органов весьма интересны, но из-за неполноты сведений, особенно в части количественной характеристики населения, они лишь в ограниченной мере могут быть использованы для расчетов демографических показателей. Отдельные сводки данных о рождаемости, смертности, брачности и разводимости носили несистематический характер и подчас охватывали население небольших территорий.

Догмы ислама не одобряли ведения учета естественного движения населения, состава его по полу и возрасту, регистрации заключения и расторжения браков.

О влиянии религии на учет населения, говорит, например, следующее высказывание: «Мы не имели, разумеется, никакой возможности получить прямые сведения о численности этого населения (речь идет о населении г. Бухары. — *М. К.*), так как считать правоверный народ (следовательно и женщин и детей) по меньшей мере предосудительно и неприлично кому бы то ни было»[1].

Кроме религиозных были и другие препятствия, тормозившие развитие учета населения. В донесениях областных и уездных начальников, направленных на имя губернатора Туркестана, можно встретить различные объяснения причин плохой регистрации актов гражданского состояния. Например, правитель Сырдарьинской области писал, что метрические книги ведутся крайне ограниченным числом аульных старшин, записи в них неполные и делаются от случая к случаю. В качестве основных причин в письме указывается на то, что большинство аульных старшин, коим по должности вменено в обязанность ведение книг записи актов гражданского состояния, неграмотны, в силу чего они вынуждены прибегать к помощи грамотных обывателей, которых в пределах аула найти так же трудно, как и произвести саму запись в метрических книгах.

Кочевой образ жизни сводил на нет всякие попытки регистрировать рождения, смерти, браки и разводы кочевого населения, которое, не имея определенных земельных наделов, постоянно находилось в движении и обосновывалось на время там, где считало для себя удобным. Такие пристанища иногда располагались за пределами не только приписного аула или волости, но даже уезда и области[2].

Официальных документов систематической регистрации актов гражданского состояния не имелось (исключение составляет малочисленная группа выходцев из внутренних районов России). Об уровнях демографических процессов судили на основе общих представлений, поэтому в разных источниках обнаруживаются противоречивые, даже взаимоисключающие характеристики демографических процессов по отдельным районам края.

Присоединение Туркестана к России, интересы более рационального использования его природных и людских ресурсов сделали необходимым ведение систематическо-

[1] *Пославский И. Т.* Город Бухара. Ташкент, 1891, с. 69.
[2] ЦГИА УзССР, ф. 1, опись 12, д. 46, л. 17.

го учета и отчетности в области экономической жизни, выявления и эксплуатации природных ресурсов, административного управления и т. д. Хотя специальной демографической статистики не существовало, численность населения по волостям и уездам, численный состав семей, хозяйств, владельцев движимого и недвижимого имущества и других категорий населения приблизительно устанавливались. Основой для этого служили поземельные ведомости, различные сводки, списки налогоплательщиков и единовременные регистры. Следует, однако, заметить, что подобные оценки не были гарантированы от ошибок и существенных отклонений от реальной действительности.

О состоянии демографического учета в Туркестанском крае в конце прошлого века дает представление ответ на запрос Статистического комитета императорского вольно-экономического общества о приросте и убыли населения Сырдарьинской области за 1894—1896 гг.: «...сведений о движении населения области по городам и уездам за 1894—1896 гг. сообщить не можем, так как, во-первых, не располагаем такими цифрами, во-вторых, их получить невозможно при современном положении статистики в области, так как цифровые данные, доставляемые для нужд администрации, имеют характер беспочвенный и фантастический, а что касается сведений о вселяющихся и выселяющихся из области, то комитет по этому вопросу никаких данных не имеет и иметь не может благодаря кочевому образу жизни населения» [1].

Все сказанное не означает, однако, что изучение демографической истории дореволюционной Средней Азии невозможно. Несмотря на крайнюю ограниченность прямых демографических источников и на значительную трудность собирания нужных для характеристики населения сведений, исследователь имеет возможность при достаточно внимательном отборе архивных статистических данных составить по отрывочным источникам некоторую картину демографических процессов.

ДИНАМИКА ОБЩЕЙ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ

Уже в 1867 г. с началом административного устройства на занятых царизмом территориях — образованием

[1] ЦГИА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 1760, л. 23. Выдержка из письма Статистического комитета Сырдарьинской области № 246 от 13 ноября 1898 г.

Туркестанского генерал-губернаторства с областями Семиреченской и Сырдарьинской — были предприняты попытки определить численность жителей края и вести систематический учет естественного и механического движения населения. Однако местные условия долгое время не позволяли выполнить эту задачу. Переписи населения в среднеазиатском районе вплоть до конца прошлого века не проводились[1]. Особенно скудные данные имеются о численности населения Хивы и Бухары, где всякие нововведения, включая и учет населения, признавались крамольными.

Первоначальные попытки определить численность населения отдельных территорий, городов и Туркестана в целом были основаны на использовании для расчетов средней людности двора или среднего размера семьи. Подобный метод определения численности населения имел целый ряд существенных недостатков (отсутствие дифференциации по территориальному признаку, игнорирование особенностей состава семей и т. п.), произвольные усредненные множители давали искаженное представление о степени заселенности той или иной части территории Средней Азии и создавали множество противоречий в оценке их демографического потенциала. Тем не менее эти оценки все же проливают некоторый свет на динамику численности населения Средней Азии во второй половине XIX в. и дают возможность исследователю использовать собранный по крупицам материал для исчисления показателей роста населения среднеазиатских союзных республик в современных границах в этот отдаленный период.

К первым публикациям, содержащим приблизительную оценку численности населения отдельных территорий, относятся результаты исследований русских ученых 50-х годов XIX в. Так, в одной из работ приводится оценка численности населения Хивинского ханства. По весьма приблизительным подсчетам она была определена в 73,5 тыс. человек, почти 70% составляли семьи узбеков, туркмен и каракалпаков[2].

Средний размер семьи для различных районов Турке-

---

[1] Из архива А. Л. Куня известно, что между 1850 и 1860 гг., во время правления Саидмухамед-Хана была проведена перепись населения в Хиве.

[2] См.: Записки Импер. русского географического общества. Кн. V. Под ред. П. Г. Редкина. Спб., 1851, с. 99.

стана определялся по-разному. Для Хорезма был принят средний размер семьи в 4 человека, исходя из чего численность населения Хивинского ханства в начале второй половины XIX в. определялась примерно в 2940 тыс. человек. Это население локализовалось на территории трех Среднеазиатских республик (современная Хорезмская область, Каракалпакская АССР, северная часть Бухарской области, северо-восточная часть Туркменской ССР). Если исходить из плотности населения этих территорий по данным переписей 1897 и 1926 гг., то указанная численность представляется сильно завышенной.

Правда, оценка численности населения по Хивинскому ханству, помимо Хорезма, включает и население, жившее на территориях оазиса Мангылака, района Балханских гор, г. Дехистана на берегу Каспийского моря, Узбоя и Северного Хорасана[1], степень заселенности которых трудно установить. Но все же численность населения ханства (более 2,9 млн. человек к середине XIX в.), видимо, завышена.

По Бухарскому эмирату подобных оценок численности населения на 50—60 гг. прошлого века не встречается. К периоду 70—80 гг. численность населения Бухары у разных авторов оценивается по-разному и колеблется в пределах от 1270 до 3000 тыс. человек. Авторы всех исчислений вынуждены были применять упрощенные методы расчетов из-за крайней ограниченности не только накопленной, но и текущей информации. Подобными исчислениями, как правило, занимались военные чины, недостаточно знакомые с местными условиями и не имевшие навыков демографических расчетов. Поэтому не удивительно, что часто встречаются различные оценки, относящиеся к одной и той же территории и на одну и ту же дату.

В географическом описании Заравшанского округа Л. Н. Соболев приводит цифры о численности населения Пенджикентского, Катта-Курганского и Самаркандского отделов в разрезе первичных административных подразделений (тумень и амлякство). Исходя из средней людности двора в 5 человек определяется численность населения округа в 1871 г. в 280,9 тыс. человек, живущих в 1347 населенных пунктах. Давая собственную оценку, автор констатирует, что в статье «О пространстве и населе-

---

[1] См.: История Узбекистана. Ташкент, 1974, с. 119.

нии Туркестанского края» названа численность 163,2 тыс. человек, в статье «Долина Заравшана» — 200 тыс. человек, а оценка А. П. Федченко — 300,0 тыс. человек [1]. В достоверности всех этих оценок Л. Н. Соболев сомневался.

В ряде публикаций в начале 70-х годов приводится оценка численности населения Туркестанского края в целом, сделанная А. Буняковским. Население Туркестана (без Бухары и Хивы) им было оценено в 1361,6 тыс. человек. Кроме того, учтено 30,0 тыс. человек русского населения [2]. Следует заметить, что означенная цифра слагается из населения Семиреченской и Сырдарьинской областей, сюда не вошло население территорий, присоединенных к России в последующие годы.

В результате анализа статистических данных и литературных источников, а также сопоставления различных версий относительно территориального размещения и плотности населения Средней Азии, опубликованных историками, этнографами, экономистами, географами и другими специалистами, нами была произведена оценка численности населения по территориям республик Средней Азии на начало 1865 г. Численность населения в областях, непосредственно подчиненных Туркестанскому генерал-губернаторству, на 1865 г. оценена нами в 3145 тыс. человек. Численность населения на эту дату по территориям Бухарского эмирата и Хивинского ханства составляла соответственно 1654 и 391 тыс. человек.

Таким образом, на 1865 г. численность населения, жившего на современной территории республик Средней Азии, по нашей оценке, составляла 5190 тыс. человек. Эту цифру можно условно принять в качестве базовой для создания рядов динамики населения Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской советских республик.

Для создания непрерывных рядов динамики численности населения Средней Азии за период 70—90 гг. прошлого века статистическая информация сравнительно более богата [3].

---

[1] См.: *Соболев Л. Н.* Географические и статистические сведения о Заравшанском округе. Записки Географического общества. Гл. IV. Спб., 1874.

[2] См.: Материалы для статистики Туркестанского края. Под ред. Н. А. Маева. Вып. I. Спб., 1872, с. 120—123.

[3] Исторический архив располагает достаточным количеством документов, касающихся в той или иной степени численности, состава и структуры населения. Эти документы состоят из архивных материалов канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ЦГИА

Для повышения точности исчислений между начальным (базисным) периодом оценки динамики населения (1865 г.) и критической датой Всеобщей переписи населения 1897 г. был обозначен промежуточный 1885 г., для которого население было исчислено с особой тщательностью. На начало 1885 г. численность населения областей Туркестанского генерал-губернаторства, вошедших позднее в состав республик Средней Азии, оценена в 3560 тыс. человек. Население Бухарского эмирата и Хивинского ханства определено приблизительно в 2306 тыс. человек, в том числе по Хиве — 437 тыс. человек.

Наиболее достоверные сведения о населении Средней Азии в прошлом веке дала, конечно, первая Всероссийская перепись населения 1897 г., хотя она и не охватила территории Бухарского эмирата и Хивинского ханства [1].

В рамки границ Туркестанского генерал-губернаторства современные территории Среднеазиатских республик не укладываются. Кроме того, все области и уезды края в зависимости от этнических признаков населения и форм расселения (оседлое и кочевое) претерпели неоднократные изменения.

УзССР, ф. 1), статистико-экономических и историко-этнографических документов их архивов областных правлений (ЦГИА УзССР, ф. 17, 18, 19), документов Сырдарьинской области. Весьма ценными для восстановления демографической истории являются географические карты, схемы, которые сосредоточены в архивах среднеазиатских республик.

В этих картографических материалах отражено дореволюционное административно-территориальное деление в разрезе областей, уездов, волостей Туркестанского края на различные даты. По Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству имеются сведения о приблизительном количестве дворов и сумме общих доходов (Всеподданнейший отчет Туркестанского генерал-губернаторства, раздел «Управление, доходы и торговля ханства», ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 791, л. 89—116).

Кроме того, нами использован ряд изданий: Наши соседи в Средней Азии. Хива и Туркмения. Спб., 1873; *Пославский И. Т.* Город Бухара; *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. Спб, 1865; *Гиршфельд К. Г., Галкин А. С.* Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. I и II. Ташкент, 1902—1903. Кроме этих материалов, были привлечены геодезические планшеты, отчетная карта дельты Амударьи съемки 1889 г., карта Хивинского ханства и Туркестанских степей, изданная в 1873 г., карта Генштаба по Бухарскому ханству, изданная военным министерством в 1891 г.

[1] Учет численности населения, носящий иногда сплошной характер, проводился на местах и раньше путем подворного обхода по суженной программе. Например, в 1876 г. были проведены работы по выявлению численности населения городов Заравшанского округа. Эта была первая попытка установить с достаточной точностью

Все это обусловило выполнение в большом объеме пересчетов итогов переписи населения по первичным административным единицам с тем, чтобы они соответствовали современному административно-территориальному делению советских республик Средней Азии. Для этой цели была составлена крупномасштабная карта-схема территории Туркестанского края с включением Бухарского и Хивинского владений, где при помощи разноцветной окраски и штриховки совмещались границы среднеазиатских республик и границы бывшего Туркестанского края (по уездам и волостям). На карту также были нанесены все города и крупные сельские населенные пункты, существовавшие в конце 90-х годов прошлого столетия. Затем были произведены пересчеты численности населения территорий современных Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР на дату проведения первой Всероссийской переписи населения 1897 г.[1]

Численность населения в современных границах Узбекской ССР на дату переписи 1897 г. включает в себя

численность, этнический состав городского населения, экономическое, социальное положение и некоторые отличительные особенности местных жителей. Итоги учета дали весьма ценные материалы для изучения населения (Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Вып. V. Спб., 1879, с. 351).

В Ташкенте неоднократно проводится общий счет населения на территориях так называемых русской и туземной частей. Однодневная перепись населения русской части населения Ташкента была проведена 17 марта 1893 г. (ЦГИА УзССР, ф. 269, оп. 1, д. 48); 28 марта 1892 г. была проведена однодневная перепись населения русской части г. Самарканда, которая установила численность населения в 10128 человек, в том числе 5922 человека военнослужащих и членов их семей. Из общего числа населения женщин было учтено 2349 человек (ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 11, д. 909, л. 1).

Подобные переписи были предприняты в г. Верном и Фергане.

[1] При этом были использованы следующие материалы:

Итоги первой Всероссийской переписи населения 1897 г. по Ферганской, Самаркандской, Сырдарьинской, Закаспийской и Семиреченской областям; Ф. 1, 17, 18, 19, 262, ЦГИА УзССР; таблица доходов Бухарского эмира, полученных из бекств на начало 1895 г. ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 34, д. 791, л. 7; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области. Ташкент, 1915, с. 4—38; Материалы Всероссийской переписи населения 1917 г. Вып. IV. Сельское население Ферганской области. Ташкент, 1924; Материалы по районированию Узбекистана. Ташкент, 1934; Статистические сведения по городам и областям уездов Самаркандской области на 1897 г. Самарканд, 1898 (Составитель М. Вирский); Среднеазиатский экономический район. Под ред. Ю. И. Пославского, Г. Н. Черданцева. Ташкент, 1922; Территория и население Бухары и Хорезма. Ч. I, II. Ташкент, 1926.

часть населения Андижанского, Кокандского, Наманганского и Маргиланского уездов, небольшую часть Ошского уезда Ферганской области, большую долю населения Ташкентского уезда и Амударьинского отдела Сырдарьинской области, Самаркандской области, а также большей части населения территории Бухарского и Хивинского владений.

К населению Киргизской ССР отнесено учтенное переписью 1897 г. население Пишпекского и Пржевальского уездов Семиреченской области, Ошского уезда (за исключением части населения Булакбашинской и Ак-Буринской волостей) Ферганской области, Карабалтинской волости и частично Курататинской волости Аулиэатинского уезда Сырдарьинской области, Ак-Мечетского и Чангирташского сельских обществ Аимской волости и Карасуйского сельского общества Андижанского уезда.

Численность населения Таджикской ССР слагается из населения территории восточной части Самаркандского уезда, юго-западной территории Ходжентского уезда с городом Ура-Тюбе, а также из населения Памирского района. Кроме того, в состав населения Таджикской ССР на дату переписи 1897 г. включено население восточной части Бухарского эмирата.

Население Туркменской ССР включает в себя полностью население Закаспийской области за вычетом незначительного числа населения Мангышлакского уезда и двух Адаевских волостей Красноводского уезда, переданных в 1920 г. в состав Казахской ССР. Из числа населения, проживавшего на территории Бухарского эмирата, вошли в состав населения Туркменской ССР жители Карнасского, Терсского, Тенгаджикского кентов Келифского тюмена, а из Хивинского ханства включается значительная часть населения Таш-Аузского бекства.

В результате детального исследования нами была определена численность населения по республикам, которая соответствовала территориальным итогам первой Всероссийской переписи населения (см. табл. 1) [1].

---

[1] Результаты работы по пересчету населения по Туркестанскому краю и оценки по Бухарскому эмирату и Хивинскому ханству на дату переписи 1897 г. в современных границах республик Средней Азии были представлены ЦСУ СССР, которое одобрило их с внесением некоторых уточнений. Апробированные по республикам цифры численности населения включены в статистические ежегодники ЦСУ

Таблица 1

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК СРЕДНЕЙ АЗИИ ЗА 1865—1900 ГГ., ТЫС. ЧЕЛ.

Территории в современных границах республик	Годы								
	1865	1870	1875	1880	1885	1890	1895	1897	1900
Узбекской ССР	3 320	3 426	3 529	3 651	3 767	3 889	3 931	3 948	4 016
Киргизской ССР	547	562	533	603	622	641	655	663	697
Таджикской ССР	686	703	722	742	763	784	792	810	848
Туркменской ССР	637	653	672	692	711	731	737	750	797
Средняя Азия	5 190	5 344	5 506	5 687	5 863	6 045	6 115	6 171	6 358

Исходя из итогов переписи 1897 г. по всей территории дореволюционной Средней Азии и оценок на этот год для Бухарского эмирата и Хивинского ханства, где не проводилась перепись, а также из оценок численности населения на 1865 и 1885 гг., была определена численность населения Средней Азии за промежуточные годы (с пятилетними интервалами). Само собой разумеется, что при интерполировании всесторонне учитывалась вся наличная статистическая и иная информация, а также предположительная демографическая ситуация, соответствующая этим периодам.

Рост численности населения Среднеазиатских республик, характерный для периода 1865—1897 гг., происходил в основном за счет естественного прироста населения. Механический прирост, как об этом свидетельствуют данные о пространственном движении населения, существенного значения не имел. Межобластные передвижения населения происходили в небольших размерах и взаимно перекрывались. Что же касается передвижения населения из внутренних губерний России в пределы Средней Азии в начальный период колонизации края, то такие передвижения имели узко целевую направленность, и контингенты мигрировавших, состоявшие в основном из военнослужащих, концентрировались в крупных городах и укрепленных пунктах.

СССР и ЦСУ среднеазиатских союзных республик. Все материалы (первичные данные, оригиналы и составительские карты и др.) хранятся в фондах лаборатории народонаселения ТашГУ им. В. И. Ленина.

Более или менее заметный приток гражданского населения из западных районов России начинается только с 90-х годов и усиливался по мере подготовки для переселенцев земельных наделов. Но в рассматриваемый период передвижения населения из внутренних районов России в направлении Туркестана не оказывали заметного влияния на темпы роста населения. Положительное сальдо миграции было крайне незначительно, о чем говорят итоги переписи 1897 г. Как показывают данные переписи, в составе населения Средней Азии доля уроженцев внутренних губерний России, а также подданных иностранных государств была крайне низкой.

Например, по данным переписи 1897 г. на территории Самаркандской области удельный вес населения, считавшего родным русский язык, составлял 1,6%, в том числе в городах — 1,2%, в сельской местности — 0,4%. Подобная картина наблюдалась и в других частях Средней Азии, а в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве русское население вообще можно было сосчитать по пальцам. Следовательно, перемещения из внутренних районов России вплоть до конца XIX в. не могли оказывать сколько-нибудь заметного влияния на динамику численности населения Средней Азии.

Определенный интерес представляют данные о темпах роста населения территорий в современных границах республик Средней Азии (см. табл. 2).

Таблица 2

СРЕДНЕГОДОВЫЕ ТЕМПЫ РОСТА НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ, %

Территории в современных границах республик	1865—1875 гг.	1875—1885 гг.	1885—1895 гг.	1865—1897 гг.
Узбекской ССР	0,62	0,65	0,45	0,53
Киргизской ССР	0,65	0,65	0,53	0,61
Таджикской ССР	0,51	0,58	0,38	0,52
Туркменской ССР	0,54	0,59	0,37	0,50
Средней Азии	0,60	0,64	0,43	0,54

Среднегодовой темп роста численности населения Средней Азии за 32 года равен примерно 0,5%. Стабильный уровень рождаемости при почти полном отсутствии влияния миграции обусловливал незначительную колеблемость темпов роста населения от периода к периоду.

Однако в отдельные годы в связи с распространением различных эпидемий смертность достигала высоких пределов, и колебания темпов роста населения усиливались.

Темпы роста населения на территориях современных Узбекской и Киргизской ССР были несколько выше, чем на территориях Таджикистана и Туркмении. Это объясняется, вероятно, тем, что большая часть населения этих территорий жила тогда в пределах Бухарского и Хивинского владений, где условия жизни были хуже, чем в коренных областях Туркестанского края, в силу чего и население увеличивалось медленнее.

Разумеется, произведенная нами оценка динамики численности населения по республикам Средней Азии за вторую половину XIX в. не претендует на абсолютную точность. Тем не менее тщательное изучение процессов, происходящих в населении в прошлом, и применение различных методов оценки с учетом исторической обстановки и демографической ситуации тех или иных периодов дают автору основание полагать, что построенные им ряды динамики достаточно близки к истине и окажутся полезными при изучении экономической и демографической истории Средней Азии.

СМЕРТНОСТЬ

Общие условия жизни, преобладавшие в Средней Азии во второй половине XIX в., с точки зрения смертности могут быть охарактеризованы как крайне неблагоприятные. Эти условия охватывали все стороны труда и быта населения и, вызывая массовые заболевания, были причиной высокой смертности.

На протяжении веков разного рода болезни уносили огромное число жизней, потери от болезней в Туркестане не могли сравниться даже с потерями в результате междоусобных распрей, голода или стихийных бедствий. Хотя в европейских и в других развитых странах уже давно были известны этиология и методы лечения многих инфекционных болезней, местное население все еще не умело бороться с ними. Широкому распространению эпидемических и эндемических заболеваний в Туркестане, помимо низкой общей и санитарной культуры местного населения, способствовало отсутствие каких бы то ни было мер по профилактике и лечению болезней, а также

по оздоровлению окружающей среды. Во всем крае насчитывалось лишь 102 врача, 65 амбулаторий и 64 больничных учреждения с общим числом коек 976, а аптек было всего 34 [1].

К концу 1900-х годов на 100 тыс. жителей Туркестана приходилось немногим более 0,5 врача, фельдшера и акушерки, вместе взятых. Высокий уровень смертности сохранялся также вследствие очень низкого уровня жизни широких слоев населения. Поэтому долгое время не отмечалось признаков снижения заболеваемости и смертности. Коэффициент смертности оставался на стабильно высокой отметке, и даже в конце XIX в. сохранялось положение, характерное для давно минувших периодов.

Средняя Азия издавна была зоной, где постоянно свирепствовала эпидемическая малярия. Насколько опустошительны были последствия малярии для населения отдельных районов, могут свидетельствовать следующие данные по некоторым волостям.

Таблица 3

ПОКАЗАТЕЛИ СМЕРТНОСТИ ОТ МАЛЯРИИ НАСЕЛЕНИЯ КУРАМИНСКОГО УЕЗДА ЗА 1896 Г.

Волости	Численность населения по переписи 1897 г.	Число умерших от малярии за год	Число умерших на 1000 жителей
Алтыновская	11 079	796	71,8
Джалял-Тюбинская	8 495	416	49,0
Булатовская	14 635	321	21,9
Джаусукумская	5 467	40	7,3
Китай-Тюбинская	12 931	196	15,2

Источники: Исчислено на основе архивных документов: ЦГИА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 21572, л. 1, 5, 6; ф. 269, оп. 1, д. 348, л. 104—105; 107—108; Ежегодник «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. I. Приложение-списки кишлаков и аулов Кураминского уезда с обозначением числа жителей. Спб., 1872, с. 14—24.

В пяти волостях в среднем на каждые 1000 человек населения умирали от малярии 33,6 человека.

Одним из наиболее распространенных эпидемических заболеваний в Туркестане была оспа. Даже в относительно благоприятные годы с пониженной смертностью от оспы умирал каждый третий заболевший, а у выздоровевших на всю жизнь оставались следы этой болезни, многие теряли зрение. Несмотря на то что меры профи-

[1] «Медицинский журнал Узбекистана». Ташкент, 1974, № 10, с. 6.

лактики и лечения оспы были известны сравнительно давно, среди населения оздоровительно-предупредительные работы не проводились.

Частые вспышки эпидемий холеры и чумы, уносившие многие жизни, были следствием плохого санитарного состояния края. Ликвидацией вспышек эпидемии, по существу, администрация края не занималась. По этому поводу уместно привести выдержку из протокольной записи заседания Думы, которая предельно ясно определяет отношение властей к вопросам охраны здоровья населения.

«Отношение Сырдарьинского областного правления по вопросу об отпуске взаимообразно городскому управлению денег на расходы по борьбе с холерой. Совет генерал-губернатора уведомил, что ссуда городу может быть дана только при условии, если она будет уплачена к 1 июля 1907 г.» [1]

Около 5% больных составляли больные туберкулезом [2]. По оценкам, от всех форм туберкулеза в 60—90 годы XIX в. умирали 5—6 человек на 1000 человек населения. Жертвами этой болезни чаще всего оказывались дети. Во многих районах Туркестана неполноценному питанию часто сопутствовали различные формы туберкулеза, который приводил к повышению смертности среди населения.

На территории Средней Азии распространенными были многие инфекционные и паразитарные заболевания: различные формы тифа, лейшманиоз, амебиаз, ришта, зоб, трахома и др. Значительный удельный вес имели желудочно-кишечные заболевания, болезни органов кровообращения, венерические, психоневрологические и т. д., которые также увеличивали смертность населения и повышали удельный вес больных-хроников.

Очень высока была детская смертность. В обычаях, касавшихся вскармливания новорожденных, у мусульманского населения Средней Азии были некоторые положительные моменты, которые способствовали повышению выживаемости маленьких детей по сравнению с другими народами. В литературе имеются указания на то, что продолжительность кормления детей только грудным молоком вплоть до достижения двухлетнего возраста у корен-

[1] Газета «Русский Туркестан», 1904, 25 дек., № 108, статья «В Думе».

[2] «Медицинский журнал Узбекистана», 1974, № 10, с. 27.

ных национальностей Средней Азии оказывала некоторым образом тормозящее воздействие на распространение желудочно-кишечных и других болезней, вызывающих наибольшую смертность у младенцев. В то же время после прекращения кормления грудью женщины Средней Азии, как правило, оставляли детей без присмотра. Это обстоятельство при антисанитарных условиях не могло не вести к повышенной смертности детей от инфекционных болезней, разного рода травм и т. п.

По дореволюционной Средней Азии трудно рассчитать показатели, характеризующие уровень смертности. Учет смертности практически не был налажен, более того, ритуальные обряды, связанные с похоронами и регламентируемые соответствующими установлениями религии, исключали какие-либо записи об умерших. Показатели, которые встречаются в работах отдельных авторов (А. Буняковского, М. Терентьева и других), можно рассматривать скорее как оценки, даваемые исходя из общей логики формирования уровня смертности в условиях, характерных для Туркестана того времени, нежели как достоверные статистические данные.

Можно без особого риска утверждать, что смертность в Туркестане была выше, чем во внутренних районах России. Динамика общего коэффициента смертности по 50 губерниям Европейской России во второй половине прошлого века была следующей (в ‰):

1861—1865 гг.	1866—1870 гг.	1871—1875 гг.	1876—1880 гг.	1881—1885 гг.	1886—1890 гг.	1891—1895 гг.	1896—1900 гг.
36,5	37,4	37,1	35,7	36,4	34,5	36,2	32,1

Источник. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет, с. 188.

В последнее пятилетие XIX в. общий коэффициент смертности в Европейской России был самым низким, но именно к этому пятилетию относится исчисленная для населения Европейской России средняя продолжительность жизни: 31,3 года для мужчин и 33,4 года для женщин в 1896—1897 гг.[1] Эти показатели говорят о том, что и в Европейской России в самом конце XIX в. смертность все еще была очень высокой.

[1] См.: *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России, с. 120, 125.

Можно думать, что смертность мужчин в Средней Азии была в этот период выше, чем в европейской части страны, так что средняя продолжительность жизни едва ли превышала 30 лет. Что же касается смертности женщин Средней Азии, то она была существенно выше, чем в Европейской России, а средняя продолжительность жизни ниже, чем у мужчин. Об этом косвенно свидетельствует соотношение численности мужчин и женщин. В то время как в Европейской России в 1897 г. на 100 мужчин приходилось 104 женщины, в Средней Азии — всего 84.

Не претендуя на точную оценку уровня средней продолжительности жизни населения Средней Азии в конце XIX в. (для такой оценки сейчас нет достаточных данных), можно предположить, что она находилась примерно в пределах от 27,5 до 30,0 лет для обоих полов. Эти показатели близки к исчисленным М. В. Птухой для русского населения Европейской России (27,5 года для мужчин и 29,8 года для женщин) [1].

Приняв нашу оценку средней продолжительности жизни в 27,5—30,0 лет и учитывая исчисленный выше темп прироста населения Средней Азии в конце прошлого столетия (0,5% в год), можно с помощью известных моделей стабильного населения Э. Коула и П. Демени реконструировать и некоторые другие показатели воспроизводства населения, в частности коэффициент смертности. Принимая в качестве аналога модель «Восток» [2], получаем, что коэффициент смертности населения Средней Азии в конце XIX в. находился в пределах от 35,25 до 38,94‰, а округленно от 35 до 39‰. Эти коэффициенты вряд ли можно считать слишком высокими. Даже в Европейской России в последнее пятилетие XIX в. насчитывалось 13 губерний, в которых коэффициент смертности был выше 35‰, причем в трех из них он был даже выше 39‰.

БРАЧНОСТЬ

В дореволюционном Туркестане заключение и расторжение брака регулировалось нормами религии. Ислам рассматривает брак, рождение детей и их воспитание как

---

[1] *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960, с. 261.

[2] *Coale A. J., Demeny P.* Regional model life tables and stable populations. Princeton, 1966. Model «East».

благо. Согласно шариату брак есть «замечательное деяние», преследующее цели увеличения «рабов аллаха и его наместника на земле».

Процедура заключения брака, брачная жизнь, рождение детей, общение с родственниками и знакомыми, наследственные права, короче, все многообразные отношения семьи с людьми и обществом, а также внутри семьи отображались в религиозных нормах, соблюдение которых было обязательным для всех верующих. Следует отметить, что все основные нормы, касающиеся брака, формирования семьи, особенно те из них, которые регулируют в известной степени демографическое поведение людей, с педантичной последовательностью записаны в шариате.

Эти правила являются обобщением обычаев народов прошлых эпох и поэтому содержат религиозно-формализованный опыт прошедших времен. Между прочим, этот аспект упоминается даже в коране[1]. Вместе с тем не все население было осведомлено о содержании норм и положений шариата, оно больше усваивало кодекс из устных правил (адат), которые иногда находились в противоречии с нормами шариата. Например, у многих народов Средней Азии по адату на жене умершего должен был жениться его младший брат, а по шариату таких правил нет.

Таблица 3

ЧИСЛО СОСТОЯЩИХ В БРАКЕ В СРЕДНЕЙ АЗИИ НА 1000 ЧЕЛОВЕК ДАННОГО ПОЛА И ВОЗРАСТА В 1897 Г.

Возрастные группы	Состояло в браке	
	мужчины	женщины
До 15	1	10
15—16	18	379
17—19	64	741
20—29	378	948
30—39	809	943
40—49	907	836
50—59	919	620
60 лет и старше	863	273

Источник. Рассчитано по итогам первой Всероссийской переписи населения 1897 г. по областям и уездам, входящим в состав республик Средней Азии. (Закаспийской, Семиреченской, Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской.) По Бухарскому и Хивинскому ханствам включены оценочные данные.

[1] «Аллах хочет разъяснить вам и вести вас по обычаям тех, которые были до вас». Коран, Сура 4, стих 31.

Как известно, характерной особенностью демографического развития Средней Азии в прошлом были ранние браки. Каждый родитель старался как можно быстрее выдать замуж дочь и женить сына. Однако реализация такого желания наталкивалась на противодействующие факторы, особенно в отношении мужчин. Если и была определенная экономическая выгода, которую родители имели, выдав замуж дочь, то большие издержки при женитьбе сына ограничивали ранние браки среди мужчин.

Приведенные данные выявляют ряд характерных черт брачности населения Средней Азии. Прежде всего они отражают специфическую картину значительных различий в брачности по полу. Особенно ярко выступают эти различия в младших бракоспособных возрастах, отражая широкую распространенность неравных по возрасту браков. Практически все женщины от 20 до 40 лет состояли в браке, несмотря на большое число овдовений и существование практики разводов. Что же касается мужчин, то у них доля женатых была наибольшей в возрасте после 40 лет.

В дореволюционной литературе остался неосвещенным вопрос о распространенности полигамных семей, встречаются лишь отрывочные сведения по городам и некоторым сельским местностям. В этой связи представляют интерес результаты некоторых исчислений, касающихся количества и состава полигамных семей в Ферганской долине.

Таблица 4

ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛИГАМИИ В КОЧЕВЫХ РАЙОНАХ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Число наличных хозяйств	Наличие полигамии		в том числе браки					
			с двумя женами		с тремя женами		с четырьмя женами	
	абсолютное число	% к общему числу хозяйств	абсолютное число	%	абсолютное число	%	абсолютное число	%
29 380	1 413	4,85	1 338	4,6	70	0,24	3	0,01

Источник. Исчислено на основе данных демографического обследования кочевого населения, проведенного переселенческим управлением в 1911—1913 гг.

О степени распространения полигамии дают представление и следующие выборки из архивных источников. Согласно похозяйственным спискам местной администрации Кугартской волости в Тюря-томском сельском обществе из 240 хозяйств у 27 глав семьи (11,3%) имелось по 2—3 жены. Средняя детность всех полигамных семей составляла 3,5 человека, а в семьях, где было по 3 жены, на семью приходилось в среднем по 4,1 ребенка. По Айгырджайскому обществу из 201 хозяйства в 17 (8,5%) имелось по две жены. Среднее число детей на одно хозяйство составляло 3,1, в то же время в хозяйствах, где имелось по две жены, среднее число детей составляло 5,1 [1].

Многоженство было характерно для состоятельных хозяйств, представлявших зажиточные слои городского и сельского населения. Влияние полигамии на демографические процессы было небольшим.

Разводы среди населения Туркестанского края, Бухарского и Хивинского ханств не были распространенным явлением. Расторжение брака среди местного населения происходило по большей части согласно предписаниям шариата, развод обычно имел односторонний характер, т. е. в 9 из 10 случаев он зависел от произвола мужа. Мужчину удерживал от неоправданных разводов лишь возможный материальный ущерб, поскольку при разводе он был обязан передать разведенной жене часть недвижимого имущества, обусловленную при заключении брака.

При разводе мужем указывались причины (неблаговидное поведение жены, неумение вести хозяйство, неспособность родить и воспитать детей, неуважительное отношение к родителям супруга и т. д.). Доводы мужа с педантичной доскональностью выслушивались местными судьями, которые разрешали развод. Неблаговидное поведение мужа: грубое обращение с женой, супружеская неверность и другие — не влекло за собой возбуждения дела о разводе со стороны жены. В этом проявлялась одна из многочисленных сторон бесправного положения женщины в Туркестане.

Одной из отрицательных черт демографического развития Средней Азии в прошлом следует признать относительно высокую долю вдовствующих.

---

[1] ЦГАФ 19, оп. 1, д. 7748, л. 1,2—20, л. 22—41.

Высокая и ранняя брачность женщин была важным фактором высокой рождаемости в Средней Азии. Вероятность внебрачного рождения здесь так же, как и в других странах с преобладанием мусульманского населения, практически равнялась нулю. Все народы Средней Азии, жившие по одинаковым канонам семейной жизни, не знали внутрисемейного регулирования рождаемости. Со времени вступления в брак и до наступления менопаузы рождение детей в браке ничем не ограничивалось (за исключением таких объективных факторов, как состояние здоровья супругов). Некоторое влияние на уровень рождаемости могли оказывать полигамные браки, однако это влияние было, вероятно, небольшим.

Достоверных статистических данных о рождаемости в Средней Азии во второй половине прошлого века нет, установить число родившихся в дореволюционном Туркестане практически было невозможно. Только с 70-х годов XIX в. русская администрация стала предпринимать попытки окольным путем подойти к оценке рождаемости, однако большого успеха эти попытки не принесли. В архивных документах, в статистических отчетах и в литературе встречаются отдельные оценки уровня рождаемости, но они, по большей части, не отражают действительной картины.

Примером таких оценок могут служить данные о рождаемости в Сырдарьинской области за 1870 г. В целом по области число родившихся на 1000 жителей оценивается в 34,5, в том числе по городу Ташкенту — 38,8, по Курамскому уезду — 30,2, по Джизакскому уезду — 40,6, по Ходжентскому уезду — 37,8, по Чимкентскому уезду — 27,7 [1].

В то же время имеются и другие, более высокие оценки уровня рождаемости. Так, по данным обследования туземного населения в трех уездах Семиреченской области в 1868 г. было учтено 18477 рождений, коэффициент рождаемости составлял 50‰ [2]. А. Буняковский на основе

[1] См.: *Терентьев М. А.* Статистические очерки Среднеазиатской России, очерк III. Приложение № 4 «Движение населения Сырдарьинской области за 1870 г.». Спб., 1874; по г. Ташкенту численность населения взята из ежегодника «Материалы для статистики Туркестанского края». Вып. I. Спб., 1872, с. 120.

[2] См.: *Буняковский А.* О пространстве и населении Туркестанского края. Туркестанский сборник. 1872, т. 59.

анализа материалов статистики и обследований, относящихся к 70 годам прошлого столетия, отмечал, что уровень рождаемости у местного населения весьма значителен и превосходил все известные случаи. Эти оценки представляются нам завышенными.

При близости многих черт воспроизводства населения в Средней Азии и в коренных районах России и при наличии в Европейской части России групп мусульманского населения, сходных по образу жизни, традициям, религиозной морали с населением Туркестана, правомерно ожидать и близких показателей рождаемости у населения Туркестана и ряда других районов России.

В то же время не следует упускать из виду и тех различий, которые существовали между населением среднеазиатской и европейской частей страны и которые, вероятно, должны были вести к некоторому понижению рождаемости в Средней Азии по сравнению с ее уровнем в Европейской России. В частности, худшее здоровье женщин, распространенность сверхранних замужеств и другие подобные факторы могли вести к ранней стерильности женщин и снижать их естественную плодовитость.

Известно, в частности, что снижение плодовитости может быть одним из следствий малярии, от которой, как уже говорилось, сильно страдало население Средней Азии. Негативное влияние на плодовитость браков могла оказывать значительная разница в возрасте супругов, особенно в полигамных браках, рождаемость снижалась из-за ранней смертности женщин, из-за длительной лактации и т. п. Таким образом, можно думать, что, хотя рождаемость в Туркестане и была высокой, уровень ее все же должен был быть несколько ниже, чем в европейской части страны.

По 50 губерниям Европейской России динамика общего коэффициента рождаемости была следующей (в ‰):

1861—1865 гг.	1866—1870 гг.	1871—1875 гг.	1876—1880 гг.	1881—1885 гг.	1886—1890 гг.	1891—1895 гг.	1896—1900 гг.
50,7	49,7	51,2	49,5	50,5	50,2	48,9	49,5

Источник. *Рашин А. Г.* Указ. соч., с. 168.

Если реконструировать общие коэффициенты рождаемости населения Средней Азии в конце прошлого века с помощью моделей стабильного населения Э. Коула и П. Демени (так же, как это было сделано в отношении смертности), то мы получим, что общий коэффициент рождаемости мог находиться в пределах от 40,25 до 43,94‰, а округленно от 40 до 44‰. Как и следовало ожидать, эти весьма высокие показатели рождаемости все же несколько ниже, чем соответствующие коэффициенты для населения Европейской России.

Уровень смертности населения Средней Азии вплоть до конца прошлого столетия, вероятно, практически оставался неизменным, несмотря на то что в Европейской России уже наметилась тенденция к его некоторому снижению. Что же касается уровня рождаемости, то даже и в Европейской России нельзя обнаружить сколько-нибудь определенной тенденции к его снижению в прошлом веке. Едва ли можно предположить такое снижение и в дореволюционном Туркестане. Вековые традиции брака, развода, отношения к детям не претерпели в рассматриваемый период никаких изменений, внутрисемейное ограничение рождаемости оставалось неизвестным народам Средней Азии, и если в это время и могли зародиться какие-то новые тенденции демографических процессов, то они могли быть связаны только с некоторым улучшением — впрочем, очень незначительным — условий жизни местного населения, его состояния здоровья, а потому могли скорее вести к повышению, нежели к понижению уровня рождаемости.

Подводя итоги изложенному, можно утверждать, что воспроизводству населения Средней Азии во второй половине XIX в. были присущи все основные черты, характерные для обществ, в которых преобладают феодальные производственные отношения, а жизнь и быт народа ограничены рамками традиционных институтов и религиозной морали.

Отрицательное влияние всей совокупности социально-экономических условий на ход демографических процессов проявлялось в быстрой смене поколений при очень высокой рождаемости и смертности, в относительно медленном естественном приросте населения, в резкой диспропорции полов с значительным преобладанием мужского населения над женским. Демографическое поведение людей было тесно связано с патриархальными се-

мейными отношениями, неравноправным положением женщины. Присоединение Туркестана к России в известном смысле положило начало некоторым, хотя и очень незначительным, переменам в области воспроизводства населения. Однако колониальная политика царизма в сочетании с жестокой феодальной эксплуатацией не способствовали созданию обстановки демографического благополучия в Туркестанском крае. Говорить о начале сдвигов в демографических процессах в Средней Азии во второй половине прошлого столетия нет оснований.

Х. Палли

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ЭСТОНИИ В XVII—XIX вв.

В статье предпринята попытка анализа процессов воспроизводства населения Эстонии за 250 лет — с 1650 по 1900 г. Для удобства анализа выделены 4 периода, различающиеся как содержанием демографических процессов, так и наличием данных о них:

1. «Шведский период» (до 1710 г.), когда территория современной Эстонии находилась под властью Швеции, а темпы роста населения резко колебались.

2. Период с 1710 по 1780 г., характеризовавшийся быстрым ростом населения Эстонии.

3. Период кризиса феодализма и умеренного роста населения (с 1780 по 1850 г.).

4. Вторая половина XIX в. — эпоха бурного развития капиталистических отношений в Эстонии, сокращения рождаемости и смертности, перехода к внутрисемейному регулированию рождаемости.

Изучение естественного движения населения Эстонии началось еще в XVIII в. Именно тогда было опубликовано описание Лифляндии и Эстляндии А. В. Гупеля, где наряду с другими сведениями имеются и некоторые данные о естественном движении населения[1]. Примерно в это же время появились в печати и другие сообщения о естественном движении населения[2].

В XIX в. много таких сведений опубликовано в общих статистических обзорах по губернии[3], а в более подробной разработке в монографиях по некоторым приходам

---

[1] *Hupel A. V.* Topographische Nachrichten von Lief und Ehstland. 11. Riga, 1777, s. 7—31.

[2] Например: Verzeichniss der in dem Herzogthum Ehstlande im Jahr 1776 gebohrenen, gestorbenen und copulirten Personen. Revalsche Wöchentliche Nachrichten, 1777, № 9.

[3] Например: *Jung-Stilling F. V.* Beitrag zur Bevölkerungsstatistik Livlands für die Jahre 1847—1863. Riga, 1866; *Jordan P.* Beiträge zur Statistik des Gouvernements Ehstland, 1—11. Reval, 1867—1871.

и городам Эстонии[1]. В конце XIX в. стали публиковать обзоры по губернии, где содержатся и соответствующие статистические данные[2].

В буржуазной Эстонии из проблем исторической демографии внимание было в первую очередь обращено на изучение численности и этнического состава населения. Но можно отметить и некоторые успехи в изучении естественного движения населения: последствий так называемого великого голода 1695—1697 гг.[3], чумы 1710—1711 гг.[4], рукопись (докторская диссертация) М. Ныгеса о естественном движении населения в уезде Вильянди[5], имеются некоторые общие данные о естественном движении населения в приходе Лайузе в истории этого прихода[6].

Во время второй мировой войны шведский демограф Х. Хюрениус опубликовал в Лунде монографию, в которой, применив методику, близкую к методике восстановления истории семей (ВИС), разработанной впоследствии Л. Анри, подробно рассмотрел демографические процессы среди шведов, проживавших в Эстонии в XIX — начале XX в.[7]

Гораздо больше внимания уделялось естественному движению населения в XVII—XIX вв. в трудах историков Советской Эстонии — С. Вахтре, Х. Лиги, Ю. Кахка, Р. Пуллата[8].

---

[1] Их полный перечень см. *Palli H.* Eesti ajalooline demograafia. saavutusi, probleeme, ülesandeid. Ajaloolise demograafia probleeme Eestis. Tallinn, 1973, lk. 20—21 (ссылки 61 и 62).

[2] Обзор Эстляндской губернии за 1887 год... за 1899 год. Ревель, 1887—1900. Обзор Лифляндской губернии за 1883 год... за 1899 год. Рига, 1888—1900.

[3] *Liiv O.* Suur näljaaeg Eestis 1695—1697. Tartu — Tallinn, 1938.

[4] *Kopp J.* Andmeid viimasest suurest katkust Louna — Eestis aastail 1710—1711. Ajalooline Ajakiri, 1929, lk. 15—23; *Miller V.* Den stora pesten i Viru — Nigula socken, ar 1710—1711. Svio — Estonica, 1938, Tartu 1938, s. 199—207.

[5] *Noges M.* Rahvamuutused Viljandi maakonnas 1801—1923. Demograafiline töö. (Viljandi), 1925. Рукопись в НБ ТГУ.

[6] *Kopp J.* Laiuse kihelkonna ajalugu. Tartu, 1937.

[7] *Hyrenius H.* Estlands svenskarna. Demografiska studier. Lund (1942).

[8] *Vahtre S.* Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus XVIII sajandi lõpul ja XIX sajandi esimesel poolel. Ajaloo järskudel radadel. Tallinn, 1966, lk. 74—83; *Vahtre S.* Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmeil (1782—1858). Ajaloolis — demograafiline uurimus. Tallinn, 1973, lk. 169—226; 248—262.

Автор статьи также неоднократно затрагивал вопросы естественного движения народонаселения Эстонии в XVII—XVIII вв., в том числе и такие, как рождаемость, и связанные с ВИС по эстонским метрическим записям методологические проблемы [1].

ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ В «ШВЕДСКИЙ ПЕРИОД»

По административному делению конца XVII в. территория северной Эстонии подразделялась на Эстляндию (северная Эстония с уездами Ляэнемаа, Харьюмаа, Ярвамаа и Вирумаа), Эстонский дистрикт Лифляндии (южная Эстония, северная Лифляндия с уездами Пярну и Тарту) и на полуавтономный уезд Лифляндии — Сааремаа. Численность населения Эстонии того времени можно определить лишь косвенно. Она составила, по нашей оценке, 350—400 тыс. человек, из которых примерно половина проживала в Эстляндии. Остров Сааремаа был заселен сравнительно плотно, он имел население около

Ligi H. Talurahva ja paiknemine Eestimaal XVIII sajandil. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 316. Тарту, 1973, с. 268—300; *Ligi H.* Talurahva arv ja paiknemine Lõuna — Eestis aastail 1711—1816. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 371. Тарту, 1976, с. 33—101.

Kahk J. Rahutused ja reformid. Talupoegade klassivõitlus ja mõisnike agraarpoliitika Eestis XVIII ja XIX sajandi vahetusel (1790—1810). Tallinn, 1961, lk. 171—186; *Kahk J.* Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland. (Das zweite Viertel. des 19. Jahrhunderts.) Tallinn, 1969, s. 187—198; 235—239.

Pullat R. Eesti linnad ja linlased XVIII sajandi lõpust 1917. aastani. Tallinn, 1972, lk. 41—50.

[1] См.: *Палли Х.* К вопросу об экономическом положении Эстонии в первой половине Северной войны (1700—1710). Скандинавский сборник, XI. Таллин, 1966, с. 50—54; *Палли Х. Э.* Источники по исторической демографии Эстонии (XIII—XVIII вв.). — В кн.: Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970, с. 35—45; *Палли Х. Э.* К методике обработки демографических материалов Эстонии XIII—XVIII вв. (по ревизии душ 1781—1782 гг.). Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966 год. Таллин, 1971, с. 147—161; *Palli H.* Historical Demography of Estonia in the 17th—18th Centuries and Computers. Studia Historica in Honorem Hans Kruus. Tallinn, 1971, p. 205—222; *Palli H.* Eesti meetrikaraamatute töötlemise metoodikast. Ajaloolise demograafia probleeme Eestis. Tallinn, 1973, lk. 45—62; *Palli H.* Rouge rahvas XVII sajandi teisel poolel. Ajaloolise demograafia probleeme Eestis. Tallinn, 1973, lk. 63—131.

30 тыс. человек. Городское население составляло не более 6% всего населения страны [1].

Учет естественного движения населения Эстонии в «шведский период» сделал только первые шаги и страдал многими недостатками. Тем не менее некоторое общее представление о ходе естественного движения населения Эстонии в 1650—1710 гг. можно получить.

Поприходные числа крещений, погребений и венчаний очень сильно колеблются от года к году. Например, в 1686 г. в приходе Рыуге (уезд Тартумаа, юго-восточная часть Эстонии) было записано 214 крещений, в 1687 г. — 351, в 1688 г. — 230. Еще сильнее колеблются числа венчаний и погребений. В 1668 г. в том же приходе было 59 венчаний, в 1669 г. — 18, в 1670 г. — 53, а в 1671 г. — 40 [2]. Во время эпидемии чумы 1710—1711 гг. в некоторых приходах погибло до $^1/_2$—$^2/_3$ населения. В Таллине до чумы было более 11 тыс. человек, после чумы — лишь около 2 тыс.

Из-за больших колебаний годовых данных в приходах, которые характерны не только для XVII, но и для XVIII и XIX вв., целесообразно пользоваться средними за более значительные промежутки времени (от 5 до 10 лет). В приходе Карузе (уезд Ляэнемаа) было около 3000 жителей. В 1685—1695 гг. среднегодовое число крещений составило 111,8, в 1696—1709 гг. — 117,5 (за 1698—1708 гг. — 128), общий коэффициент рождаемости соответственно равен 37,2 и 39,1‰ (42,6‰). В Рыуге в 1662—1695 гг. коэффициент рождаемости был несколько выше 37‰ [3]. Общие приблизительные расчеты показывают, что число новорожденных в Эстонии в 1686—1695 гг. составило примерно 14—18 тыс. в год. При численности населения около 400 тыс. человек общий коэффициент рождаемости, стало быть, составлял 40‰ или был несколько ниже. Эту оценку можно считать лишь сугубо ориентировочной.

Общий коэффициент брачности в Карузе в 1685—1689 гг. составлял примерно 10‰, в Рыуге во второй половине XVII в. — около 8‰ [4]. По всей Эстонии в 1685—

[1] См.: *Палли Х.* О развитии народонаселения Эстонии в сравнительно-историческом плане (XIII—XVIII вв.). Известия Академии наук Эстонской ССР. Т. 23. — «Общественные науки», 1974, № 4, с. 357, 359.

[2] *Palli H.* Rouge rahvas..., lk. 69, 73.

[3] *Там же,* с. 99.

[4] *Там же.*

1695 гг. коэффициент брачности, по-видимому, колеблется около 9‰ (3500—3700 венчаний в среднем за год).

Что же касается смертности, то состояние источников крайне затрудняет ее изучение. В большинстве приходов, по которым имеются метрические записи, наблюдается значительная недорегистрация смертных случаев. За 1661—1696 гг. в записях прихода Рыуге отмечены похороны 1631 лица, смертных же случаев, по самому скромному исчислению, было не менее 6000[1]. Значит, регистрация охватила лишь немногим более 25% всех смертей. Недорегистрация, хотя и менее значительная, наблюдается и в большинстве других приходов.

Судя по косвенным данным (стабилизация числа крещений и венчаний с 80-х годов XVII в.), смертность в 1680—1695 гг. была сравнительно высока и естественный прирост населения невелик. В 1695—1697 гг. вся материковая часть Эстонии страдала от неурожая и голода. В Сааремаа голодные годы наступили несколько позже — в 1696—1698 гг. По оценке О. Лийва, во время Великого голода погибло 70—75 тыс. человек[2]. После голода смертность на несколько лет сократилась, что способствовало новому росту населения. Еще более страшным бедствием была чума 1710—1711 гг. Военное разорение в 1700—1710 гг. (Эстония была ареной Северной войны) и голод 1709 г. подготовили почву для этой страшной катастрофы, которая унесла около 200 тыс. жертв.

Итак, смертность во второй половине XVII в. и в первое десятилетие XVIII в. характеризуется резкими колебаниями. В годы эпидемий и голода смертность могла доходить до 500‰. В обычные годы она, по-видимому, колебалась ориентировочно около 30—35‰.

Естественный прирост населения в 50—70-х гг. XVII в. был относительно высоким. В 80-х годах он замедлился, особенно в Эстляндии и на острове Сааремаа. В 90-х годах и в первое десятилетие XVIII в. выпадали годы, когда из-за чрезвычайно высокой смертности естественный прирост становился отрицательным.

Для XVII в. повозрастная брачная рождаемость была вычислена только по одному приходу — Рыуге. Период наблюдения был очень краток — 1661—1696 гг., он включает женщин 1661—1675 гг. рождения, иначе говоря, последней возрастной группой, по которой имеются дан-

---

[1] *Palli H.* Rouge rahvas..., lk. 82.

[2] *Liiv O.* Suur näljaaeg Eestis..., lk. 32—34.

ные, является группа 30—34 года. Рассчитанные коэффициенты брачной рождаемости (с 10% поправкой на недоучет) следующие: возрастная группа 20—24 года — 0,385; 25—29 лет — 0,412; 30—34 года — 0,358[1]. Судя по этим данным, женщина, вступившая в брак в возрасте 19 лет, к 50-летнему возрасту (если брак не прерывался) рожала в среднем 8—9 детей. Эти показатели довольно близки аналогичным показателям французских сельских приходов в то же время[2]. Так как внебрачных детей в сельских приходах было всего около 2%, то общая рождаемость находилась в тесной зависимости от брачной рождаемости.

В действительности из-за высокой смертности, приводившей к раннему прекращению браков, и из-за того, что многие женщины выходили замуж спустя много времени после достижения репродуктивного возраста, в среднем на один брак приходилось меньше детей (по приходам в среднем от 4 до 5).

Характерной для Эстонии того времени была сезонность бракосочетаний (венчаний). $^2/_3$ или более всех браков в сельских приходах приходилось на два (ноябрь — декабрь) или три (ноябрь, декабрь, январь) месяца после окончания сельскохозяйственного сезона. Но такая сезонность характерна только для деревенского крестьянского населения.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ С 1710 ПО 1780 г.

В 1712 г. население Эстонии составило не менее 150 тыс. человек[3], а возможно, около 170 тыс. человек. В течение следующих 70 лет происходит стремительный рост численности населения, и в 1782 г. в Эстонии, по некоторым оценкам, насчитывается уже 485 тыс. человек[4], из которых около 5% составляли городские жители[5]. Ежегодный средний прирост населения по этим дан-

[1] *Palli H.* Rouge rahvas..., lk. 109—110.

[2] Ср. *Палли Х.* О развитии народонаселения Эстонии в сравнительно-историческом плане (XVI—XVIII вв.). Известия АН ЭССР. Т. 23. Сер. «Общественные науки», 1974, № 4, 368 (табл. 7).

[3] Х. Лиги считает, что крестьянское население (без мызной челяди) в Эстонии в 1712 г. составило 125 тыс. (*Лиги Х.* Динамика крестьянского населения в Эстонии в 1712—1782 гг. Первый всесоюзный семинар по исторической демографии. Тезисы. Таллин, 1974, с. 20), что, учитывая некрестьянское население и мызную челядь, дает около 150 тыс. человек. Однако эту цифру можно считать минимальной.

[4] *Vahtre S.* Eestimaa talurahvas hingeloenduste andmeil..., lk. 236.

[5] *Pullat R.* Eesti linnad ja linlased..., lk. 38.

ным — 1,5—1,7% в год. Хотя в тот период и существовала некоторая иммиграция, увеличение численности населения в основном происходило за счет естественного прироста. В 1710 г. территория современной Эстонии была присоединена к России. Более 200 лет — до 1917 г. — в Эстонии в основном не происходило военных действий. После 1711 г. не наблюдалось новых вспышек чумы. Эти обстоятельства благоприятствовали росту народонаселения.

Судя по данным, относящимся к 28 приходам, коэффициент рождаемости в Эстляндии в 1730—1734 гг. равнялся 38,5‰, в южной Эстонии — 42,8‰. Для всей Эстонии можно предполагать, что этот коэффициент составлял приблизительно 40‰. В 1781—1790 гг. среднегодовой коэффициент рождаемости в Эстляндии составлял 36,5‰[1], в десяти приходах северной части Тартумаа в 1772 г. — 42,4‰, на Сааремаа в 1774 г. — 39,3‰[2]. Следовательно, и в конце XVIII в. рождаемость в Эстонии колебалась около 40‰, оставаясь примерно на уровне «шведского периода».

Не произошло больших изменений и в уровне брачности. В 30-х годах XVIII в., судя по данным 33 сельских приходов, в северной Эстонии коэффициент брачности составлял 8,2‰, в южной Эстонии — 10,6‰. В действительности брачность в сельских районах, особенно в северной Эстонии, была, вероятно, несколько выше. Дело в том, что часть браков регистрировалась в городских церквах. Во второй половине XVIII в. коэффициент брачности характеризуется следующими величинами: в Эстляндии в 1781—1790 гг. — 8,5‰[3], на Сааремаа в 1774 г. — 8,2‰, в 10 приходах на севере Тартумаа в 1774 г. — 9,4‰[4].

Что же касается смертности и естественного прироста населения, то только с 80-х годов XVIII в. данные становятся относительно надежными. До этого в большинстве приходов, особенно в первой половине XVIII в. (а в некоторых даже в начале XIX в.), наблюдался значительный недоучет смертных случаев. Из-за этого о смертности можно судить только исходя из общих соображений.

---

[1] *Vahtre S.* Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus..., lk. 82.
[2] *Hupel A. W.* Topographische Nachrichten.:., II, s. 9, 10, 20, 21.
[3] *Vahtre S.* Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus..., lk. 82.
[4] *Hupel A. W.* Topographische Nachrichten..., II, s. 9, 10, 20, 21.

Коэффициент рождаемости, как указано ранее, в в XVIII в. оценивается в среднем в 40‰. Так как прирост населения составлял примерно 15‰ в год, то коэффициент смертности должен в среднем быть не менее 25‰. Если принять во внимание иммиграцию, он должен быть еще выше. В последние десятилетия века наблюдался подъем смертности. В 1780—1789 гг. коэффициент смертности повысился в Эстляндии до 34,0‰[1], в 1772 г. в 10 приходах на севере Тартумаа — до 27,9‰, в Сааремаа в том же самом году — до 42,4‰[2]. По существу, на протяжении всего XVIII в. наблюдались довольно значительные колебания ее уровня. В 1740—1741 гг., 1755—1758, 1772—1773, 1780—1783 гг. во многих приходах Эстонии смертность превышала рождаемость и происходила естественная убыль населения. По данным С. Вахтре в 1741 г. был неурожай в Лифляндии, в 1753 и следующем году отмечены эпизоотии, в 1758 г. — неурожай, в 1772 г. — частичный неурожай и в 1781 г. — эпидемия[3]. Но следует подчеркнуть, что эти бедствия не достигали таких катастрофических размеров, как в 1695—1697 и 1710—1711 гг. Это — одно из основных отличий XVIII в. от последних десятилетий «шведского периода».

Естественный прирост в Эстонии в 1712—1782 гг. в среднем составлял 12—15‰. Конечно, естественный прирост не только по годам, но и по более продолжительным промежуткам времени значительно колебался. Особенно сильно он замедляется в 50-х годах XVIII в., но в 1773—1779 гг. прирост населения значительно ускоряется.

В этот период, так же как и в предыдущий, наблюдается резкая сезонность при заключении браков у деревенского населения Эстонии. У немецкого же населения в сельской местности и у городского эстонского населения заключение браков происходит сравнительно равномерно в течение года. В отношении рождений и смертных случаев такой резкой сезонности в Эстонии не наблюдается. Все же зимой и особенно весной число смертных случаев увеличивается. Наибольшее количе-

---

[1] *Vahtre S.* Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus..., lk. 82.

[2] *Hupel A. W.* Topographische Nachrichten..., II, s. 9, 10, 20, 21.

[3] *Vahtre S.* Ilmastikuoludest Eestis XVIII ja XIX sajandil (kuni 1870. a) ja nende mojust pollumajandusele ning talurahva olukorrale. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 258. Тарту, 1970, с. 61—71.

ство зачатий падает в Эстонии также на зимнее и весеннее время.

Доля внебрачных детей в сельских приходах Эстонии колебалась около 2%.

Более полное представление о демографических процессах в Эстонии XVIII в. позволяют получить разработанные нами материалы, относящиеся к населению прихода Карузе (у. Ляэнемаа). Нами было проведено восстановление истории семей (ВИС) по метрическим записям этого прихода за 1685—1799 гг. Так как срок наблюдения здесь гораздо продолжительнее, чем по Рыуге XVII в., и кроме метрик имеются еще и другие материалы (ревизий душ 1782 и 1795 гг., а также гаковых ревизий), то и полученные результаты разнообразнее и точнее, чем по Рыуге.

По ревизии 1782 г. доля замужних женщин в Карузе составляла в возрастной группе 15—19 лет 1,2%; 20—24 года — 30,1%; 25—29 лет — 69,1%; 30—34 года — 87,4%, 35—39 лет — 92,3%; 40—44 года — 80%; 45—49 лет — 74,4%. Низкая доля замужних в возрастах до 25 лет и продолжающееся ее повышение до 40 лет указывает на позднюю брачность эстонских женщин в XVIII в. При этом наблюдаются значительные социальные различия. Если в семьях дворохозяев и их детей в возрастной группе 25—29 лет замужем было 89,2% женщин, то у батраков — лишь 46,7%.

Поздняя брачность подтверждается и другими показателями. Средний возраст при вступлении в первый брак в 1750—1774 гг. в Карузе у женщин был 22,7 года, у мужчин — 26 лет. Все вступившие в брак женщины распределяются по возрастным группам следующим образом: 15—19 лет — 8,7%; 20—24 года — 74,8; 25—29 лет — 9,6; 30—34 года — 6,1; 35 лет и старше — 0,8%. При этом здесь наблюдаются значительные социальные различия. Дочери дворохозяев вступают в брак в более молодом возрасте, батрачки — главным образом старше 25 лет.

Возрастные коэффициенты брачной рождаемости в Карузе (в браках, заключенных в 1712—1760 гг.) были следующими: в возрастной группе 20—24 года — 0,429; 25—29 лет — 0,390; 30—34 года — 0,386; 35—39 лет — 0,342[1]. Брачная рождаемость, судя по сравнительным данным, была средней.

[1] Без поправок на недоучет (последний не превышает нескольких процентов). Учтены и бесплодные браки.

Чрезвычайно важное значение имеет изучение смертности и продолжительности жизни населения. По данным одного прихода, особенно если учесть, что именно в регистрации смертных случаев наблюдаются самые большие изъяны, это довольно трудная задача. По материалам прихода Карузе анализ произведен двумя способами: для поколения родившихся в 1712—1724 гг. и умерших до 1800 г. в приходе путем прямого суммирования прожитых лет и вычисления их среднего; за 1783—1794 гг. — по методике кратких таблиц смертности. Период 1783—1794 гг. находится между двумя ревизиями (в 1782 и 1795 гг.). Так как смертность из года в год значительно колебалась, то более продолжительный срок наблюдения позволяет устранить случайности, а при наличии метрик и двух ревизских сказок — на должном уровне проверить источники и устранить случаи недорегистрации смертей.

Среднее число прожитых лет, исчисленное по первому способу, составляло 34,4 года. Период жизни поколений 1712—1724 гг. рождения — сравнительно благоприятный. У большинства представителей этих поколений молодость и средние годы жизни совпадали с периодом быстрого роста населения прихода после чумы (численность населения прихода Карузе: 1686 г. — 3 тыс., 1712 г. — 1 тыс., 1782 г. — 3 тыс.). В 1783—1794 гг. ситуация изменилась: после быстрого роста населения в приходе наступает застой. За 1782—1796 гг. численность населения прихода почти не меняется. Лишь в 1881 г. в Карузе население выросло до 4 тыс. человек.

По таблице дожития, составленной по данным 1783—1794 гг., средняя продолжительность жизни при рождении (e_0) равнялась 28,6 года. Из 1000 родившихся до возраста 15 лет доживало 562, до 20 лет — 502.

Нами сделана попытка вычисления показателей воспроизводства населения в изучаемом приходе. Коэффициенты воспроизводства получены по несколько разнородным данным и относятся примерно ко второй половине 70-х годов XVIII в. Брутто-коэффициент воспроизводства эстонского деревенского населения прихода $R=2{,}8$, нетто-коэффициент воспроизводства $R_0=1{,}5$. Для всего эстонского сельского населения коэффициенты воспроизводства несколько ниже, так как среди мызной челяди преобладали холостые люди.

Хотя различия по социальным слоям очень значительны, их трудно установить. По грубой оценке нетто-коэф-

фициент воспроизводства населения у батраков и лострейберов (бобылей) был близок к единице (или даже ниже 1), а у дворохозяев и их детей — выше 1,5.

В целом показатели брачности и рождаемости в Эстонии в 1712—1782 гг. имеют некоторые общие черты с аналогичными показателями в XVII и в начале XVIII в. Такое сходство наблюдается в уровнях брачности, общей и брачной рождаемости, в доле внебрачных детей и в сезонности демографических явлений. Уровень и колебания смертности, наоборот, значительно отличаются от того, что можно наблюдать в 1680—1711 гг., — отсутствуют такие бедствия, как, например, в 1695—1697 и 1710—1711 гг.; уровень смертности в 1712—1782 гг. был ниже, чем в 1680—1711 гг. Быстрый рост населения в 1712—1782 гг. следует тем самым отнести на счет понижения смертности.

ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ С 1780 ПО 1850 г.

С 80-х годов XVIII в. наблюдается переход к более умеренному росту населения. Численность населения Эстонии к 1858 г. составила 750 тыс. человек[1]. Если в 1712—1782 гг. имела место значительная иммиграция, то в 1782—1858 гг. преобладает эмиграция.

По сравнению с предыдущим периодом наблюдается увеличение смертности в 50-х годах XIX в. и коэффициент рождаемости падает ниже 35‰. Так как недоучет при регистрации естественного движения населения, особенно в XIX в., уменьшается и появляются уже сводные погубернские материалы, которые в большинстве случаев публиковались, то по Эстляндии (Эстляндской губернии) можно привести более полные данные.

Таблица 1

КОЭФФИЦИЕНТ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭСТЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1781—1850 ГГ., ‰

Периоды	Брачность	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1781—1790 гг.	8,5	36,5	32,5	4,0
1791—1800 гг.	10,4	41,7	30,2	11,5
1801—1810 гг.	8,3	38,6	31,3	7,3
1811—1820 гг.	9,1	37,2	28,0	9,2
1821—1830 гг.	8,8	38,1	25,8	12,3
1831—1840 гг.	7,6	35,2	27,8	7,4
1841—1850 гг.	8,1	32,6	28,3	4,3

Источник. *Vahtre S.* Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus..., lk. 82.

[1] *Vahtre S.* Estimaa talurahvas hingeloenduste andmeil..., lk. 236.

Среднегодовой естественный прирост за 1781—1850 гг. — 7,9‰, т. е. значительно меньше, чем за предыдущий период (1712—1780 гг.), когда он составлял не менее 13‰. Во многие годы в Эстляндии наблюдается отрицательный естественный прирост населения (в 1788, 1789, 1800, 1808, 1814, 1835, 1840, 1846, 1848 гг.).

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Во второй половине XIX в., в период бурного развития капиталистических отношений, в Эстонии продолжалось почти непрерывное снижение рождаемости и смертности.

Таблица 2

КОЭФФИЦИЕНТЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В ЭСТЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1861—1900 ГГ., ‰

Периоды	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1861—1865 гг.	39,1	25,3	13,8
1866—1870 гг.	31,8	32,5	—0,7
1871—1875 гг.	33,7	22,3	11,4
1876—1880 гг.	31,6	21,2	10,4
1881—1885 гг.	30,3	23,0	7,3
1886—1890 гг.	29,4	21,0	8,4
1891—1895 гг.	28,1	20,1	8,0
1896—1900 гг.	29,2	19,1	10,1

Источник. *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет. с. 168, 188, 218.

Общий коэффициент рождаемости во второй половине XIX в. впервые опускается ниже 30‰, что может быть связано как с более поздней брачностью, так отчасти и с проникновением в практику населения, особенно городского, методов внутрисемейного регулирования рождаемости. В северной Лифляндии (южной Эстонии) рождаемость была, если судить по общелифляндским данным, несколько выше. Так, в 1861—1865 гг. в Лифляндии коэффициент рождаемости составлял 40,6‰, в 1866—1870 гг., — 33,2‰ [1]. Лишь в начале XX в. рождаемость на этой территории стала ниже, чем в Эстляндии.

[1] См.: *Рашин А. Г.* Население России за 100 лет, с. 167.

Во второй половине XIX в. прежняя резко выраженная сезонность в заключении браков у эстонского сельского населения уступает место более равномерному распределению их на протяжении года.

Брачная рождаемость женщин в XIX в. изучена только в двух приходах со шведским населением: Вормси и Ноароотси. В этих приходах в занятиях населения важное место принадлежало рыболовству и мореходству. Это приводило к долгим разлукам супругов во многих семьях и содействовало понижению брачной рождаемости. Поэтому данные этих приходов не характерны для Эстонии в целом.

Таблица 3

ВОЗРАСТНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ БРАЧНОЙ РОЖДАЕМОСТИ ЖЕНЩИН В ДВУХ ШВЕДСКИХ ПРИХОДАХ ЭСТОНИИ

Приходы	Периоды	Возрастные группы			
		20—24	25—29	30—34	35—39
Вормси	1840—1900 гг.	0,300	0,307	0,264	0,214
Ноароотси	1840—1891 гг.	0,342	0,320	0,277	0,247

Источник. *Hyrenius H.* Estlands svenskarna..., s. 192.

В то же время более многочисленные данные о продуктивности браков, т. е. о количестве детей на один заключенный брак, приводят к мысли, что брачная рождаемость не очень отличается от уровня XVIII в. По разным сельским приходам Эстонии продуктивность браков колебалась обыкновенно между 4 и 5[1], составляя в среднем около 4,4—4,5. Для Эстляндии за 1780—1799 гг. она составила 4,3[2]. В 1834—1859 гг. среднее число детей на 1 брак в Рынгу было 4,48; в Ранну — 4,47; в Ныо — 4,67; в Пухья — 4,37[3], в Тарту-Маарья — 4,10[4] (в то же время в городе Тарту за это время — только 2,85).

[1] Крайние колебания — от 3 до 5,5. Частично они объясняются тем, что в некоторых церквах было заключено меньше браков — часть прихожан пользовалась в этих целях услугами соседних церквей.

[2] *Vahtre S.* Rahvastiku liikumisest Eestimaa kubermangus..., lk. 82.

[3] *Körber B.* Biostatik der im Dörptschen Kreise gelegenen Kirchspiele Ringen, Randen, Nüngen, und Kawelecht in den Jaren 1834—1859. Dorpat, 1861, s. 52.

[4] *Huebner F.* Biostatik der Stadt Dorpat und ihrer Land — gemeinde in den Jahren 1834—1859. Dorpat, 1861, s. 52.

Для 1860—1881 гг. по Рынгу, Ранну, Ныо и Пухья вместе на один брак приходилось 4,82 ребенка[1], что несколько выше, чем за 1834—1859 гг. В приходах Ряпина, Выннy и Кодавере в 1834—1881 гг. на один брак приходилось также 4,82 ребенка[2]. Но это было характерно не для всех приходов. В 1834—1880 гг. в приходе Пылтсамаа на один зарегистрированный брак приходилось 3,84 ребенка, в Пилиствере — 3,62, в Кольга-Яани — 3,57[3]. В целом все же можно лишь предположить, что брачная рождаемость по возрастным группам была близка к показателям XVIII в.

В XIX в., особенно во второй его половине, в связи с усиленным проникновением капиталистических отношений в сельское хозяйство стала увеличиваться доля внебрачных детей. В XVII и XVIII вв., как уже упоминалось, она была близка к 2%. В 1834—1859 гг. в приходах Рынгу, Ранну, Ныо и Пухья (у. Тартумаа) доля внебрачных детей составила 2,7%[4], в Тарту-Маарья (у. Тартумаа) за те же годы 3,9%. В городе Тарту в этот же период внебрачных детей было 19,6%[5].

В 1860—1881 гг. в первых четырех приходах внебрачных детей было 5,1%[6], в Тарту-Маарья — 5,7%[7], а в городе Тарту — 12,3%[8]. Из этих данных ясно виден рост доли внебрачных детей в сельской местности.

В целом в XIX в. процент внебрачных детей в сельских приходах вырос почти вдвое — примерно до 4%. Однако в приходах, где традиционный уклад жизни держался еще крепко, например в шведских приходах на западном побережье Эстонии — в приходах Вормси 1834—

---

[1] *Törne Chr.* Biostatik der im Dörptschen Kreise gelegenen Kirchspiele Ringen, Randen, Nüggen und Kawelecht in den Jahren 1860—1881. Dorpat, 1886, s. 48.

[2] *Oehrn E.* Biostatik dreier Landkirchspiele Livland in den Jahren 1834—1881. Dorpat, 1883, s. 96.

[3] *Kieseritzky W.* Biostatik der im Fellinschen Kreise gelegenen Kirchspiele Oberpahlen, Pillistfer und Kl. St. Johannis in den Jahren 1834—1880. Dorpat, 1882, s. 45.

[4] *Körber B.* Biostatik der im Dörptschen Kreise gelegenen Kirchspiele..., s. 6.

[5] *Huebner F.* Biostatik der Stadt Dorpat..., s. 12.

[6] *Törne Chr.* Biostatik der im Dörptschen Kreise gelegenen Kirchspiele..., s. 18.

[7] *Grosset O.* Biostatik der Stadt Dorpat und ihrer Landgemeinde in den Jahren 1860—1881. Dorpat, 1883, s. 16.

[8] *Там же*, с. 16.

1848 гг. и Ноароотси 1840—1848 гг., внебрачных детей было всего 0,9% [1] (там и раньше их было мало).

Как мы уже видели (см. табл. 2), в течение второй половины XIX в. в Эстляндии происходило снижение смертности. Одновременно увеличивалась средняя продолжительность жизни. По вычислениям М. В. Птухи средняя продолжительность предстоящей жизни при рождении у эстонцев в 1896—1897 гг. составляла для мужчин 41,61 года, для женщин — 44,58 года [2]. Следовательно, средняя продолжительность жизни эстонцев в конце XIX в. была более чем на 10 лет выше по сравнению со всем населением Европейской России, а среди других народов Европейской России эстонцы по этому показателю уступали только латышам [3]. При сопоставлении с соответствующим показателем XVIII в. рост средней продолжительности жизни составил около 10 лет.

Снижение смертности несколько обгоняло снижение рождаемости, и поэтому в целом во второй половине XIX в. естественный прирост (в среднем 8,6% в год) был выше, чем в 1780—1850 гг. (7,9%). Естественная убыль населения была зарегистрирована только в одном пятилетии (1866—1870 гг.). Однако общий прирост населения Эстонии в этот период был ниже естественного, что было связано с эмиграцией: во второй половине XIX в. эстонцы стали переселяться в районы восточнее Чудского озера, на Кавказ, в Сибирь, в Среднее Поволжье и в Петербург. Тем не менее к 1881 г. численность населения Эстонии выросла до 882 тыс. человек, а к 1897 г. — до 945 тыс. человек [4].

Значительно меняется удельный вес городского населения. В XVII в., XVIII в. и в первой половине XIX в. в городах Эстонии проживало 5—6% населения. В 1863 г. доля городского населения повысилась до 8,7%, а в 1897 г. — до 19,2%. Естественное движение населения в городах имело свои особенности: в них до середины XIX в. преобладал (особенно в более крупных городах) отрицательный естественный прирост населения. Так, в Таллине за 1822—1846 гг. только дважды естественный прирост был положительным [5]. Во второй половине века

---

[1] *Hyrenius H.* Estlands svenskarna..., s. 91.

[2] См.: *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960, с. 261.

[3] См. *Там же,* с. 261.

[4] Eesti nõukogude entsüklopeedia. II. Tallinn, 1972, lk. 68.

[5] *Pullat R.* Eesti linnad ja linlased..., lk. 38.

рост числа городских жителей также происходил в основном за счет притока населения из сельской местности. В 1862—1881 гг. на долю естественного прироста приходилось 11,4% всего прироста населения городов Эстляндии, а на долю механического прироста — 88,6% [1]. В какой-то мере и падение естественного прироста всего населения Эстонии следует отнести на счет увеличения удельного веса городского населения.

Мы предприняли первую попытку обзора воспроизводства населения Эстонии за 250 лет — с 1650 по 1900 г. Какие основные выводы можно сделать? До середины XIX в. Эстония оставалась феодальной страной, лишь с середины XIX в. начинается быстрое развитие капиталистических отношений. В естественном движении населения при господстве феодализма наблюдается много традиционного. Общий коэффициент рождаемости за длительные промежутки времени колебался около 40‰. Методы регулирования рождаемости, за исключением откладывания браков, не были известны.

Более сильно варьируются показатели смертности. До 1711 г. она была высокой, особенно во время голода и эпидемии чумы. В 1712—1780 гг. смертность сравнительно низка и естественный прирост относительно высок, в 1781—1859 гг. смертность увеличивается и естественный прирост уменьшается до умеренного (около 8‰). Характерны для сельской местности Эстонии феодального периода низкая доля внебрачных детей и резкая сезонность заключения браков. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении в XVIII в. — 30—35 лет.

Во второй половине XIX в. в связи с развитием капиталистических отношений рождаемость в Эстонии падает, уменьшается смертность, появляются, особенно в городах, первые признаки внутрисемейного регулирования рождаемости, повышается доля внебрачных детей. Сезонность при заключении браков четко не прослеживается, а средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличивается до 43 лет.

---

[1] *Pullat R.* Eesti linnad ja linlased..., lk. 50.

М. В. Курман

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО КРУПНОГО ГОРОДА (на примере Харькова)

Вторая половина XIX — начало XX в. — период интенсивного развития капитализма в России и быстрых перемен в жизни ее населения. Эти перемены коснулись, конечно, и воспроизводства населения, особенно тех его групп, которые в наибольшей степени были затронуты влиянием развивающегося капитализма. В первую очередь к ним относилось население крупных торгово-промышленных центров, к которым принадлежал и Харьков. В отличие от Петербурга и Москвы, многими чертами резко выделявшихся среди всех остальных городов дореволюционной России, Харьков был типичным представителем быстро растущих капиталистических городов «второго ранга», поэтому происходившие в нем демографические процессы представляют немалый интерес с точки зрения понимания тех изменений в воспроизводстве населения, которые назревали в пореформенной России.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ

Под влиянием мощных факторов развития экономики и культуры капиталистического Харькова численность его населения бурно росла. Всего за 60 лет между 1854 и 1914 гг. население города увеличилось с 33,0 тыс. человек до 244,7 тыс. человек, т. е. в 7,5 раза[1]. Как и в других крупных городах, численность населения Харькова формировалась за счет естественного и механического

[1] См.: *Курман М. В., Лебединский И. В.* Население большого социалистического города. М., 1968, с. 18.

(сальдо миграции и расширения городских границ) прироста.

Данные переписи 1897 г. позволяют подойти к оценке влияния миграционных процессов на рост численности населения Харькова. Из общей численности населения города в 174,0 тыс. человек, зафиксированной переписью, уроженцы Харькова и Харьковского уезда составляли 66,5 тыс. человек, уроженцы других уездов Харьковской губернии — 32,6 тыс. человек, уроженцы других губерний — 73,6 тыс., уроженцы других государств — 1,3 тыс. человек[1]. Таким образом, неместные уроженцы составляли в 1897 г. 61,8% населения города.

Можно попытаться построить баланс формирования численности населения Харькова за период в несколько десятилетий, предшествовавший переписи 1897 г.

Таблица 1

РАСЧЕТ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВА ЗА 1854—1897 ГГ.

Периоды	Средняя численность населения за период, тыс. чел.	Коэффициент естественного прироста за год, ‰	Продолжительность периода, лет	Естественный прирост за период, тыс. чел.
1854—1859 гг.	38,6	14,5	6	3,4
1860—1864 гг.	52,8	4,9	5	1,3
1865—1869 гг.	60,5	—1,9	5	—0,6
1870—1874 гг.	82,1	3,1	5	1,3
1875—1879 гг.	87,8	5,8	5	2,5
1880—1882 гг.	125,4	3,7	3	1,4
1883—1884 гг.	(153,9)	(4,6)	(2)	(1,4)
1885—1889 гг.	182,4	6,2	5	5,7
1890—1891 гг.	(188,7)	(7,4)	(2)	(2,8)
1892—1897 гг.	191,3	8,5	6	9,7
1854—1897 гг.	—	—	44	28,9

Примечание. Цифры в скобках получены путем интерполяции.

Источник. *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 г.). Т. 2. Харьков, 1912, с. 116—122.

Баланс, построенный на основе произведенного расчета, будет иметь следующий вид.

[1] Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 47, Харьковская губерния. Спб., 1904, с. 2.

Таблица 2

СТРУКТУРА ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВА ЗА 1854—1897 ГГ.

Тыс. чел.					%		
Численность населения Харькова		Прирост численности за период	в том числе		Весь прирост	в том числе	
в 1854 г.	в 1897 г.		естественный прирост	механический прирост		естественный прирост	механический прирост
33,0	174,0	141,0	28,9	112,1	100,0	20,5	79,5

Таблица 3

СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВА ПО ВОЗРАСТУ И ПОЛУ
(выравненные данные переписи 1897 г.)

Возрастные группы	Мужчины	Женщины	Оба пола
0—4	8 440	8 540	16 980
5—9	6 471	6 908	13 379
10—14	6 968	7 775	14 743
15—19	10 865	9 867	20 732
20—24	14 610	9 356	23 966
25—29	11 722	7 672	19 394
30—34	7 837	6 324	14 161
35—39	6 557	5 364	11 921
40—44	5 213	4 449	9 662
45—49	4 011	3 744	7 755
50—54	3 049	3 234	6 283
55—59	2 251	2 634	4 885
60—64	1 742	2 070	3 812
65—69	1 232	1 486	2 718
70—74	720	968	1 688
75—79	381	566	947
80 лет и старше	255	437	692
Итого	92 324	81 394	173 718

Огромная роль миграции сказалась не только на численности, но и на половозрастном составе населения города. Первые достоверные данные о возрастной структуре населения Харькова дала перепись 1897 г. Правда, пользоваться непосредственными данными переписи нельзя ввиду большой возрастной аккумуляции (коэффициент возрастной аккумуляции составил 113 для муж-

чин и 130 для женщин). Перед тем как приступить к анализу возрастной структуры населения Харькова в 1897 г., мы подвергли данные переписи выравниванию по методу Б. С. Ястремского[1].

Для того чтобы оценить особенности возрастной структуры населения Харькова в конце прошлого века, сравним ее с возрастной структурой всего населения Европейской России в 1897 г. (воспользуемся для этого данными, выравненными С. А. Новосельским[2]), а также с возрастной структурой 11 европейских стран, исчисленной на конец XIX в. (так называемый стандарт Ниббса и Уикенса).

Таблица 4

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВА, ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ И 11 ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В КОНЦЕ XIX В.
(оба пола, в % к итогу)

Возрастные группы	Харьков	Европейская Россия	Стандарт Ниббса и Уикенса
0—4	9,78	12,36	12,03
5—9	7,70	12,91	11,35
10—14	8,49	11,33	10,61
15—19	11,93	10,30	9,82
20—24	13,81	8,85	8,98
25—29	11,16	8,01	8,12
30—34	8,15	6,85	7,25
35—39	6,86	6,17	6,40
40—44	5,56	5,20	5,57
45—49	4,46	4,27	4,79
50—54	3,61	3,64	4,04
55—59	2,81	2,98	3,36
60—64	2,20	2,64	2,70
65—69	1,57	1,83	2,08
70—74	0,97	1,30	1,46
75 лет и старше	0,94	1,36	1,44
Итого	100,00	100,00	100,00
0—14	25,97	36,60	33,99
15—59	68,35	56,27	58,33
60 лет и старше	5,68	7,13	7,68
Итого	100,00	100,00	100,00

[1] См.: *Ястремский Б. С.* Труды по статистике. М., 1937, с. 134—143.

[2] См.: *Новосельский С. А.* Смертность и продолжительность жизни в России, с. 110—111.

Данные табл. 4 показывают, что для Харькова характерно резкое преобладание населения в основных трудоспособных возрастах, особенно в возрасте от 20 до 30 лет. Эта особенность — следствие постоянного притока в город молодых людей в поисках работы и на учебу. Основной поток мигрантов шел из деревни, причем многие из пришедших в Харьков не оседали в нем навсегда, а сохраняли тесную связь с деревней, куда и возвращались в старости. Этим, в частности, объясняется низкая доля престарелых людей среди населения Харькова.

Миграция оказывала сильное влияние не только на возрастной состав, но и на соотношение полов в населении. Среди мигрантов преобладали мужчины, поэтому и в населении Харькова в основных трудоспособных возрастах было больше мужчин, чем женщин, тогда как в целом по Европейской России практически во всех возрастах был избыток женщин.

Таблица 5

ЧИСЛО ЖЕНЩИН НА 1000 МУЖЧИН СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ВОЗРАСТА В ХАРЬКОВЕ И В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

(по выравненным данным переписи 1897 г.)

Возрастные группы	Харьков	Европейская Россия
0—14	1 062	1 029
15—19	908	1 065
20—24	641	1 083
25—29	655	1 095
30—34	807	1 072
35—39	818	1 050
40—44	854	1 026
45—49	934	999
50—54	1 061	1 058
55—59	1 170	1 029
60 лет и старше	1 276	1 074
Все население	882	1 050

Остановимся на структуре женских рождающих контингентов (от 15 до 49 лет). Их доля в общем числе женщин в Харькове была высокой (57,5% против 50% для Европейской России в целом). Представляет интерес структура распределения их по возрасту.

Таблица 6

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА В ХАРЬКОВЕ И В ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
(по выравненным данным переписи 1897 г.), %

Возрастные группы	Харьков	Европейская Россия
15—19	21,09	20,77
20—24	20,00	17,99
25—29	16,40	16,39
30—34	13,52	13,86
35—39	11,47	12,35
40—44	9,52	10,29
45—49	8,00	8,35
Итого	100,00	100,00

С точки зрения рождаемости, возрастная структура женского населения Харькова была, как видим, исключительно благоприятной: доля женщин в детородных возрастах в общем числе женщин была намного выше, чем в Европейской России в целом, и, кроме того, внутри рождающих контингентов была повышенная доля женщин в наиболее плодовитых возрастах — от 15 до 29 лет.

БРАЧНОСТЬ

Брачность населения Харькова, как и других крупных городов, имела существенные особенности по сравнению с брачностью большинства населения России. Эти особенности нетрудно заметить, сравнив показатели брачности населения Харькова и остального населения Харьковской губернии.

Доля лиц, никогда не состоявших в браке, как мужчин, так и женщин, в Харькове во всех возрастах была намного выше, чем в Харьковской губернии. Выше также доля вдовых и разведенных во всех возрастах у женщин и в возрастах до 50 лет у мужчин. Соответственно в Харькове существенно ниже доля замужних женщин и женатых мужчин. Наиболее значительны различия в возрастной группе 20—29 лет, что связано в первую очередь с более поздним вступлением жителей Харькова в брак. Это, пожалуй, главная особенность брачности населения крупных городов того времени.

Таблица 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВА И ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (БЕЗ ХАРЬКОВА) ПО БРАЧНОМУ СОСТОЯНИЮ, 1897 Г., %

Возрастные группы	Холостые и девицы		Состоящие в браке		Вдовые		Разведенные	
	Харьков	Харьковская губерния	Харьков	Харьковская губерния	Харьков	Харьковская губерния	Харьков	Харьковская губерния
Мужчины								
15—16	100,0	100,0	—	—	—	—	—	—
17—19	98,1	91,8	1,9	8,2	—	—	—	—
20—29	63,4	27,9	36,1	71,6	0,5	0,5	—	—
30—39	19,7	3,7	78,3	95,0	1,9	1,3	0,1	—
40—49	12,7	2,1	82,4	93,5	4,6	4,3	0,3	0,1
50—59	9,7	1,4	79,8	86,1	10,3	12,4	0,2	0,1
60 лет и старше	7,3	1,3	68,8	61,8	23,7	36,8	0,2	0,1
Женщины								
15—16	99,5	99,5	0,5	0,5	—	—	—	—
17—19	88,2	73,9	11,6	26,0	0,2	0,1	—	—
20—29	38,0	9,2	59,4	90,1	2,5	0,7	0,1	—
30—39	13,8	2,9	75,8	94,2	9,9	2,8	0,5	0,1
40—49	9,6	2,3	65,1	87,6	24,8	10,0	0,5	0,1
50—59	7,9	2,1	47,6	74,0	44,3	23,8	0,2	0,1
60 лет и старше	7,6	2,4	23,1	41,9	69,0	55,6	0,3	0,1

Источник. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 47, Харьковская губерния. Спб., 1904, с. 34.

Различие в возрасте вступления в брак в Харькове и в губернии бросается в глаза, если рассмотреть распределение по возрасту женихов и невест. Выделим наиболее важные (младшие) группы вступающих в брак.

Особенно велики различия в ранней брачности — до 21 года. Доля женихов в этом возрасте в губернии в несколько раз выше, чем в Харькове, да и по доле молодых невест Харьков намного уступает губернии. Различие несколько смягчается, но далеко не исчезает, если рассмотреть доли женихов и невест до 26 лет, — она также в Харькове существенно ниже, чем в губернии.

Таблица 8

ДОЛЯ ЖЕНИХОВ И НЕВЕСТ В ВОЗРАСТЕ ДО 26 ЛЕТ СРЕДИ ВСЕХ ВСТУПАЮЩИХ В БРАК В ХАРЬКОВЕ И В ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ БЕЗ ХАРЬКОВА, %

Периоды	20 лет и моложе				25 лет и моложе			
	женихи		невесты		женихи		невесты	
	Харьков	Харьковская губерния	Харьков	Харьковская губерния	Харьков	Харьковская губерния	Харьков	Харьковская губерния
1886—1890 гг.	6,05	35,69	37,30	64,01	38,95	72,73	75,07	89,98
1891—1895 гг.	5,91	36,38	38,78	64,61	39,37	72,93	76,22	89,63
1896—1900 гг.	8,37	36,07	35,89	65,62	46,91	74,87	75,34	90,34
1901—1905 гг.	11,50	33,15	41,71	63,69	51,54	72,61	78,59	89,65
1906—1910 гг.	12,92	32,89	46,46	67,02	55,73	73,84	78,59	90,51

Источник. Рассчитано по: «Движение населения в Европейской России» за соответствующие годы.

В то же время при анализе данных табл. 8 обращает на себя внимание тенденция к повышению доли молодых женихов и невест в Харькове от пятилетия к пятилетию — тенденция, которая в губернии почти не обнаруживает себя. Правда, доля невест до 21 года выросла и здесь, хотя и намного меньше, чем в Харькове, но доля самых молодых женихов даже сократилась; если же рассмотреть всю группу женихов и невест в возрасте до 26 лет, то здесь нет оснований говорить о какой-либо определенной тенденции. Стало быть, изменение возрастного состава женихов и невест в Харькове отражает не общую, а, возможно, какую-то специфически «городскую» тенденцию. Чтобы проверить это предположение, рассмотрим, как изменялся средний возраст жениха и невесты в Харькове и некоторых других крупных городах дореволюционной России.

Среди четырех приведенных в табл. 9 городов Харьков выделяется самым низким возрастом вступающих в брак. Тенденции изменения среднего возраста не совсем одинаковы в Харькове, Петербурге, Москве и Киеве. Во всех четырех городах явственно прослеживается тенденция к омоложению женихов — их средний возраст почти непрерывно снижается. Об омоложении же невест, кроме Харькова, можно говорить с гораздо меньшей определенностью и то только в отношении Петербурга и Киева; в Москве в изменении среднего возраста невест

трудно заметить четкую тенденцию. Тем не менее создается впечатление, что омоложение брачности в Харькове в конце прошлого — начале нынешнего столетия было типично и для других крупных городов.

Таблица 9

СРЕДНИЙ ВОЗРАСТ ЖЕНИХОВ И НЕВЕСТ В НЕКОТОРЫХ КРУПНЫХ ГОРОДАХ

Периоды	Женихи				Невесты			
	Харьков	Петербург	Москва	Киев	Харьков	Петербург	Москва	Киев
1868—1872 гг.	29,4	31,3	30,4	30,7	23,8	25,3	24,2	24,8
1873—1877 гг.	28,7	30,6	30,0	30,6	23,3	25,2	24,0	24,7
1878—1882 гг.	28,9	30,0	29,7	29,4	23,5	24,9	23,6	23,9
1883—1887 гг.	28,4	29,5	28,9	29,1	23,4	24,9	22,8	23,8
1888—1892 гг.	28,5	29,1	28,9	28,9	23,3	24,8	24,0	23,8
1893—1897 гг.	26,9	29,1	28,9	28,6	23,3	24,1	24,4	24,0
1898—1901 гг.	27,0	28,7	28,8	29,2	23,4	24,9	23,6	24,1
1902—1906 гг.	26,7	28,7	28,8	28,5	23,0	24,7	24,6	24,3
1907—1910 гг.	26,4	27,9	28,5	26,3	22,3	25,1	24,5	23,2

Рассчитано по: «Движение населения в Европейской России» за соответствующие годы.

Оценивая брачность населения Харькова с точки зрения ее влияния на воспроизводство населения, следует сказать, что относительно более поздние по сравнению с большинством населения России замужества, а также гораздо большая доля вдов существенно уменьшали долю замужних женщин во всех возрастах, а тем самым оказывали понижающее влияние на уровень брачной рождаемости. До известной степени это должно было нейтрализовать влияние возрастной структуры женского населения, которая, как мы видели выше, была весьма благоприятна с точки зрения рождаемости.

РОЖДАЕМОСТЬ

По представлениям современников, бытовавшим еще в начале 90-х годов прошлого века, рождаемость в Харькове после реформы 1861 г. очень быстро снижалась. Снижение рождаемости, вероятно, действительно имело место, но темпы его снижения были сильно преувеличены. В условиях очень быстрого роста численности населения города и несовершенных методов ее учета

число жителей Харькова постоянно завышалось. Ошибки учета накапливались, так что оценка, видимо, все дальше удалялась от действительной величины. Устранить завышенную оценку численности населения Харькова позволила только перепись 1897 г.

По данным «Харьковского календаря», численность населения города в 1895 г. оценивалась в 200 тыс. человек[1], тогда как по переписи 1897 г. наличное население Харькова составляло всего 174 тыс. человек. Численность родившихся определялась, конечно, более точно, но завышенная оценка численности населения, естественно, вела к преуменьшению общего коэффициента рождаемости. Для 1885—1889 гг. был исчислен коэффициент рождаемости, равный 26,1‰, для 1892—1896 гг. — 26,8‰, коэффициент же, исчисленный с учетом переписи населения за 1896—1897 гг., равен 34,2‰. Если исключить наиболее сомнительные с точки зрения оценки численности населения годы, то получим следующую динамику общего коэффициента рождаемости.

Таблица 10

КОЭФФИЦИЕНТ РОЖДАЕМОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВА, %

Годы	Коэффициент рождаемости	Годы	Коэффициент рождаемости
1860—1864	48,9	1880—1882	34,7
1865—1869	44,4	1896—1897	34,2
1870—1874	40,9	1898—1900	36,1
1875—1879	42,4	1913	29,8

Источники: *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* Указ. соч., с. 121. Харьковский календарь за 1898 и 1899 гг.; Всероссийская перепись населения 1897 года. Харьковская губерния; *Курман М. В., Лебединский И. В.* Указ. соч., с. 33—34.

Таким образом, снижение рождаемости было не таким сильным, как могло казаться в конце 80-х и начале 90-х годов, но все же значительным. К этому надо добавить, что показатели уровня рождаемости населения Харькова были намного ниже, чем всего населения Харьковской губернии или Европейской России в целом. Об этом свидетельствуют данные табл. 11.

Таким образом, несмотря на очень благоприятную для рождаемости возрастную структуру женского населения, рождаемость в Харькове была для своего времени до-

[1] Харьковский календарь за 1897 г.

Таблица 11

ОБЩИЙ И СПЕЦИАЛЬНЫЙ[1] КОЭФФИЦИЕНТЫ РОЖДАЕМОСТИ В 1896—1897 ГГ.

	Общий коэффициент (на 1000 жителей)	Специальный коэффициент (на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет)
Харьков	34,2	126,4
Харьковская губерния	55,9	263,5
Европейская Россия	49,9	203,5
Городское население Европейской России	38,0	147,4

[1] Для расчета специального коэффициента рождаемости использована методика, подробно описанная в нашей книге «Актуальные вопросы демографии» (М., 1976, с. 48—49).

вольно низкой. Этот относительно низкий уровень рождаемости в Харькове привлек внимание исследователей еще в 80-е годы прошлого века, однако тогда он не был осмыслен по-настоящему. К. Ц. Бобрицкий, анализировавший воспроизводство населения Харькова в тот период, писал: «...малая рождаемость харьковского населения, без сомнения, находится в большой зависимости от возрастного его состава: действительно, количество населения Харькова как центра Юга России в образовательном и промышленно-торговом отношении, немало увеличивается пришлым элементом молодых учащихся лиц, равно торговым и рабочим классами, проживающими в городе только временно, между тем, как внесение в состав харьковского населения и такого временно входящего элемента и притом в значительных количествах, без сомнения должно резко отражаться и на вычислении коэффициента рождаемости»[1].

Разумеется, соображения К. Ц. Бобрицкого не лишены оснований, однако они не дают достаточно полного объяснения относительно низкого уровня харьковской рождаемости. Постоянное присутствие в населении Харькова временного элемента могло отразиться не непосредственно на рождаемости, а в первую очередь на брачности. Так оно, вероятно, и было, особенности и половозрастного состава, и социальной структуры населения города нашли свое отражение в специфике брачной структуры, о которой говорилось выше. Последняя в свою

[1] *Бобрицкий К. Ц.* Рождаемость, брачность и смертность харьковского населения. Харьков, 1892, с. 4.

очередь должна была неминуемо вести к более низкому уровню рождаемости.

В то же время можно предположить, что в конце XIX в. некоторую роль в понижении уровня рождаемости населения Харькова могло играть ограничение рождаемости в браке. Средства ограничения рождаемости, по-видимому, в это время получили среди харьковского населения довольно широкое распространение. Об этом свидетельствует, в частности, обнаружившаяся уже в конце 60-х годов тенденция к снижению внебрачной рождаемости. Казалось бы, как справедливо отмечали Д. И. Багалей и Д. Миллер, «уменьшение брачности должно бы компенсироваться учащением внебрачных отношений»[1], а следствием этого должно было быть повышение внебрачной рождаемости. На самом же деле этого не произошло. «Отсюда следовало бы заключить, что и харьковские нравы... стали строже, чем были... Вряд ли это, однако, так в действительности. Не вернее ли будет искать причину понижения процента внебрачной рождаемости не в усилении строгости нравов, а в широком развитии проституции, с одной стороны, и в большом распространении презервативных и абортивных средств, с другой стороны»[2].

Если средства предохранения от зачатия и прерывания беременности, по мнению современников, могли широко применяться для того, чтобы избежать внебрачных рождений, то можно думать, что постепенно они должны были проникать и в практику семьи. В докладе, написанном в 1893 г., харьковский врач П. Н. Чунихин, основываясь на материалах Харькова, писал: «Достойно замечания, что многие из больных заявляли о своем нежелании иметь детей и многие говорили о тех мерах предосторожности, которые они предпринимали, чтобы предохранить себя от беременности; если прибавить к этому, что некоторые выкидыши вызваны были, по-видимому, умышленно, то мы увидим, что у современной женщины существует сильное стремление к ограничению числа беременностей»[3]. При этом автор доклада не говорит, что речь идет только о незамужних женщинах.

---

[1] *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* Указ. соч., с. 123.

[2] *Там же.*

[3] *Чунихин П. Н.* К статистике выкидышей и преждевременных родов среди народонаселения России. Труды V съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова. Т. I. Спб., 1894, с. 533.

Известно, что во второй половине XIX в. в России наблюдалась тенденция к снижению смертности. В какой мере эта тенденция затронула крупные города?

Пример Харькова говорит о том, что условия жизни в дореволюционном капиталистическом городе отнюдь не благоприятствовали сохранению здоровья большинства его населения и снижению его смертности. Трудящееся население подвергалось тяжелой эксплуатации. Рабочий день на большинстве предприятий длился 11—12 часов и более, изнурительный труд оплачивался очень низко. На паровозостроительном заводе, например, где заработок считался относительно высоким, рабочие получали в среднем за день работы 60 коп., на канатной фабрике мужчинам платили 50 коп., женщинам — 35 коп. в день. При этом нищенский заработок урезывался штрафами [1].

Плохими были жилищные условия. По данным городской переписи 1892 г. средняя плотность заселения одной квартиры составляла 7,7, а комнаты — 2,4 человека. По расчетам Д. Багалея и Д. Миллера на одного жильца в Харькове в тот период не приходилось и двух кубических сажен воздуха [2].

Из 22 596 квартир, обследованных при переписи 1892 г., только 27,4% имели специальные нежилые кухни, в остальных квартирах в кухнях жили (в зажиточных семьях — прислуга). Только 5,6% квартир имели теплые уборные и лишь 1,5% — ванные. Почти $^1/_5$ всех зданий в городе имели земляные полы. 7,1% всех квартир полностью помещались в подвалах и еще 5,4% квартир были расположены в подвалах частично (имели комнаты) [3]. По свидетельству Д. Багалея и Д. Миллера, «сырые и нездоровые подвалы достались на долю городской бедноты, расплачивающейся за дешевую квартиру не только рублем, но и здоровьем» [4].

Крайне неблагоприятной была санитарно-гигиеническая обстановка в городе, которая даже ухудшалась в

---

[1] *Окладной Г. М.* Очерки по истории развития Советского Харькова. Харьков, 1956, с. 30—31.

[2] См.: *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* Указ соч., т. 2, с. 126.

[3] *Там же*, с. 72—78.

[4] *Там же*, с. 107.

результате быстрого развития промышленности Харькова.

Маловодные реки — Харьков и Лопань — были запружены в нескольких местах плотинами, что, по сути дела, превратило их в своеобразные пруды со стоячей гниющей водой. Находясь в низине, обе речки служили местом стока вод с окрестных возвышенностей, захватывавших встречавшиеся по пути нечистоты. Зимой лед обеих речек служил свалкой для разного рода мусора, трупов павших животных, экскрементов.

Расположенные по берегам речек шерстомоечные, кожевенные, овчинные, мыло- и пивоваренные предприятия спускали в них отходы производства и грязную воду. Химическое исследование воды харьковских речек, произведенное проф. Борисяком в 1864 г., привело его к заключению, что «реки харьковские, перерезанные плотинами, заваленные нечистотами разного рода, отравляющими воду, портят и самый воздух своими испарениями, смешанными с гнилыми, смрадными частицами»[1].

Снабжение города водой также ни в коей мере не отвечало потребностям его быстро растущего населения. Только в 1881 г. была открыта первая линия харьковского водопровода, которая по своей маломощности не могла обеспечить водой все население уже большого к тому времени города.

Очень плохо содержались в Харькове ретирадные места как в частных домовладениях, так в особенности в пунктах общественного пользования: не везде выкапывались выгребные ямы достаточной глубины и далеко не всегда они цементировались, очистка и дезинфекция производилась нерегулярно и недостаточно эффективно. Несмотря на все это, только в 1912 г. было приступлено к сооружению системы канализации, которая в 1914 г. в состоянии была обслужить лишь центр и некоторые прилегающие кварталы города.

Медицинская помощь в дореволюционном Харькове была поставлена неудовлетворительно. Вплоть до 50-х годов XIX в. в городе функционировала только одна больница приказа общественного призрения. В 50-х годах организуется клиника при университете (в разные годы 40—60 коек) и открывается Александровская больница

---

[1] *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* Указ. соч., т. 2, с. 103.

(к концу века — 240 коек); в конце 70-х годов была организована первая детская больница (20—40 коек), а в начале 90-х годов вторая детская больница с таким же примерно количеством коек. В 1900 г. начала функционировать Николаевская больница (100 коек). Если к перечисленному прибавить некоторое число мест в частных лечебницах, то можно считать, что общий коечный фонд в Харькове в первом десятилетии XX в. (не считая психиатрической больницы, обслуживавшей не только городские контингенты) приближается к 500, что для более чем 200-тысячного города (в 1904 г. Харьков перевалил через этот рубеж) было явно недостаточно. Таковы были санитарно-гигиенические условия в дореволюционном Харькове.

Не удивительно, что в городе не прекращались эпидемии и инфекционные заболевания. Эпидемии холеры в Харькове имели место в 1830, 1831, 1833, 1847, 1848, 1853, 1858, 1866, 1870—1872 гг. Эпидемии тифа — в 1843—1847, 1873, 1880, 1889, 1896, 1900—1901 гг. Эпидемия оспы — в 1883—1884 гг. Заболевания дифтеритом, скарлатиной, а в летние месяцы — диарреей, дизентерией и другими желудочно-кишечными болезнями не прекращались. Очень часты были заболевания туберкулезом и пневмонией.

Таблица 12

ОБЩИЙ КОЭФФИЦИЕНТ СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ХАРЬКОВА, %

Периоды	Коэффициент смертности	Периоды	Коэффициент смертности
1854—1859 гг.	52,7	1875—1879 гг.	36,6
1860—1864 гг.	44,0	1880—1882 гг.	31,0
1865—1869 гг.	46,3	1896—1897 гг.	24,0
1870—1874 гг.	37,8	1898—1900 гг.	24,2
		1913 г.	25,6

Источник. *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* Указ. соч. с. 121; *Курман М. В., Лебединский И. В.* Указ. соч., с. 33—34.

Таким образом, и социально-экономические, и санитарно-гигиенические условия жизни большинства населения капиталистического Харькова мало благоприятствовали снижению смертности. Правда, если судить по динамике общего коэффициента смертности, в целом смертность все же снижалась на протяжении всей второй половины XIX в.

Однако общий коэффициент смертности не может служить достаточно надежным мерилом уровня смертности. Вероятно, его динамика в какой-то мере отражает реальные тенденции. Снижение смертности, происходившее повсеместно, не могло не затронуть вовсе и население Харькова. Но темпы этого снижения для Харькова, если судить о них по динамике общего коэффициента, могут оказаться преувеличенными.

Общий коэффициент смертности зависит от возрастной структуры населения, а, как мы видели, специфика возрастной структуры населения Харькова в конце XIX в. заключалась в том, что в ней была существенно выше нормальной доля лиц в возрасте от 15 до 40 лет, т. е. в возрасте относительно более низкой смертности. Между тем жертвами нездоровых условий жизни в большом городе становились прежде всего дети, доля которых в населении Харькова была сравнительно низка. Представление об истинном уровне смертности дают только показатели таблиц смертности, но такими показателями мы располагаем лишь для 1896—1897 гг.

Таблица 13

СРЕДНЯЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ (e_x^0) В НЕКОТОРЫХ ГОРОДАХ В 1896—1897 ГГ.

Возраст	Сельское население Украины		Харьков		Петербург		Москва		Киев		Одесса	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
0	36,3	36,9	32,7	36,1	25,4	31,5	23,1	26,7	28,7	32,6	32,7	37,4
5	52,0	49,5	49,6	53,2	44,3	51,4	46,8	50,9	46,8	50,6	48,3	53,8
10	49,9	47,3	46,3	49,9	42,1	49,5	44,5	48,9	43,8	47,4	45,9	51,6
15	46,3	43,7	42,0	45,7	38,5	45,8	40,3	44,8	39,8	43,2	42,0	47,8
25	39,3	36,8	33,9	38,3	31,7	38,5	32,3	37,0	31,8	35,7	34,3	40,8
35	31,9	29,8	27,1	31,5	24,9	31,3	25,1	29,5	24,7	28,9	27,1	33,6
45	24,5	22,7	21,0	25,0	18,9	24,2	18,4	22,5	18,8	22,0	21,0	26,3
55	17,8	16,0	15,9	18,8	13,7	17,6	12,6	16,0	13,2	16,3	15,5	19,8
65	12,1	11,0	11,9	12,9	9,4	13,1	8,3	10,7	9,3	10,8	11,2	14,5
75	9,0	8,5	9,4	9,1	6,3	7,6	5,2	6,4	4,1	6,7	7,6	11,1

Источник. *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения, с. 329, 341—342.

Средняя продолжительность жизни при рождении, равная 32,7 года для мужчин и 36,1 года для женщин, — показатель для конца XIX в. очень низкий. Он свидетельствует о весьма высоком уровне смертности в капиталистическом городе. По этому показателю население Харькова значительно уступало сельскому населению Украины. В других возрастах средняя продолжительность жизни у женщин оказывалась в Харькове, как правило, выше, чем в уездах, у мужчин же худшие показатели сохранялись в Харькове во всех возрастах.

Однако если сравнивать Харьков с другими крупными городами, то его показатели средней продолжительности жизни оказываются отнюдь не самыми худшими. Петербург, Москва, Киев заметно уступают Харькову. Даже если ставить под сомнение правомерность сравнения e_0 для этих городов (из-за особо высокой смертности детей в воспитательных домах Москвы и Петербурга), то сравнение e_x для других возрастов убеждает в том, что смертность в этих городах была еще выше, чем в Харькове.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Б. Ц. Урланис. Динамика уровня рождаемости в СССР за годы Советской власти 8
Р. М. Дмитриева, Е. М. Андреев. Снижение смертности в СССР за годы Советской власти 28
И. П. Ильина. Влияние войн на брачность советских женщин . 50
Р. И. Сифман. Динамика численности населения России за 1897—1914 гг. 62
Б. Н. Миронов. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. 83
А. Г. Вишневский. Ранние этапы становления нового типа рождаемости в России 105
О. В. Марченко. Индексы рождаемости по 50 губерниям Европейской России в конце XIX в. 135
М. С. Тольц. Брачность населения России в конце XIX — начале XX в. 138
Г. И. Чертова. Смертность населения России в XIX в. по исследованиям современников 154
А. Л. Перковский. Кризис демографического воспроизводства крепостного крестьянства России в первой половине XIX столетия 167
М. К. Караханов. Демографические процессы в Средней Азии во второй половине XIX столетия 191
Х. Палли. Воспроизводство населения Эстонии в XVII—XIX вв. 214
М. В. Курман. Воспроизводство населения дореволюционного крупного города (на примере Харькова) 230

БРАЧНОСТЬ, РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ В РОССИИ И В СССР

Рецензенты: *В. А. Борисов, В. И. Козлов*

Редактор *Л. Л. Щербакова*

Мл. редактор *И. Ю. Кателевская*

Корректоры *Г. А. Башарина, Н. П. Сперанская*

Техн. редактор *Л. Г. Челышева*

Худ. редактор *Т. В. Стихно*

Переплет художника *И. И. Карпикова*

ИБ № 486

Сдано в наб. 17/VI 1977 г. Подп. к печ. 16/XI 1977 г. Формат бумаги 84×108$^{1}/_{32}$ Бумага № 2. Объем 7,75 печ. л. Уч.-изд. л. 13,55 Усл. п. л. 13,02 Тираж 19000 экз. А 14438 (Тематич. план 1978 г. № 41) Заказ 1376 Цена 95 коп.

Издательство «Статистика», Москва, ул. Кирова, 39.

Великолукская городская типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли Псковского облисполкома, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12

95 коп.

СТАТИСТИКА 1977